

Annotation

Далекие берега Америки с самых первых дней после ее открытия стали служить местом, где находили себе убежище всякого рода авантюристы, куда стекались искатели приключений. Их безрассудная смелость не мирилась с узким, вполне установившимся укладом старой европейской жизни и стремилась проявить себя на просторе.

- [Густав Эмар](#)
 - [Глава I. ГРАФ ДЕ ЖЮМОНВИЛЛЬ](#)
 - [Глава II. МАЙОР ВАШИНГТОН](#)
 - [Глава III. УБИЙСТВО](#)
 - [Глава IV. НА «КРАСИВОЙ РЕКЕ»](#)
 - [Глава V. ЛЮБОВЬ В ПУСТЫНЕ](#)
 - [Глава VI. В КОТОРОЙ ДОКАЗЫВАЕТСЯ, ЧТО ХОРОШЕНЬКОЙ ЖЕНЩИНЕ НИКОГДА НЕ СЛЕДУЕТ ИМЕТЬ БЕЛОГО ПОПУГАЯ](#)
 - [Глава VII. РАСПЛАТА](#)
 - [Глава VIII. ЖИЛИЩЕ ИЗГНАННИКА](#)
 - [Глава IX. ВЕСТНИК](#)
 - [Глава X. ДВА БРАТА](#)
 - [Глава XI. В ФОРТЕ ДЮКЭНЕ](#)
 - [Глава XII. ПЛАН КОМПАНИИ](#)
 - [Глава XIII. СИЛУЭТ РАЗБОЙНИКА](#)
 - [Глава XIV. ОТЪЕЗД](#)
 - [Глава XV. В ЗАМКЕ ДЕ МАЛЕВАЛЬ](#)
 - [Глава XVI. РАССКАЗ ЛЕОНЫ](#)
 - [Глава XVII. ДВЕ ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЕ ЕХИДНЫ](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Густав Эмар
Форт Дюкэн

Глава I. ГРАФ ДЕ ЖЮМОНВИЛЬ

Многие ли знают и вспоминают о том, что в царствования Людовика XIV и Людовика XV большая часть Северной Америки принадлежала Франции? В состав этих владений входила обширная территория — Новая Франция или Канада, как ее называют теперь.

Эта богатая страна из наших рук перешла во владение англичан. Англия, впрочем, владеет теперь очень небольшой частью Канады, которая, однако, составляет одну из самых богатейших колоний этого государства.

На вопрос о том, какие причины вынудили нас сделать подобную уступку, трудно было бы дать более или менее определенный ответ.

Кровь лилась рекой. Самые лучшие и знаменитые люди посвящали себя делу колонизации Новой Франции. Забывая о себе и не щадя своей жизни, они думали только о славе Франции. Но, судьбе было угодно иначе, и Франция лишилась Канады, а с ней вместе погибли и плоды геройских усилий и тяжелых трудов.

Это была большая потеря для Франции.

У нас даже и до сих пор почему-то все убеждены, что Канада представляет из себя небольшую, сравнительно, пустынную территорию, отличающуюся таким суровым климатом, что европейцы не могут переносить его. Затем, прибавляют еще, что эта пустыня покрыта вечным снегом, и в ней живут только дикие звери да бродят свирепые племена индейцев.

Заблуждение, за которое нам пришлось поплатиться очень дорого.

Вот, в двух словах, истинное положение дела.

Новая Франция в то время, когда мы владели ею, образовывала треугольник, основание которого находилось на севере Гудзонова залива, а вершина в Мексиканском заливе, немного южнее Нового Орлеана. Каждая сторона треугольника имела не менее 3. 800 километров, а площадь его равнялась почти 1. 200. 000 квадратных километров, то есть была в одиннадцать раз больше площади, занимаемой нынешней Францией.

В одной только Канаде считается двадцать пять тысяч жителей. Но она могла бы свободно прокормить и в шестеро больше этого числа. Короче, это — самая торговая и промышленная страна Северной Америки.

Таковы были эти несколько тысяч гектаров, покрытые снегом, которые, по словам фернэйского философа, не стоили ни крови ни денег, истраченных на это дело Францией.

В то время, к которому относится начало этого рассказа, в Америке снова разгорелась война между Англией и Францией. Столкновение вызвано было отнюдь не представителями французского правительства в колонии. Затем, надо заметить еще, что англичане вели эту войну с невероятной жестокостью и на каждом шагу нарушали все установленные правила и обычаи. В большинстве случаев они начинали военные действия без объявления войны и даже не давали себе труда придумать хоть какой-нибудь предлог для этого.

Такой образ действий ложится темным пятном на правительство этой страны, и упрек в этом всегда можно бросить в лицо англичанам, несмотря на то, что во время войны войска их проявляли немало военной доблести.

27-го мая 1754 г., около шести часов вечера, отряд в тридцать четыре человека, под командой офицера, вышел на большую поляну.

Поляна эта находилась среди громадных лесов, покрывавших в то время берега Огио, которую французы называли «Красивой рекой», и тянувшихся до границ Виргинии — владений Англии.

Вышедший на поляну отряд совершил утомительный и длинный переход, пробираясь малоизвестными и почти непроходимыми лесными тропинками. Несмотря на то, что большинство людей в отряде были индейские воины, с раннего детства привыкшие к всевозможным лишениям, сопряженным с их бродячей жизнью, а остальные, так называемые канадские охотники, заслуженно славившиеся своей неутомимостью и выносливостью, и те и другие, по-видимому, положительно изнемогали и просто падали от усталости. Они еле тащились, пробираясь сквозь густую лесную чащу, и когда один за другим выходили на поляну, невольный крик радости вырвался из всех уст.

Офицер, — молодой человек лет двадцати пяти, с тонкими и выразительными чертами лица, — носил мундир капитана королевского флота.

Он вышел на поляну первым и, находя, что людям необходимо дать отдохнуть несколько часов, отдал приказание разбить здесь бивуак на ночь.

Канадцы и краснокожие, очевидно, только и ждали этого приказания. Все дружно принялись за дело, и через минуту бивуак был уже готов. В нескольких местах зажгли сторожевые огни. Затем все принялись рыться в своих сумках и занялись приготовлением ужина.

Капитан сидел перед одним из костров на стволе поваленного дерева. Облокотившись локтями на колени и сжимая руками голову, он рассеянно следил за искрами, вылетающими из костра, весь предавшись своим думам, которые вскоре всецело завладели им.

Мы намерены воспользоваться этими минутами затишья, чтобы объяснить появление вооруженного отряда на лесной поляне, удаленной более чем на тридцать миль от всякого жилья.

За несколько недель перед этим Дэнвиди, губернатор Виргинии, назначенный британским правительством, выслал большой военный отряд с поручением занять земли по Огио, которые принадлежали Франции.

По английскому обыкновению, экспедиция эта снаряжалась в то время, когда никто и не думал о войне; словом, англичане и на этот раз нарушали традиционные правила ведения войны в цивилизованных странах.

Экспедиционным отрядом командовал майор Вашингтон. Это был тот самый Вашингтон, который впоследствии сделался великим человеком и освободил отечество от ига англичан. Высланный им авангардный отряд, под командой прапорщика Уарда, смело вступил во владения Франции и даже построил на берегу Огио форт, который, само собой разумеется, недолго оставался во власти англичан и был отнят у них французами, а гарнизон форта очутился в плену.

Несмотря на это, комендант форта Дюкэн (в настоящее время город Питсбург, один из богатейших городов в Соединенных Штатах), генерал де Контркер, желая, насколько возможно, избежать кровопролитной войны, решил не отвечать выстрелом на выстрел, атакой на атаку. Вследствие этого, он поручил одному из своих адъютантов, капитану морского полка, отправиться к английскому начальнику с требованием немедленно удалиться с французской территории, куда он проник, не имея на это никакого права.

Адъютант этот был граф де Жюмонвиль.

Граф де Жюмонвиль, повинуясь приказанию начальника, быстро приготовился к отъезду. Но так как ему предстояло пробираться по таким местностям, где бродят враждебные племена индейцев, генерал де Контркер потребовал от него, чтобы он взял с собой конвой, в состав которого входило тридцать четыре человека, выбранных из самых надежных и опытных людей.

Вот этот-то отряд и расположился теперь бивуаком на лесной поляне после пятисуточного усиленного перехода.

Граф де Жюмонвиль так спешил исполнить возложенное на него поручение, что в течение пяти суток ни разу не давал своим людям отдыха ни днем ни ночью. Зато теперь он мог надеяться, что благодаря такой сверхъестественной быстроте, он на другой день около полудня подойдет к первым английским аванпостам.

Молодой человек уже несколько минут сидел погруженный в свои размышления, когда к нему подошел один из канадцев. Молодой офицер так задумался, что не слышал шума шагов.

Канадец терпеливо стоял и ждал. Наконец, видя, что офицер не обращает на него внимания, он решился заговорить первый.

— Капитан, — сказал он, почтительно кланяясь.

Граф де Жюмонвиль быстро поднял голову, и на лице его при этом ясно читалось, что ему неприятно это нарушение канадцем установленных правил военного этикета.

Но канадец спокойно стоял, облокотившись на ружье, и с невозмутимым видом ждал, пока начальник предложит ему вопрос.

Капитан при виде канадца, которого мог считать если не другом, то, во всяком случае, преданным ему человеком, улыбнулся и сказал:

— Это ты, Бержэ, что тебе нужно?

— Мне нужно поговорить с вами, — отвечал лаконически тот, кого граф де Жюмонвиль назвал Бержэ.

— Садись, я слушаю тебя.

Канадец повиновался и сел у ног своего начальника. Это был человек высокого роста, широкоплечий, крепко сложенный. Толстые, как канаты, и твердые, как сталь, мускулы служили верным признаком того, что этот человек обладает геркулесовской силой. Небольшая, сравнительно с его ростом, голова, с квадратным лбом и выразительным лицом, твердо сидела на его толстой шее. Черные открытые глаза с густыми ресницами прямо и смело смотрели в лицо собеседника. Целый лес темных кудрявых волос, перевязанных сзади кожей змеи, в беспорядке рассыпался по плечам. Сильно загорелая пергаментная кожа, испещренная преждевременными морщинами, казалась совершенно черной. Длинная, рыжеватая, густая борода закрывала нижнюю часть лица и спускалась на грудь, придавая ему несколько дикий вид. Несмотря на такую суровую наружность, невольно чувствовалось, что злу нет места в сердце этого человека. Все в нем говорило, что это человек честный и прямодушный.

На нем был надет обычный костюм канадских охотников — голубая полотняная блуза, расшитая белыми нитками. Эта блуза, стянутая поясом из крокодиловой кожи, не стесняла его движений, чего нельзя сказать про европейское суконное платье. За поясом у него виднелись нож с роговой рукояткой, штык, мешок с пулями и пороховница. Затем на нем были надеты панталоны из грубой крашенины. Индейские мокасины из лосиной кожи защищали его ноги от колючих игл терновников. Большая кожаная сумка, очень похожая на обыкновенные охотничьи сумки, висела через

правое плечо. Наконец, в руке он держал длинное ружье, приклад которого затейливо был изукрашен набитыми в него маленькими гвоздиками с медными позолоченными головками.

Этот типичный представитель канадского охотника, в котором индейская и европейская кровь смешались до такой степени, что почти невозможно было различить, какая именно кровь в нем преобладает, по-видимому, чувствовал себя прекрасно среди дикой и в то же время роскошной природы. Здесь в лесу он был, как рыба в воде.

Бержэ был потомком тех нормандских колонистов, которым первым пришлось бросить свои дома, отнятые у них англичанами, и удалиться на север в леса, где они отважно стали вести жизнь, полную опасностей. Впоследствии они получили прозвище «горелое дерево, головешка» благодаря темному цвету кожи, явившемуся результатом скрещенния рас.

По внешнему виду довольно трудно было определить, сколько именно лет Бержэ. Собеседнику графа де Жюмонвиля можно было дать как тридцать пять, так и пятьдесят лет.

Видя, что охотник не решается почему-то говорить о том, что у него на душе, капитан продолжал:

— Ну, говори же, в чем дело?! Все распоряжения на ночь сделаны... Наши молодцы поужинали, и теперь пусть они отдохнут и выспятся. Двух часовых вполне достаточно для охраны общей безопасности и поддержания огня.

Канадец молча покачал головой.

— Нет? — спросил офицер.

— Нет! — отвечал Бержэ.

— Что же такое еще случилось?

— Извините, но...

— Что такое?

— Теперь нельзя спать всем.

— Я и сам прекрасно вижу это, — сказал, улыбаясь, граф де Жюмонвиль. — И если ты будешь говорить все так же загадками, мы проговорим с тобою до самого утра.

— Теперь совсем не время смеяться, — заметил канадец серьезным тоном.

Французский офицер хорошо знал своего подчиненного. Зная, что Бержэ не станет тратить слова попусту, он перестал смеяться.

Затем канадец прибавил:

— Капитан, нужно осмотреть окрестности.

— Какие окрестности? Разве здесь не настоящая пустыня? Какому

черту придет в голову искать нас здесь?

— Я никого не боюсь.

— Я это отлично знаю, милейший мой Бержэ.

— Но есть люди, которым грозит опасность в лесу.

— Ты это говоришь обо мне?

— Да, господин граф.

— Баста! Уж не хочешь ли ты испугать меня?

— Нет, потому что это все равно ни к чему не поведет... Я тоже хорошо знаю вас и стараюсь пробудить в вас осторожность.

— Осторожность? А разве у тебя не хватит осторожности и на мою долю, старина Бержэ? — дружески возразил офицер.

— Этого мало.

— Дай мне твою руку!

Бержэ протянул руку графу де Жюмонвилю, который затем продолжал:

— Видишь ли, милый мой, мы с тобою земляки...

— Да.

— Оба — нормандцы. Твои предки были долгое время верными слугами моих...

— Да.

— Ты — мой друг.

— Да.

— В таком случае и говори со мною как друг, а не как подчиненный.

— Благодарю, — проговорил канадец, отнимая свою руку и отворачиваясь, чтобы скрыть охватившее его волнение, — благодарю, господин граф!.. Это правда... Моя семья всегда была предана вашей... и когда там... в Квебеке я случайно услышал ваше имя, мое сердце затрепетало от счастья, и я поспешил к вам... Несмотря на то, что я родился в Новой Франции, я считал себя прирожденным слугой вашим и вашей семьи... Вы сами видели, что я не заставил себя ждать. Я предложил свои услуги, и вы взяли меня... Договор заключен и только одна смерть может разлучить старшего сына моего отца с наследником графа де Жюмонвиля.

— Я очень рад слышать от тебя это... и я, когда-нибудь, поговорю с тобой еще раз по этому поводу.

— Потом, — сказал Бержэ с видимым замешательством.

— Да, когда мы исполним возложенное на меня поручение.

— Разумеется.

— Ты мне расскажешь тогда все, чего я не знал до сих пор.

— Успеем еще.

— Ты мне расскажешь, почему покинул Францию твой отец... — продолжал капитан.

— О! рассказ о жизни таких бедняков, как мы, не может представлять особенного интереса.

— Все, что тебя касается, очень интересует меня.

— Я всегда к вашим услугам, господин граф.

— Кроме того, — продолжал молодой человек, — я ведь и приехал-то в Америку только за тем, чтобы собрать некоторые сведения...

Замешательство канадца все возрастало.

Граф де Жюмонвиль продолжал говорить, не замечая его смущения, заметить которое, впрочем, мешал мрак наступающей ночи.

— Надеюсь, ты мне поможешь в моих розысках?

— Я сделаю все, что будет зависеть от меня, хотя я и не совсем понимаю вас, — отвечал Бержэ, который, казалось, чувствовал себя, как на иголках.

— Дело идет об одном из моих двоюродных дедов...

— А! Понимаю...

— Он был, если я не ошибаюсь, капитаном Кариньянского полка.

— Но...

— Он вместе со своим полком отправился в Америку и там остался.

— Ну, а потом?

— А потом мы уже не имели о нем никаких известий. Мы долго разыскивали его, но все наши хлопоты пропали даром: он точно канул в воду.

— В этом нет ничего необыкновенного, господин граф.

— Почему?

— Да просто потому, что, сделавшись колонистом, он, как и множество других людей, переменял имя, — отвечал канадец с некоторым колебанием в голосе.

— Зачем?

— Ах! Господин граф, все это такие вещи, которые с первого взгляда кажутся непонятными европейцу... Но, видите ли, когда пройдет несколько времени после того как покинешь Старый Свет для Нового, город для леса, когда поймешь, что настоящее счастье возможно только в глубине лесов, тогда явится желание отрясти прах с ног и сделать это так, чтобы на тебе не осталось ни одной городской пылинки. Ну, а когда начинают жизнь снова, само собою разумеется, меняют имя и чувствуют себя отлично.

— Да, — пробормотал молодой человек. — Может быть, оно и так, а

может быть, и нет. Но мне все-таки хотелось бы узнать, какая судьба постигла нашего родственника.

— Может быть, вы это узнаете когда-нибудь.

— Ты думаешь?

— А почему бы и нет! — повторил охотник с видимым волнением.

Нет сомнения, что, если бы канадец мог дать разговору другое направление, капитану де Жюмонвиллю не удалось бы вытянуть из него ни одного слова больше; но охотник слишком почтительно относился к своему начальнику и, конечно, не считал себя вправе перебить его.

Капитан, между тем, продолжал:

— Родственник, о котором я говорю, исчез более тридцати лет тому назад.

— Тридцать лет — тридцать дней! Время — самый лучший способ для раскрытия тайн. А вы не позволите мне предложить вам один вопрос, господин граф?

— Говори.

— Почему вам именно так хочется раскрыть эту тайну?

— Да ведь я же тебе говорил, что я хочу собрать сведения об одном из моих двоюродных дедов? Если бы я даже и не интересовался им лично, я не мог бы остаться равнодушным к тому, что он носит наше имя, и может набросить на него тень.

— А если бы он переменял имя?

— Возможно ли это?

— Этого я не знаю.

— Кроме того, признаться тебе, дружище Бержэ, во всей этой истории есть нечто такое, что очень сильно затронуло мое любопытство.

— А, любопытство!.. — пробормотал охотник, — хотя теперь и не время для этого... Мы должны обратить внимание на Другое.

Граф де Жюмонвиль продолжал начатый разговор, как бы не слыша того, на что старался обратить его внимание канадец.

— Хотя это и очень запутанная история и слышал я ее еще ребенком, Бог знает сколько лет тому назад, но мне помнится, что отец мой говорил, будто мой родственник был замешан в какой-то кровавой истории.

— Не совсем так. Внезапное исчезновение деда стояло в тесной связи с какой-то катастрофой... мой отец отлично знал всю эту историю.

— А он не рассказывал вам ее? — спросил охотник.

— Подробно никогда. Я пробовал раза два заговорить с ним об этом, но он всегда сворачивал разговор на другое.

Бержэ вздохнул свободнее.

— Ваш отец, — сказал он, — по всей вероятности, думал, что лучше предать забвению всю эту историю.

— Весьма возможно. Наше путешествие по лесам, эта торжественная тишина, вся эта поэзия пустыни невольно заставили меня вспомнить эту историю. Мы поговорим с тобой об этом в другой раз, а теперь скажи мне, что именно тебя так обеспокоило и заставило подойти ко мне?

— Теперь, пожалуй, уже поздно, — процедил сквозь зубы Бержэ.

— Ворчун! — улыбнулся молодой человек. — Что же особенного могло случиться за эти несколько минут?

— Ничего. А вы можете поручиться, что все обойдется благополучно?

— Все в руках Божьих. Надеюсь, ты не станешь требовать от меня, чтобы я предсказывал будущее.

— Конечно.

— Ну, однако, скажи же, что тебе от меня нужно?

— Чтобы вы разрешили мне отлучиться на один час затем, чтобы осмотреть, все ли спокойно в окрестностях.

— А, а! Да ты, кажется, боишься чего-то?

— Говоря откровенно, да.

— Чего?

— Индейский вождь, который идет вместе с нами, открыл в лесу много следов, а кроме того, я и сам напал на следы.

— Охотников?

— Нет.

— Может быть, таких же, как и мы, путешественников?

— Нет.

— Чьи же в таком случае эти следы?

— Следы солдат, — ответил Бержэ.

— Английских солдат?

— Да.

— А ты не ошибаешься?

— Такой старый лесной бродяга, как я, не может не узнать следов, которые оставляют после себя красные мундиры.

— Значит, ты думаешь, что тут в лесу, где-то недалеко от нас, бродят англичане?

— Я уверен в этом.

— Тем лучше, нам, значит, остается меньше идти.

— А по-моему, для нас было бы гораздо лучше не встречаться с ними.

— Вот это да!

— И вернуться назад.

— Ты с ума сошел? — спросил граф де Жюмонвиль, с невыразимым изумлением смотря на канадца.

— Все эти таинственные переходы, марши и контрмарши мне очень подозрительны, смею вас уверить.

— Но ты забываешь, что я иду парламентаром к полковнику Фрею?

— Я это знаю.

— И к подполковнику Вашингтону.

— Да.

— Поэтому мне вовсе нечего бояться, что вблизи находится отряд англичан.

— Ну, это еще бабушка надвое сказала... Офицер с видимым раздражением перебил его.

— Парламентар — неприкосновенен! Он во время исполнения своих обязанностей находится под покровительством законов, как военных, так и международного права.

Охотник сделал рукою жест, выражающий сомнение.

— Здесь война ведется при совершенно иных условиях, чем в старой Европе, — сказал он затем.

— Я не допускаю даже и мысли...

— Ни на чем не основанное нападение в мирное время должно дать вам понятие о том, с каким уважением англичане относятся ко всем этим законам и правам.

— Бержэ! Бержэ! Ты точно зловещая птица, — возразил капитан, невольно улыбаясь. — Твоя ненависть к англичанам делает тебя несправедливым.

— Несправедливым?

— Уважай своих врагов, если хочешь, чтобы и враги уважали тебя.

— Хорошо. Я буду молчать... — пробормотал канадский охотник с недовольным выражением лица.

— Но ты все-таки стоишь на своем и считаешь необходимым принять известные меры предосторожности?

— Совершенно верно.

— Ну, пусть будет по-твоему... Делай, что хочешь.

— Мне только этого и нужно, — весело вскричал Бержэ, вставая.

— Надеюсь, что ты скоро сознаешься в своей ошибке.

— Дай-то, Господи! Я буду очень рад, господин граф, если окажется, что мои подозрения были неосновательны и я видел следы не англичан... Ну, а пока что, я сейчас же воспользуюсь вашим разрешением.

— Иди, иди себе, куда хочешь. Не забудь только показаться мне, когда

вернешься.

— Непременно, господин граф.

Простившись с молодым офицером, Бержэ скорыми шагами направился к индейцу, сидевшему в стороне перед костром, который он разложил лично для себя.

Индеец был уже пожилой человек, высокого роста и хорошо сложенный, с красивыми правильными чертами лица, достойными резца Микель Анджело. Его черные большие глаза сверкали хитростью и умом. Кроткое и задумчивое выражение лица и свойственная почти всем индейцам манера держать себя придавали ему какой-то особенный, благородный характер и заставляли относиться к нему с уважением. Костюм его состоял из панталон, сшитых по индейской моде, с поясом, украшенным вбитыми в него маленькими гвоздиками с медными головками, коленкоровой рубашки и мокасин из лосиной кожи, украшенных иглами дикобраза и разноцветными бусами. Довольно длинные волосы были искусно заплетены и приподняты в виде шиньона на затылке. Шкура белого бизона, стянутая на плечах ремнем, закрывала его всего и при ходьбе величественно и грациозно волочилась по земле.

В этом индейце, лениво курившем свою трубку, человек, знакомый с нравами и обычаями дикарей, с первого раза определил бы вождя по орлиному перу, воткнутому сбоку в волосы.

Несмотря на то, что вождь отлично слышал торопливые шаги канадца и, кроме того, видел его своими острыми глазами, он даже не шевельнулся и неподвижно продолжал сидеть в той же позе, погруженный в свои мысли.

Бержэ подошел к нему. Индеец даже не повернул головы. Канадский охотник тихо положил ему руку на плечо, не произнося ни слова. Он ждал, пока индеец сам заговорит с ним.

— Мой брат — желанный гость у своего друга, — проговорил, наконец, индеец грудным голосом, — что ему нужно от его друга? Пусть он говорит. Уши вождя открыты.

— Белый охотник хотел видеть своего друга перед отправлением в путешествие и пожелать ему хорошенько отдохнуть, — отвечал канадец.

Куда идет Бесследный? — продолжал краснокожий, называя Бержэ прозвищем, под которым он был известен и знаменит в девственных лесах. — Разве бледнолицый начальник дал ему такое поручение, которое не могут исполнить два человека?

— Вождь не ошибся, мне дано поручение.

— Бесследный обещал исполнить это поручение непременно один?

— Нет.

Индеец даже не моргнул глазом. Охотник, между тем, продолжал, улыбаясь:

— Я думал, что вождь, утомленный длинным переходом по лесам, захочет посидеть лучше у огня, чем идти со мною в такую темную ночь, когда на небе не видно ни одной звездочки.

Краснокожий быстро поднял голову.

— Бесследный очень весел, — сказал он. — Бесследный шутит. Или, может быть, он забыл, что Куга-Гандэ, «Тонкий Слух» — вождь, и что он не знает, что такое усталость.

Гуроны — мужчины, а не старые болтливые женщины. Куда идет брат мой?

— Осмотреть, все ли спокойно кругом лагеря.

— Хорошо.

— Пойдете вы со мной?

— Пусть брат мой идет; вождь последует за ним.

— Я был уверен в этом.

С этими словами канадский охотник протянул руку индейскому вождю, который молча пожал ее. Краснокожий встал, завернулся плотнее в бизонью шкуру, взял ружье и приготовился следовать за своим другом. Затем эти два человека, окинув взглядом лагерь, где все, за исключением часовых, были погружены в сон, покинули поляну и углубились в лес. Вскоре они скрылись в чаще леса, среди которого на поляне расположился бивуаком французский отряд.

Глава II. МАЙОР ВАШИНГТОН

Оставим пока отдыхать в лесу отряд, находившийся под командой графа де Жимонвиля, опередим разведчиков, отправившихся исследовать окрестности лагеря и попросим читателя отправиться вместе с нами в гуронскую деревушку, расположенную в нескольких лье дальше, на берегах Огио.

В этой деревушке временно находятся несколько лиц, с которыми нам необходимо познакомиться, чтобы уяснить себе дальнейший ход событий.

Деревушка эта была разбросана на зеленой поляне, вблизи левого берега реки, и долгое время служила временной стоянкой индейцам во время их весенних охот. Место для деревушки было выбрано очень удачно и гарантировало обитателей ее от всякого внезапного вторжения. С одной стороны ее защищала прихотливо извивающаяся «Красивая река», а с другой — скалистая покатость. Индейцы покинули эту деревушку уже несколько лет тому назад и переселились в глубь страны. Дичь стала попадаться редко, и благодаря этому им пришлось искать других земель для охоты.

Поэтому же и палисады, служившие им прежде оградой, были почти совершенно уничтожены, а немногие уцелевшие еще хижины сделались скорее достоянием ветра и дождя, чем приютом для несчастных, которых могли бы привести сюда или печальное стечение обстоятельств, или их злосчастная звезда.

Несмотря на это, в тот день, когда начинается наш рассказ, сильное оживление царило в деревушке, обыкновенно такой пустынной и угрюмой.

Часов около семи вечера, английский отряд, состоявший из трехсот человек, наполовину белых, наполовину краснокожих, поднялся по холму и вступил в деревню, где солдаты сейчас же начали устраиваться на ночь. Отряд этот был послан по приказанию Денвиди, губернатора Виргинии, и составлял часть войска, которому поручено было захватить земли по Огио и устроить здесь форт; но французы узнали о выступлении англичан и заставили их горько раскаяться в нарушении чужих прав, установленных законами и освященных обычаями.

В одной из менее развалившихся хижин, поправленных на скорую руку, находились два английских офицера.

Это были командир отряда и его лейтенант.

Сидя друг перед другом, перед огнем, который был необходим,

благодаря свежей ночи, они вели оживленную беседу и в то же время с аппетитом уничтожали большой кусок жареной дичи, которую они запивали виски, разбавленным водой.

Командир, молодой человек, лет двадцати двух, не больше, был не кто иной, как майор виргинской милиции Вашингтон, тот самый Вашингтон, который впоследствии так прославился освобождением своей родины от английского ига.

Но в это время английский майор Вашингтон был далек от того, чтобы мечтать о той роли, которую Провидение судило ему играть в будущем.

Он едва только вышел из отроческого возраста.

Высокий, хорошо сложенный, с элегантными манерами, он казался во всех отношениях настоящим джентльменом. При этом у него были очень красивые черты лица. Греческий нос, задумчивые и меланхоличные глаза и тонкие губы над резко очерченным подбородком говорили о твердом, решительном характере английского майора и невольно обращали на него внимание тех, кому приходилось иметь с ним дело. Он внушал к себе уважение с первого же взгляда.

На нем ловко сидел военный мундир, и, несмотря на его молодые годы, в нем сразу виден был начальник отряда, расположившегося в гуронской деревушке.

Полнейший контраст с ним представлял прапорщик Уард.

Это был солдат в полном смысле этого слова. Высокий, сухощавый, хладнокровный и неустрашимый, как его шпага, он обладал всеми качествами, необходимыми для исполнительного офицера.

Для полной характеристики этого офицера необходимо прибавить еще следующее.

Прапорщик Уард, набитый, как и все европейцы того времени, глупыми предрассудками о расах и кастах, чувствовал себя глубоко униженным и посрамленным благодаря тому, что состоял под начальством майора Вашингтона. Он негодовал не только потому, что ему, пятидесятилетнему человеку, приходится повиноваться двадцатидвухлетнему юноше, но еще и потому, что он — англичанин, состоял под командой креола — факт неслыханный со времени основания английских колоний в Америке.

Все это, вместе взятое, составляло срам и стыд для прапорщика Уарда. Несмотря на все старания, он не мог скрыть удара, нанесенного его гордости и тщеславию.

Попав в плен к французам при взятии ими Маленького форта, выстроенного на берегу Огио, он был отведен в форт

Дюкэн, где и содержался пленником под честное слово. Но, благодаря установившемуся образу действий англичан в Америке, он и не думал вовсе о том, что обязан сдержать данное им обещание.

Ровно восемь дней тому назад он бежал из форта и присоединился к английскому отряду, мечтая об отмщении за поражение, нанесенное ему и его солдатам.

Его дурное расположение духа увеличивалось еще вследствие укоров совести — хотя прапорщик Уард и был сыном Альбиона, но тем не менее у него была и совесть.

Уард только и думал о той минуте, когда ему представится случай жестоко отомстить за все, что ему, по его мнению, пришлось вынести во время сорокавосьмидневного плена, когда он пользовался свободой только на словах.

Но французы — такие жестокие и неумолимые враги Англии!

Оканчивая ужин, прапорщик, по крайней мере, в двадцатый раз рассказывал своему начальнику о перенесенных им притеснениях во время нахождения в плену и о том, каким опасностям он подвергался во время бегства по пустыне.

Майор Вашингтон, по-видимому, с глубоким вниманием слушал его, хотя чуть заметная улыбка по временам и подергивала углы его губ. Прапорщик, в пылу своего рассказа даже и не подозревал, что за этим притворным вниманием скрывалась ни перед чем не останавливающаяся воля.

Если бы молодой офицер не имел основательной причины слушать болтовню старого вояки, он давным-давно бы отделался от него под каким-нибудь предлогом.

Когда Уард окончил, наконец, свое повествование, начальник дал ему время подумать о пережитых им несчастьях.

— Итак, сэр, — холодно сказал наконец Вашингтон, — вам пришлось немало страдать по вине французов?

— Да, господин майор, — отвечал пылко прапорщик, — очень много!

— И вы злы за это на них?

— Как и каждый настоящий англичанин.

Сардоническая улыбка снова появилась на устах молодого офицера. Может быть, он думал в эту минуту про себя, что если англичане считают себя вправе ненавидеть французов, то американцы, со своей стороны, имеют также полное право ненавидеть англичан.

Старый прапорщик, между тем, продолжал:

— Я поклялся в непримиримой ненависти к этим проклятым

любителям супа и надеюсь исполнить свою клятву на днях.

— Когда? — спросил Вашингтон, не изменяя своего равнодушного тона.

— Черт возьми! Как только будет объявлена война.

— Что вы сказали, мистер Уард?

— Я говорю: как только война...

Молодой человек не дал закончить фразу Уарду, совершенно сбитою с толку восклицанием своего начальника, и прапорщик тщетно ломал себе голову: какую глупость мог он сказать.

— Да разве не объявлена еще война между Францией и Англией? — с прекрасно разыгранным удивлением спросил Вашингтон.

— Насколько я знаю, пока еще нет, — пробормотал Уард, — и я не понимаю, каким образом в мирное время или, по крайней мере, во время перемирия я буду иметь возможность...

— Мирное время, сэ, это дело совсем другое... но теперь у нас война в полном разгаре!

— Война в полном разгаре?!

— Конечно.

— Вот так штука! Клянусь честью! Значит, все это произошло в то время, пока я рыскал по лесам... Вы простите меня, я ровно ничего не знал о настоящем положении дел.

— Я извиняю вас; хотя совершенно не понимаю вашего неведения и удивления.

— Итак, война объявлена?

— Да.

Уард весело потер себе руки.

Начальник смотрел на него одним уголком глаза. Он раздумывал с минуту, затем с неуловимым оттенком иронии в голосе продолжал.

— Любезный прапорщик, — сказал он, — я с сожалением вижу, что у вас совсем нет памяти.

— Я, майор, ничего не забываю... из того, что я знаю, — отвечал Уард, самолюбие которого было сильно задето этими словами.

— Этого недостаточно, — продолжал Вашингтон в том же тоне. — Нужно уметь угадывать и то, что вам неизвестно.

— Но я вас не понимаю, майор.

— Зачем мы здесь?

— Зачем?

— Да.

— Клянусь моею душой и совестью, майор, я этого не знаю.

— Не может быть.

— Клянусь честью, я говорю правду!

Вы не понимаете меня, мистер Уард, только потому, что не желаете меня понять, — сказал молодой человек с плохо скрытою досадой.

— Я смиренно прошу у вас в этом прощения, сэр, но привсем моем желании не могу понять ваших слов — вы слишком высокого мнения о моей прозорливости.

— В таком случае я вам все сейчас объясню. Прапорщик Уард с любопытством вытаращил глаза и вытянул шею.

— Надеюсь, вы согласитесь со мною, мистер Уард, что мы находимся на французской территории?

— В этом не может быть ни малейшего сомнения.

— Хорошо. Теперь скажите мне, каким образом попали мы сюда — по приглашению или же вторглись сами, рассчитывая на свою силу?

— Но... — колебался старый офицер.

— Я жду вашего ответа.

— Мне кажется, что нас не приглашали...

— И вы совершенно правы. Затем, не делали ли мы несколько времени тому назад попытку построить форт на Огио и прочно водвориться там?

— Это тем более верно, что командование над этим фортом вы поручили мне.

— Французы напали на вас?

— Да, майор.

— Уничтожили ваш форт?

— Совершенно.

— И взяли в плен вас и бывших с вами солдат?

— Я не могу отрицать этого.

— Ну? — холодно спросил Вашингтон.

— Очевидно, что... — отвечал смущенно Уард.

— По моему мнению, этим самым положено, и весьма определенно, начало неприязненным действиям.

— Начало, да.

— Надеюсь, вы теперь и сами убеждены, что Англия ведет в Америке войну с Францией, хотя формального объявления войны и не было.

Уард подумал несколько времени и затем сказал:

— Война ведется ведь только с нашей стороны.

— Как только с нашей стороны? — вскричал майор. — Разве мы первые начали неприязненные действия?

— Нет.

— В таком случае...

— Но мы, не имея на то никаких прав, захватили владения наших соседей...

— Вы думаете?

— И даже пытались водвориться там вопреки их желанию, — продолжал Уард, который, изменяя своему слову и закрывая глаза на свою личную обиду, умел отличить ложь от истины, когда дело касалось других и в особенности его начальников.

Вашингтон на минуту как бы смутился. Он не ожидал подобного ответа от человека, на которого он смотрел, как на грубого солдата, привыкшего преклоняться перед приказаниями и мнением начальства. Но такое смущение продолжалось недолго, и вскоре он опять вернул себе свой самоуверенный тон.

— Милейший прапорщик, — сказал он иронически, — вы — храбрый солдат, прекрасный офицер, но... вы, я думаю, и сами согласитесь со мной, вы ровно ничего не смыслите в дипломатии и в политике.

— Я никогда не занимался этим, майор, — отвечал просто прапорщик.

— И вы сделали большую ошибку, иначе вы поняли бы, что для Англии очень важно отнять эти богатые страны у французов.

— Я отлично понимаю это, майор.

— И что для достижения такого важного результата хороши все средства.

— Гм! — пробурчал Уард.

— Поверьте мне, — это так.

Старый офицер молча опустил голову и ничего не ответил. Вашингтон, притворяясь, что принимает его молчание за знак согласия, продолжал:

— Наконец-то, вы согласились со мною, сэр, как поступил бы на вашем месте и всякий настоящий англичанин. А теперь позвольте мне сообщить вам новость, которая несомненно доставит вам большое удовольствие.

— Какую новость?

— А вот какую: мои разведчики и лесные бродяги сообщили мне, что из форта Дюкэна вышел французский отряд.

— А! а!

— Отряд этот, состоящий из сорока человек, поднимается вверх по Огио и направляется в эту сторону.

— Это просто невероятно.

— Однако, это так.

— Что же заставляет их отправлять на верную гибель людей в эти места, которые, как им известно, заняты превосходящими неприятельскими силами?

— Я ничего не могу ответить вам на это. Они хорошо хранят свою тайну. Нашим шпионам не удалось узнать этого.

Но как, по крайней мере, они объясняют цель своего путешествия?

— Они утверждают, — как мне передавали, — что начальник их послан в качестве парламентаря ко мне, чтобы потребовать от меня немедленно удалиться...

— А!

— И очистить то, что они называют французскою территорией, несправедливо захваченной войсками ее британского величества...

— Нахалы! — пробормотал Уард.

— Но, — продолжал Вашингтон с некоторым оживлением, — вы, конечно, понимаете, что эта присылка парламентаря — только предлог.

— Вы так думаете, майор?

— Эта командировка парламентаря скрывает, по-моему, другие планы, которые необходимо разрушить.

— Разумеется, если она скрывает...

— К тому же парламентар не стал бы брать с собою такого большого конвоя.

— Хэ! Сорок человек!

— Он явился бы с проводником, переводчиком и трубачом — конвой, вполне достаточный для офицера, имеющего такое мирное поручение.

— Вы правы, майор, однако...

— Однако, что?

— Ну, а если это и в самом деле парламентар?

— Не может быть.

— Мне помнится, что я даже кое-что слышал об этом, находясь в плену в форте Дюкэн.

— Ничто не может разубедить меня в этом, что этот офицер не имеет другого поручения, кроме того, о котором он заявляет открыто.

— В таком случае...

— Благоразумие требует, чтобы мы приняли известные предосторожности и не дали захватить себя врасплох.

— О! — проговорил прапорщик, презрительно усмехаясь, — мы в восемь раз сильнее этих бедняг, и я не понимаю, чего нам их бояться.

— Мы можем бояться, что они перебьют у нас несколько человек, а я

желаю этого избежать во что бы то ни стало.

— Это довольно трудно.

— Во что бы то ни стало, — повторил Вашингтон, — понимаете вы?

— В таком случае, мы, значит, сами нападём на них?

— Конечно.

— Дело очень серьёзное.

— Почему?

— А если мы ошибаемся, майор?

— Я беру на себя ответственность в этом деле, — отвечал сухо молодой офицер.

Прапорщик почтительно поклонился.

— Я ожидаю ваших приказаний, — сказал он затем.

— Вот они: поднять людей в полночь, спуститься в долину, проникнуть в лес тремя колоннами с интервалами в сто пятьдесят шагов и поместить в промежутках индейских стрелков, затем, броситься вперед так, чтобы захватить все находящееся в лесу как огромным неводом.

— Будет исполнено, сэр.

— Отлично. Теперь, дорогой мистер Уард, я постараюсь вздремнуть немного. Вы меня разбудите, когда наступит время выступать. Добрый вечер. Не забудьте, пожалуйста, осмотреть ружья и снаряды.

Вслед за тем молодой офицер завернулся в свой плащ и, прислонившись спиной к ветхой стенке хижины, протянул ноги к огню, закрыл глаза и притворился спящим. Таким образом, он отделался от сомнений и расспросов лейтенанта. Последний, оставшись один, зажег сигару и принялся курить, раздумывая о полученном им приказании.

Прапорщик Уард был из тех людей, которые никогда не знают — довольны они или нет. Ему ничего не хотелось так, как хорошенько отомстить своим ненавистным врагам-французам; но в то же время он отлично понимал, что в предстоящем сражении, как он, так и все люди его отряда покроют себя скорее позором, чем славой. Между двумя затяжками у него, наконец, вырвались следующие слова, выражавшие его мысли:

— Ну, да чего ради стану я ломать себе голову над этим. Пусть будет, что будет: я умываю руки. У меня есть начальник, я исполняю его приказание, вот и все!

Слышал ли майор Вашингтон этот коротенький монолог, или же спал на самом деле? На это трудно было бы ответить утвердительно. Одно мы можем сказать наверное, — он не шевельнулся.

Выкурив сигару, прапорщик Уард, в свою очередь, запахнулся в свой плащ и заснул сном праведника.

Глава III. УБИЙСТВО

Вот при каких условиях приходилось действовать обоим отрядам. С одной стороны, — законность и доверие. С другой, — умышленная хитрость и предательство. Но мы опять-таки повторяем, что в этом нет ничего удивительного. В Америке все время таким образом велась война между французами и англичанами.

Было три часа утра. В лесу послышался крик совы. Небо начало светлеть на востоке. Звезды меркли одна за другой. Холодный ветер, проносясь по верхушкам деревьев, раскачивал их с глухим шумом, похожим на стон. Все спало во французском лагере, за исключением часовых, обязанных поддерживать огонь и наблюдать за общей безопасностью.

Граф де Жюмонвиль тоже спал, как и все остальные. Вдруг на его плечо опустилась чья-то рука. Как ни легко было это прикосновение, его было совершенно достаточно, чтобы разбудить начальника французского отряда. Он приподнялся и тревожным взглядом окинул поляну. Все было тихо и спокойно. Перед ним стоял канадский охотник.

— А! Ты уже вернулся, Бержэ? — проговорил он, удерживая зевоту.

— Да, господин граф.

— Что случилось? Или, может быть, пора уже трогаться в путь?

— Теперь, может быть, даже уже и поздно.

— Что? — проговорил капитан, стряхнув с себя сонливость, — что ты хочешь сказать этим? Который час?

— Три часа.

— Есть какие-нибудь новости?

— Да Я сообщу их вам сейчас же после того, как вы отдадите приказание выступить.

— Ты с ума сошел, Бержэ! Клянусь моей душой, ты — сумасшедший!

— Граф, — отвечал лесной бродяга с невыразимым оттенком нежности, — вы должны как можно скорее вернуться назад...

Если вы не желаете сделаться жертвою гнуснейшей засады.

— Что же такое случилось? — вскричал капитан, быстро вскакивая на ноги.

— Выслушайте меня, господин граф.

— Говори.

— Дай Господи, чтобы вы поверили моим словам, иначе вы погибли.

— Ба!

— И мы вместе с вами.

— Это для меня гораздо важнее... Ну, а теперь скажи мне, где ты был?

— Осматривал лес.

— Один?

— Вместе с Тонким Слухом, начальником из племени гуронов, осторожность и проницательность которого вам хорошо известны.

— Ну, так что же?

— Лес полон англичанами,

— Только-то?

— Они приближаются тремя колоннами с целью окружить вас и напасть на ваш отряд.

— Подождем их.

— Если вы сделаете это — мы все погибли!

— Ты ошибаешься, старый дружище, ты ошибаешься, — сказал де Жюмонвиль тоном человека, глубоко убежденного в том, что он говорит.

— Я хотел бы думать так же, как и вы, граф, но к несчастью, все сказанное мною вам — истинная правда. Я вмешался в ряды англичан и шел с ними около получаса. Они не стеснялись со мною, принимая меня за своего союзника.

— Говори.

— Они знают о нашем пребывании здесь и идут наверняка... Они знают, что у вас небольшой отряд и притворяются, будто считают нас шпионами, чтобы поступить с нами, как со шпионами.

— Этого не может быть!

— Повторяю вам еще раз, граф, надо отступить немедленно... Я проведу вас по таким тропинкам, куда никто не может последовать за нами. Раз мы будем под защитой пушек форта Дюкэна, мы тогда на свободе решим, что было бы лучше — отступить или же оставаться здесь. Последнее значило бы идти на верную и бесполезную смерть.

Наступило молчание.

Граф де Жюмонвиль колебался.

Бержэ дрожал от внутренней радости. Он думал, что ему удалось убедить графа. Увы! Его надежда скоро оказалась разбитой. Молодой человек принял непоколебимое решение. Он гордо поднял голову и, обращаясь к охотнику, дружески сказал ему:

— Благодарю тебя, Бержэ, благодарю, друг. Ты отправился со мной по доброй воле, и теперь, я прошу тебя, уходи!

— И это вы говорите мне?

— Уходи, я приказываю тебе.

— А вы?

— Я пойду вперед.

— Но...

— Я пойду вперед, — повторил граф.

— Уйти без вас?.. но вы не понимаете, граф...

— Ни слова больше, дружище, — сказал молодой человек. — Я имею честь быть офицером его величества короля Франции. Мне дали поручение, и я во что бы то ни стало исполню это поручение.

— Хорошо.

— Итак, оставим этот разговор. Прощай... и расстанемся.

— Прощай! Зачем? Я остаюсь.

— Но...

— В свою очередь, ни слова больше, господин граф. Надеюсь, вы шутили, когда предлагали мне бросить вас, — отвечал охотник с печальным оттенком в голосе. — Мое место подле вас, и я останусь возле вас, несмотря ни на что. Вы желаете умереть? Прекрасно! Я умру вместе с вами.

— У тебя отважное, честное сердце. Я был уверен, что ты не покинешь меня.

— К несчастью, мое присутствие не спасет вас.

— Успокойся. Опасность не так велика, как ты думаешь. Англичане — я согласен с этим — ненавидят нас, но это храбрые противники, которые сражаются с неприятелем открыто.

— Мне бы очень хотелось, чтобы это было так.

— Они не убийцы. Их офицеры такие же люди, как к мы, а не дикие звери или свирепые индейцы.

— Индейцы уважают своего гостя. Парламентер — гость того племени, куда его посылают. Я предпочел бы лучше иметь дело со свирепыми индейцами, чем с цивилизованными солдатами, с которыми мы скоро встретимся.

— Будь, что будет!.. На все воля Божья!.. Но я ни за что не откажусь от исполнения своей обязанности... Если меня убьют — я паду, как воин, и моя смерть покроет бесславием моих убийц. Поверь мне, Бержэ, какова бы ни была их дальнейшая судьба, это кровавое клеймо навсегда запечатлется в их сердцах и на челе.

— Да, но...

— Разбуди людей, — прибавил граф де Жюмонвиль, — и пойдем навстречу англичанам.

— Вы твердо решились? — спросил охотник в последний раз.

— Да. Сократим им путь наполовину.

Бержэ почтительно склонил голову перед молодым человеком. Он в душе проклинал ослепление, которое толкало графа на верную гибель, но, проклиная, он невольно восхищался его благородным характером. Решившись, в свою очередь, не покидать молодого офицера, он теперь спешил разбудить поскорее охотников и индейцев.

Через несколько минут все были уже на ногах и готовы к выступлению. Капитан де Жюмонвиль стал во главе отряда вместе с верным канадцем, который, как тень, следовал за ним по пятам. В одну минуту пересекли они поляну и углубились в лес.

Тонкий Слух исполнял обязанности проводника. Он шел в двадцати шагах впереди отряда.

Проходя мимо охотника, вождь обменялся с ним взглядом. Этого взгляда было им довольно, чтобы понять друг друга, решить и заключить договор о самопожертвовании.

Между тем, занималась заря. Поднявшееся солнце возвратило французам всю их беспечность и веселость. Они, смеясь и болтая, шли по лесу, когда вдруг в семь часов, в то время, как де Жюмонвиль приказал остановиться на несколько минут, проводник, который до сих пор шел впереди, тоже остановился, и вид его выражал нерешительность, — казалось, он прислушивался, а затем быстро отступил назад.

— Что там такое, начальник? — спросил офицер.

— Янки, — отвечал лаконически гурон. Янки — исковерканное слово англичане, которое индейцы не могут выговорить.

— Англичане? — спросил капитан. — Где они?

— Там, везде, — отвечал начальник, показывая во все четыре стороны.

— Я предупреждал вас: мы окружены, — прибавил Бержэ с невозмутимым спокойствием.

Граф де Жюмонвиль нахмурился. Он начинал подозревать ловушку. Однако он не побледнел. Лицо его оставалось все таким же спокойным, голос твердым.

— Стой, — скомандовал он.

Затем, повернувшись к Бержэ, остановившемуся, как и все остальные, прибавил:

— Вот те, кого мы ищем... Бержэ, выньте знамя из чехла и дайте его мне.

Канадец повиновался.

— Прикажете приготовиться нам на всякий случай к бою? — спросил

Бержэ.

— Нет, старый друг, нет. Смелычакам, которые идут теперь со мной, нечего делить сегодня с англичанами. Разрядите ружья.

Бержэ, твердо решившийся не делать больше ни одного замечания, приказал исполнить желание графа де Жюмонвиля.

После этого молодой человек протянул ему бумагу, которую достал из внутреннего кармана. Это было объявление, которое охотник должен был перевести на английский язык.

— Прикажете идти к английскому начальнику, граф?

— Нет, ждите моих приказаний. Подождем, пока они сами придут.

— Они уже явились, — пробормотал охотник, — смотрите.

В самом деле, глухой шум послышался в кустах, которые внезапно раздвинулись. Англичане сразу появились с трех сторон. Они так заботливо устроили облаву, что французы оказались замкнутыми в круг, как в железное кольцо.

Увидев неприятеля или тех, кого они считали за такового, с ружьями у ноги, англичане остановились как вкопанные. Граф де Жюмонвиль воспользовался этим моментом, чтобы потребовать свидания с начальником английского отряда.

Вашингтон приблизился к нему с обнаженной шпагой в руке. Он остановился, холодный и невозмутимый, в нескольких шагах впереди своих солдат.

Французский офицер попросил Берже, говорившего по-английски, служить переводчиком. Тем временем сам он с саблей в ножнах неторопливо развернул знамя Франции.

Презрительная улыбка скользнула по губам англо-американского майора.

Краска негодования залила лицо графа де Жюмонвиля. Он выпрямился во весь свой рост и, держа правой рукой знамя, крикнул прерывающимся голосом охотнику:

— Читайте.

Не успел последний начать чтение, как вдруг майор Вашингтон совершенно неожиданно командовал своим солдатам взять ружья на прицел.

Граф де Жюмонвиль сделал два шага вперед и очутился почти лицом к лицу с начальником неприятельского отряда.

— Я посол Франции, милостивый государь, и требую от вас объяснить мне: что все это значит?

Вашингтон поднял шпагу и командовал:

— Пли!

Английские ружья дали залп.

Целый ураган свинца, как смертоносный вихрь, понесся на французов, окаменевших от изумления при такой гнусной проделке.

— Подлец! — вскричал граф де Жюмонвиль, и затем, обвитый парламентским знаменем, покрасневшим от его собственной крови, мертвым повалился на землю.

Пуля поразила его в голову.

Шестеро из его людей мертвыми легли возле него. Остальные разбежались.

Англичане, опьяненные видом пролитой ими крови, с ружьями наперевес, с громкими криками «ура!» бросились в штыки на несчастных спутников графа де Жюмонвиля. Началась чудовищная бойня.

Но тут произошло нечто такое, чего никогда не случалось во все продолжение этих безжалостных и беспощадных войн.

Индейцы, союзники англичан, не смогли оставаться равнодушными зрителями такого изменнического избиения и, размахивая томагавками, бросились между палачами и их жертвами и преградили первым путь.

Даже сам майор Вашингтон и тот не мог остаться равнодушным зрителем.

Может быть, впрочем, он считал, что достиг своей цели, заставив навсегда замолчать парламентаря, посланного к нему графом де Контркером, комендантом форта Дюкэна? Или же, может быть, он почувствовал угрызения совести. Как бы там ни было, а только он остановил кровопролитие, и часть людей из французского отряда была спасена. Нет надобности, конечно, пояснять, что все они оказались военнопленными.

Но мы не станем больше говорить об этом страшном преступлении. Подобные факты не изобретают, когда дело касается такой великой исторической личности, как Вашингтон. Мы можем только сообщить нашим читателям об этом печальном событии, вполне правдивом от начала и до конца.

Из сорока человек, составлявших конвой французского парламентаря, только двое счастливо избежали опасности; они воспользовались беспорядком, вызванным вмешательством индейцев, и успели убежать.

Эти два человека были: канадский охотник Бержэ и вождь гуронов Тонкий Слух.

Когда англичане ушли и увели с собой пленников, не дав себе даже труда похоронить так изменнически ими убитых, оба друга, крадучись,

вышли из чащи, где они скрывались. Прежде всего они сочли нужным убедиться, что убийцы графа де Жюмонвиля, действительно, покинули место побоища. Затем Бержэ набожно преклонил колени перед телом молодого офицера и стал молиться. Молитва охотника была, наверное, услышана на небесах. В то время, как канадец молился и оплакивал безвременную смерть молодого полного жизни офицера, Тонкий Слух, вооружившись висевшим у него на поясе широким ножом, принялся усердно копать могилу в земле, еще влажной от пролитой крови.

Вождь взялся за это неприятное дело только из дружбы к охотнику, потому что его, как краснокожего, не могла, конечно, печалить смерть бледнолицего графа де Жюмонвиля. Канадец встал и, глядя на останки французского офицера, со слезами на глазах прошептал:

— Бедное дитя! Такой молодой! Красивый! Храбрый! И так кончить жизнь!.. Изменнически убить среди леса!.. Бедное дитя!

Затем он осторожно приподнял голову капитана, отрезал локон волос, снял двойной медальон, висевший у него на шее на тонкой стальной цепочке, достал из кармана бумаги и, поцеловав в лоб, опустил тело на землю.

«Что скажу я его брату?.. Думал ли он, что его ждет такой конец, отправляясь парламентаром к англичанам?.. Как сообщить его брату эту ужасную новость?.. В состоянии ли я буду исполнить все это?..»

И он молча стоял, погруженный в думы, которые сверлили ему мозг.

Тем временем вождь закончил свою работу.

Тонкий Слух подождал с минуту, а затем, видя, что его друг стоит, задумавшись, подошел к нему.

— Вы кончили, вождь?

— Да.

— Что же, снесем этих несчастных в их последнее жилище. По крайней мере, здесь им нечего уже будет бояться людской измены, здесь их ждет вечный покой.

Затем, завернув графа де Жюмонвиля в знамя, которое оказало ему такую плохую защиту, Бержэ положил его вместе с остальными убитыми в яму, вырытую индейцем. Славный саван для молодого человека! Англичане почему-то не взяли у него парламентарского флага. Может быть, впрочем, они сами устыдились своего гнусного поступка и не осмелились оскорблять жертву своего предательства.

Два человека засыпали землей трупы и навалили на могилу тяжелые камни. Теперь они могли быть уверены, что дикие звери не осквернят последнего убежища, где покоятся люди, убитые, хотя и подобными себе,

но более жестокосердными братьями.

Исполнив этот долг, канадский охотник встал и с бледным лицом и нахмуренным лбом, протянув руку над свежесыпанной могилой, проговорил:

— Покойтесь с миром, благородные жертвы, вы будете отомщены!

Вождь в знак одобрения молча наклонил голову, и оба друга удалились быстрыми шагами по неизвестным тропинкам леса.

Глава IV. НА «КРАСИВОЙ РЕКЕ»

Первые французы, попадая в Северную Америку, особенно восхищались красотами берегов реки Огио. Эту реку, причудливо извивающуюся по самой гористой части страны, богатой живописными видами, они назвали «Красивой рекой», и она сохраняла это название до тех пор, пока французы не покинули Канады.

Огио образуется из соединения двух рек, Манонгохела и Аллеганы, и, пробежав несколько сот миль и приняв в себя бесконечное множество притоков и ручьев, под названием Огио впадает в Миссисипи, которую индейцы называют Матерью вод.

Бесчисленное множество островов и островков, которыми усеяно ее русло, и очень быстрое течение, вследствие чего суда должны держаться только середины реки, — все это, вместе взятое, делает плавание по этой реке очень опасным.

Довольно высокие берега образуют длинную цепь холмов, прерываемых там и сям ровными и лесистыми долинами, изобилующими дичью.

Берега Красивой реки так же пустынно в настоящее время, как и в ту эпоху, к которой относится наш рассказ. В этих местах жили и живут почти исключительно одни кочующие племена. По временам в эти места заходят индейские охотники или лесные бродяги. Вот и все.

Мы не знаем, чем объяснить отсутствие оседлого населения в этой стране, изобилующей лесами, состоящими из деревьев наиболее ценных пород. Как бы там ни было, а можно с уверенностью сказать, что колонисты, если бы им вздумалось поселиться здесь, находились бы в самых благоприятных условиях, — им не пришлось бы влачить жалкое существование.

Почти в десяти милях от форта Дюкэна, среди густого леса, стоял скромный домик, выстроенный, по обыкновению всех колонистов, из толстых, едва отесанных бревен. Двухсотлетние или трехсотлетние деревья, перепутанные лианами, окружали его непроницаемым поясом и защищали лучше, чем всякие рвы и брустверы. В этом, в сущности, довольно небольшом домике имелось три окна, — неслыханная роскошь в этих пустынных местах. Окна эти, хотя и пробитые без всякой претензии на симметрию, до известной степени, служили украшением домика, выстроенного, очевидно, без участия архитектора. В окна были вставлены

даже стекла, а изнутри они закрывались крепкими дубовыми ставнями. Крыша из маисовой соломы низко спускалась по краям, образуя нечто вроде навеса. Стен почти не было видно, их скрывали от глаз листья винограда и других вьющихся растений. Вправо и влево от двери, обитой железом, под тенью растений, образовавших род беседки, стояли большие дубовые скамьи.

Внизу, невдалеке от этого живописного и очаровательного приюта, протекала небольшая речка, капризно извивавшаяся под зеленым сводом и, в нескольких милях дальше, впадавшая в Аллегану. Кругом дома, на пространстве приблизительно трех гектаров, почти все деревья были вырублены и место из-под них вскопано заступом. В ста шагах от домика помещались сараи, где хранилось зерно, солома и вообще все съестные припасы владельцев домика. Между сараями и домом, ближе к последнему, приютился курятник, откуда доносилось кудахтанье штук двадцати кур. В конюшне, рядом с курятником, две сильные лошади с аппетитом уничтожали корм, доверху наполнявший ясли. Громадная свинья, окруженная полудюжиной поросят, с веселым хрюканьем плескалась в помоях; утки с громким кряканьем копошились в болоте, которое тянулось до самой реки. К столбу, вбитому у самого берега в песок, была привязана легкая из березовой коры пирога, где сушились различного рода сети. В заключение остается еще сказать, что перед дверью на солнце спали две великолепные охотничьи собаки — одна черная, а другая рыжая.

Внутреннее убранство домика напоминало обстановку ферм в Нормандии. То же самое расположение комнат; та же самая мебель. Все различие заключалось только в том, что пол здесь был деревянный, а не земляной или кирпичный, как во Франции. Печка одной стороной примыкала к стенке и отделяла кухню от зала, где обыкновенно проводили время хозяева домика. Затем, к зале примыкали еще две очень небольшие комнаты-спальни. Вся меблировка состояла, главным образом, из постели с занавеской из зеленой саржи, кропильницы и распятия в головах; затем, большой обеденный стол, потемневший от времени, несколько деревянных сундуков, в которых хранилось белье и платье, квашня, поставец с самой необходимой посудой, длинное старинное ружье, висевшее около очага, между пороховницей и мешочком, с пулями, словом, все, — кончая длинной трубкой с чубуком из дикой вишни и красными коленкоровыми занавесками на окнах, — напоминало до такой степени нормандскую жизнь, что, при некоторой доле воображения, можно было подумать, что находишься в окрестностях Диэппа или Кан.

Но об этом уединенном жилище рассказывались такие вещи, что

всякий прохожий или колонист боязливо спешил пройти мимо него. Страх, который испытывали как бледнолицые, так и краснокожие любители чужой собственности при виде этого домика, охранял владельца его гораздо лучше, чем целый гарнизон.

На самом же деле, все эти слухи основывались только на рассказах досужих болтунов. Никто не знал ничего точно и в доказательство своих слов не мог привести ни одного факта. Кроме того, сама легенда, послужившая первой причиной мрачных слухов про этот уголок земли, была окружена такой таинственностью и притом она создавалась так давно, что даже самый старший из колонистов и тот едва ли знал эту историю во всех подробностях. Когда спрашивали об этом, то в ответ обыкновенно только покачивали головой. Если же к тому, кто мог что-нибудь рассказать, начинали сильно приставать, в результате удавалось, и то с трудом, вытянуть несколько слов в ответ, которыми и должны были удовлетворяться любопытные.

Но все такие неудовлетворительные ответы только еще более затемняли таинственное и ужасное прошлое этого домика.

За несколько недель до описанных нами в предыдущих главах событий, в субботу, между семью и восемью часами утра, массивная дверь хижины отворилась и из нее вышел человек, лет около пятидесяти, и сейчас же притворил дверь за собою. На нем была широкая серая куртка до колен, стянутая у талии разноцветным поясом, на котором висел длинный нож, носивший в средние века название бычачьего языка, два пистолета, пороховница и мешочек с пулями. Митасы или панталоны из лосиной кожи, постепенно суживаясь книзу, шли до самых мокасин. меховая шапка покрывала его голову.

Этот живописный и простой наряд до сих пор еще во всеобщем употреблении у канадцев французского происхождения.

Этот высокий, хорошо сложенный человек, по-видимому, был одарен очень большой мускульной силой. Его правильное лицо дышало благородной энергией и отвагой. Несмотря на преклонные годы, его темно-синие глаза не утратили ни прежнего блеска, ни прежней живости. Белокурые с проседью волосы, выбиваясь из-под шапки и в беспорядке рассыпаясь по могучим плечам, придавали его лицу не только строгое, но даже до известной степени свирепое выражение.

Несмотря на это, более тонкий наблюдатель подметил бы скорее следы печали, чем злобы, на лице этого человека, который был владельцем хижины.

В руке он держал буконьерское ружье. Кожаная охотничья сумка,

висевшая через плечо, дополняла его костюм.

Бросив взгляд кругом, как бы желая убедиться, что все в порядке на его поляне, он взял ружье в левую руку, перекрестился и быстрыми шагами направился в лес. Вскоре шум его шагов замер в отдалении.

Но только что успел скрыться этот человек, как дверь хижины снова отворилась. В образовавшееся отверстие выглянула чья-то любопытная и беспокойная головка. Головка эта принадлежала очаровательной белокурой девушке шестнадцати лет. Так простояла она минуты три, внимательно прислушиваясь, как робкая серна, к малейшему шуму, доносившемуся извне. Затем, убедившись, что кроме нее на поляне никого нет, молодая девушка широко растворила дверь и бросилась вперед, как Дикая коза от преследующего ее охотника.

Нельзя представить себе ничего очаровательнее этой молодой девушки. Креолка с головы до ног, она привлекала к себе внимание с первого взгляда. Высокого роста, стройная, она казалась вся проникнутой невыразимой грацией. Утренний ветерок развеивал ее белокурые, цвета спелого колоса волосы, и они, рассыпавшись, образовали вокруг ее головки блестящий ореол. Маленький кокетливый ротик полураскрылся, обнаружив белые жемчужные зубки, и серебристый, беззаботный смех срывался с ее губок. Голубые, цвета лазури, и в то же время пламенные глаза смотрели мечтательно; а маленькие ручки и такие же ножки дополняли ее пленительный образ. Словом, это было само очарование.

Юбка из толстого темного сукна, отороченная красным, на четверть не доходила до полу; обшитый галуном корсаж, белый воротничок, розовые, туго натянутые чулки с золотыми стрелками и, наконец, мокасины, вышитые разноцветной шерстью вперемежку со стеклянными бусами, и едва доходившие до щиколотки, — вот и все, что можно сказать о костюме юной красавицы.

Странное соединение дикой прелести и капризной отваги.

Выйдя из дому, она приостановилась на минуту, внимательно прислушиваясь, наклонив корпус вперед и вытянув шею. Казалось, что она прислушивается к дуновению ветерка, шуму листьев и щебетанью птиц. Наконец, она, видимо, узнала то, что ей хотелось узнать. Быстро выпрямившись, она радостно захлопала в ладоши и с выразительной улыбкой прошептала:

— Наконец-то!

Сказав это, белокурая молодая девушка возвратилась в домик. Здесь она надела плащ из толстого сукна, похожий на непромокаемые плащи моряков, затем сняла с колпака над очагом легкое элегантное ружье с

насечкой, — несомненно дамское ружье. Опустив шомпол в дуло и убедившись, что ружье заряжено, молодая девушка перекинула его на перевязи за плечо с беззаботностью и решительным видом девушки, которая, живя за границей населенных земель, привыкла охранять себя сама.

Одна из собак следовала за ней по пятам, с того самого момента, как молодая девушка выглянула из двери. Когда она оканчивала свои сборы, собака стояла возле нее.

— Все спокойно, славный мой Феб, — проговорила молодая девушка ласковым голосом, глядя рукою шелковистую шерсть собаки. — Опасности нет никакой! Ложись там... и сторожи хорошенько. В доме никого нет, и я поручаю тебе сторожить его.

Умное животное устремило на девушку свои глаза — и можно было подумать, что оно понимает слова своей госпожи. Затем, помахивая хвостом и слегка рыча, как бы желая этим показать, что она понимает, что от нее требуется, собака легла на пороге домика; но это был не ленивый и праздный привратник, дремлющий от скуки, а деятельный и бдительный сторож, прекрасно понимающий всю ответственность, лежащую на нем.

— Отлично, Феб! — сказала молодая девушка, невольно смеясь над важным видом собаки, — ты хорошее и умное животное. Я ухожу и смело верю тебе.

Затем, погладив в последний раз собаку, она направилась к берегу реки и решительно села в пирогу. Здесь она положила ружье у своих ног, отвязала причал, взяла весла и поплыла по течению. Легкое суденышко быстро скользило вниз по реке, по направлению к Аллегане, под зеленым сводом, сквозь который слабо пробивались лучи хотя и утреннего, но уже жгучего солнца.

Хозяйка Феба несколько минут уже плыла по течению, стараясь веслами удерживать пирогу на середине реки. Ее задумчивые глаза скользили по нависшим над водою деревьям. По временам с губ ее срывались следующие слова:

— Там ли он? А что, если он сегодня не приехал? Грудь ее при этом бурно вздымалась, глаза наполнялись слезами и глубокий вздох вылетал из ее уст.

Но через минуту мрачные мысли уже покинули ее, и она весело продолжала:

— Нет! Нет! Все говорит мне это! В глубине сердца, кто-то шепчет мне, что он там! Он пришел!

И она начала улыбаться сквозь слезы. В течение целого часа пирога

плыла вниз по реке, хотя плавание с каждой минутой становилось все затруднительнее. Наконец, молодая путешественница выпрямилась и, работая правым веслом, как рулем, стала грести левым. Пирогоа медленно повернулась кругом и вскоре скрылась под зеленым сводом росших по берегу деревьев, перевитых лианами. Здесь она ловко привязала пирогу к погруженному в воду древесному стволу. Бросив весла и слегка отстранив находящиеся перед нею ветки, молодая девушка в томительном ожидании подалась вперед.

Не успела она выглянуть, как почти в ту же минуту отшатнулась назад. В таком положении ее нельзя было заметить.

— Я знала, что он придет! — проговорила она, прижимая руку к груди, как бы желая остановить сильное биение сердца.

Затем, успокоившись немного, она снова заняла свои наблюдательный пост; но на этот раз она действовала уже осторожнее. Нервной рукой придерживая закрывавшие ее ветви, она снова выглянула через образовавшееся небольшое отверстие. И вот что она увидела.

Почти в пятидесяти шагах от того места, где она находилась, река, впадавшая дальше в Аллегану, делала крутой поворот, образуя довольно большой выступ. На самой оконечности выступа, под гигантским деревом, ветви которого в виде султана спускались над водою, виднелись два человека. Один из них спал, растянувшись на шелковистой траве, а другой держал удочку в руке и в то же время читал книгу, причем заметно было, что книга интересовала его гораздо больше, чем удочка.

О первом, т. е. о том, который спал, мы скажем всего только несколько слов. Это был молодой солдат, прекрасно сложенный, с лукавой физиономией; он спал, крепко сжав кулаки. Он считался вестовым у того, который в одно и то же время и удил и читал книгу.

Это был молодой человек, лет двадцати пяти, с аристократическими чертами лица, голубыми глазами, широким и гладким, как у молодой девушки, лбом, причесанный по тогдашней моде, на нем ловко сидел красивый мундир капитана морского королевского полка. Словом, это был вполне элегантный кавалер, который, наверное, имел бы большой успех у кокетливых маркиз в салонах Версаля и который поэтому должен был произвести еще более сильное впечатление на полудикое сердце креолки Новой Франции.

Видневшаяся в нескольких шагах от них пирога служила доказательством того, что они прибыли сюда также по воде.

Молодая девушка из своего убежища все еще продолжала наблюдать изящного рыболова, который по-прежнему сидел, углубленный в

заинтересовавшую его книгу, и, по-видимому, даже и не подозревал, что служит предметом самого живого любопытства

Нечего, конечно, и говорить, что рыбы весело плескались и резвились вокруг безобидной удочки.

Молодая, хорошенькая девушка, укрывшаяся от любопытных взоров под зеленый свод деревьев и лиан и оттуда любовавшаяся красавцем офицером, могла бы послужить великолепным сюжетом для картины художника.

Но если бы молодой человек мог только подозревать, что на него с таким вниманием и с такою любовью смотрит эта пара голубых глаз, очень возможно, что он давным-давно бросил бы свою книгу.

Вдруг картина резко изменилась. Царствовавшее до сих пор спокойствие уступило место тревоге. Юная канадка испустила глухой крик и, дрожа от ужаса, отскочила назад. Ее лицо было покрыто смертельной бледностью.

Она увидела в высокой траве, не больше как в десяти шагах от офицера, отвратительную и свирепую голову индейца.

Краснокожий, извиваясь, как змея, полз по земле и медленно и бесшумно приближался к молодому человеку, занятому одновременно и рыбной ловлей, и чтением. Его плотно сжатые губы искривились в хищную улыбку, как бы предвкушая близкую победу. В правой руке индеец держал один из тех длинных ножей английской фабрикации, которые в то время уже совершенно вытеснили каменное оружие первобытных людей; он поднял руку и занес нож над головой своей жертвы.

Находясь от французского капитана только на расстоянии вытянутой руки, краснокожий приподнялся и стал на колени. Это была страшная минута для молодой девушки. Индеец сверкающими глазами кровожадного хищника смотрел попеременно на солдата и на офицера, которых он считал уже в своих руках.

Один продолжал все так же спокойно спать. Другой читал. Индеец, несмотря на всю свою ненависть к белым, по свойственной его расе осторожности, внимательно осмотрелся кругом и вскоре убедился, что он один и если опасность и грозит, то только его жертвам. Убедившись, что ему нечего бояться, индеец поднялся во весь свой рост, как ягуар, прыгнул на безоружного офицера, схватил его за плечи и бесшумно повалил на землю, размахивая ножом над его головой.

Смерть, как страшный призрак, встала пред глазами французского офицера... А товарищ его все спал.

Молодой офицер считал всякое сопротивление бесполезным:

на него напали неожиданно и чья-то сильная рука, как железное кольцо, сжимала его горло. Он считал себя погибшим. Несмотря на всю свою отвагу, он чувствовал, как кровь стыла у него в жилах, а перед глазами у него мелькало блестящее лезвие ножа, готового погрузиться в его сердце... Несчастный закрыл глаза, мысленно вознес в последний раз горячую молитву к Богу и стал ждать смерти...

Вдруг грянул выстрел. Рука, сжимавшая его горло, разжалась. Он мог, наконец, перевести дух. Машинально вскочил он на ноги и в ту же минуту обнажил свою шпагу.

Шум разбудил солдата, и он, проснувшись, увидел своего начальника, который, с высоко поднятой шпагой, стоял в нескольких шагах от краснокожего, неподвижно распростертого на земле, с раздробленным пулей черепом.

Глава V. ЛЮБОВЬ В ПУСТЫНЕ

Офицер продолжал все так же стоять неподвижно, точно окаменелый, и бессмысленными глазами смотрел на распростертое у его ног тело.

Разбуженный выстрелом солдат стал возле своего капитана, готовый грудью защищать его или пасть вместе с ним. Бедный малый, видимо, еще не совсем проснулся и бросал направо и налево испуганные взоры. Его глаза почти невольно обращались в ту сторону, где лежал краснокожий, который все еще держал в руке громадный нож. Тем не менее, солдат первый пришел в себя.

Его начальник все еще находился под впечатлением пережитого им страшного потрясения.

К солдату, как к субъекту гораздо менее впечатлительному, скорее вернулся дар слова, а с тем вместе и обычная веселость.

— Славный выстрел, капитан, — сказал он добродушным тоном. — Хорошенькую же штучку вы поймали. И какая славная добыча! Вы ловили форелей, а к вам на удочку неожиданно попадают краснокожие. Клянусь спасением моей души — это был славный пистолетный выстрел! С такого крючка не сорвешься!

— Эта пуля вылетела не из моих пистолетов, — отвечал капитан, поднимая голову и вытирая платком покрытый холодным потом лоб.

— А! Вот что! — с удивлением проговорил солдат.

— Да, мои пистолеты остались в пироге. Они и теперь еще лежат там. Это не я стрелял в индейца.

— Кто же, в таком случае, убил его?

— Я думал, что это ты стрелял, Золотая Ветвь, — отвечал офицер, предполагая, что его вестовой шутит.

— Я!? Эх, капитан, очень бы мне хотелось, чтобы это было именно так! К несчастью, я слишком крепко спал и поэтому не мог доставить себе удовольствия пробить шкуру этому безобразному дикарю.

— Значит, ты не стрелял?

— Нет, капитан.

— Но, послушай... не во сне же я все это видел, — задумчиво проговорил офицер. — Этот индеец неожиданно напал на меня и в мгновение ока повалил меня на землю.

— Негодяй, — проворчал Золотая Ветвь, толкая ногой труп индейца.

— Его острый нож, как молния, сверкнул перед моими глазами, и я

думал, что он сейчас же вонзит его мне в грудь, как вдруг раздался выстрел и злодей, бездыханный, покатился к моим ногам.

— Признаюсь вам, это совсем непонятно.

— Остальное ты знаешь.

— А, может быть, это какой-нибудь незнакомец так вовремя явился к нам на помощь!.. Извините, капитан, что я говорю «нам», потому что вслед за вами наступила бы и моя очередь.

— По всей вероятности, голубчик. Но как бы там ни было и кто бы ни был этот спаситель, меня все-таки очень удивляет, что он прячется от нас после того, как оказал нам такую важную услугу.

— Из скромности, конечно, — сказал, смеясь, солдат.

— Причина вполне основательная. Хотя, если бы ему вздумалось показаться, здесь его встретили бы самым радушным образом.

— По всей вероятности, он имеет какие-нибудь серьезные причины поступать таким образом.

Офицер и солдат смолкли и некоторое время стояли в задумчивости.

Затем Золотая Ветвь заговорил первый.

— А вы уверены, капитан, что тут нет больше ни одного индейца?

— Я об этом и не подумал.

— Эта густая трава и кусты смотрят что-то подозрительно.

— Одной причиной больше, чтобы наш спаситель скорее присоединился к нам в наших общих интересах.

— Конечно, черт возьми! Чем больше людей, тем лучше для того, чтобы иметь возможность вовремя раздавить подобных этой гадин.

— Я совершенно согласен с тобой и непременно разыщу этого таинственного друга, хотя бы для этого мне пришлось пробыть здесь целый месяц.

— И вы хорошо сделаете, капитан.

— Иди за мной, Золотая Ветвь, — проговорил капитан, видимо, принявший какое-то решение.

— Куда вы хотите идти?

— Иди за мною, повторяю я тебе.

— В этой глуши нет ни проезжих, ни проселочных дорог... мы заблудимся в лесу и погибнем.

— Я пойду в ту сторону, откуда раздался выстрел.

— Это ровно ни к чему не поведет, — пробормотал солдат, а затем прибавил громко: — Будьте так добры, капитан, подождать меня всего одну минуту.

— Куда это ты хочешь идти?

— За вашими пистолетами и за своим ружьем. Кто знает, на кого мы можем наткнуться в этих кустах.

— Хорошо, ступай.

— Мы должны быть готовы ко всякой встрече.

— Неси же скорей.

— Лечу, капитан, и через минуту буду здесь к вашим услугам.

Золотая Ветвь как стрела помчался по направлению к пироге. Через несколько минут он вернулся назад и принес ружье и пистолеты.

— Пускай только сунутся теперь краснокожие черти! — проговорил он. — Их встретят, как они этого заслуживают. А теперь не будете ли вы так добры, капитан, сказать, куда вам угодно идти.

Офицер сначала заткнул пистолеты за пояс, а затем внимательно осмотрел отверстие, которое сделала пуля в голове индейца.

— Идем в ту сторону! Выстрел был сделан как раз оттуда, — отвечал капитан, указывая рукой на верховье маленькой речки.

И двое французов смело вошли в кусты. Они быстро продвигались вперед, внимательно осматривая траву и кусты, сквозь которые им приходилось пробираться. Оба одинаково храбрые, они смело шли вперед, не думая об опасности и готовые встретить ее с оружием в руках. Они уже давно привыкли к жизни в лесу. Для них каждое дерево могло служить местом для засады, шорох листьев или лиан, перепутанных над их головами, сейчас же обнаружил бы присутствие тайного врага. Они не знали чувства боязни, которое невольно нападает в лесу на жителя городов. Осматривая каждое дерево, каждый куст, они поступали только, как осторожные люди, вот и все.

Но кругом все было спокойно.

Индеец, заплативший жизнью за покушение на убийство, очевидно, не имел сообщников. Это был один из тех бродяг, которые во множестве попадают вблизи границ. Шляясь бесцельно по лесу, он увидел двух солдат, и в нем внезапно проснулась ненависть к белым. Случай был прекрасный. Он не рисковал ничем. Сделать — два удара ножом, заткнуть за пояс два скальпа и снова пуститься на охоту — вот что пришло ему в голову при виде бледнолицых.

Этого было больше чем достаточно для того, чтобы заставить заговорить его свирепые и кровожадные инстинкты. Но вышло не так, как он рассчитывал, и, сраженный невидимым врагом, охотник сам упал к ногам дичи.

Офицер и солдат шли вверх по течению реки, насколько это позволяли неровные и извилистые берега. Шли они, в общем, довольно быстро и в

очень короткое время прошли пространство, отделявшее их от того места, где скрывалась молодая девушка. Наконец, они заметили пирогу и остановились.

— Лодка! Прикажете осмотреть ее, капитан? — спросил, улыбаясь, Золотая Ветвь.

— Да.

Золотая Ветвь, с ружьем в руках, направился к пироге и стал отыскивать глазами хозяина лодки.

— Я ничего не вижу.

— Неужели в лодке никого нет?

— Надо полагать, капитан.

— Но именно в этой лодке и должен был приехать сюда наш спаситель.

— Если только он не упал в воду.

Солдат говорил и действовал руками в одно и то же время. Он ухватился за веревку и стал тянуть пирогу к берегу. Вдруг он вскрикнул от удивления.

Офицер на лету успел схватить веревку, которую выпустил Золотая Ветвь.

— Да ты с ума сошел! — крикнул он сердито.

— Нет, капитан... Посмотрите-ка...

— Куда?

— В пирогу... видите там...

И при этом солдат, видимо, испуганный, указывал на дно пироги.

— Что там такое?

— Молодая девушка.

— Бедное дитя... она ранена и лежит без чувств!.. — вскричал капитан.

И, не успев даже притянуть пирогу к берегу, он прыгнул в нее, рискуя опрокинуть утлое суденышко. Золотая Ветвь последовал его примеру и этим восстановил равновесие.

— Клянусь всеми святыми, — проговорил он в, восхищении, — это она стреляла. Смотрите, капитан, она еще до сих пор держит в руках карабин. Это она... славная девушка... храбрая.

Золотая Ветвь угадал верно.

Видя, какой страшной опасности подвергнулся офицер, молодая девушка подняла ружье и выстрелила в индейца. Но после такого сильного нервного возбуждения наступила сейчас же реакция, и она упала на дно пироги без чувств. Она лежала без сознания, не имея ни времени, ни

мужества узнать о результате своего отчаянного и смелого поступка. Очень возможно, что великодушный ребенок долго еще не узнал бы о результате своего подвига, если бы у офицера не явилось желание отблагодарить того, кого он считал спасителем своей жизни.

В первую минуту французов больше всего интересовало узнать, жива ли еще эта прелестная молодая девушка, мужеству которой они были обязаны спасением жизни. Убедившись, что она находится только в глубоком обмороке, они поспешили вынести ее из пирог и положить на землю. С величайшей осторожностью опустили они ее на густую мягкую траву под развесистым деревом.

— Воды! — приказал офицер, опускаясь на колени перед молодой девушкой и осторожно кладя ее голову к себе на колени.

Золотая Ветвь наполнил водою тыквенную бутылку и самым деликатным образом стал брызгать водой в лицо молодой девушки. Прошло несколько минут, а между тем, молодая канадка все еще не приходила в себя; обморок продолжался, и страшная тоска стала понемногу закрадываться в сердце офицера.

— Что если она умрет, не придя в себя! — прошептал он, схватив крошечную ручку канадки и невольно покрывая ее горячими поцелуями.

— Она скоро очнется, капитан, — отвечал Золотая Ветвь, продолжая свое врачевание, — молодые девушки, в конце концов, всегда приходят в себя.

— Прелестное создание!

— Ваша правда, капитан. Если она так хороша даже и с закрытыми глазами, то что же будет, когда она откроет оба свои окошечка?

— Она не шевелится.

— Подождите, скоро начнет шевелиться.

— Дыхание едва заметно.

— Как же иначе? — возразил солдат авторитетным тоном, — с первого взгляда кажется, что у этих хрупких созданий жизнь держится на волоске, а, между тем, они к ней привязаны такими же толстыми канатами, как моя рука. Не бойтесь, капитан, я отвечаю вам за нее.

В эту минуту у бедного ребенка вырвался легкий вздох, как бы в подтверждение слов солдата.

— Видите, вот она уже начинает приходить в себя.

— Бедное, милое создание.

— А! Dame!.. Капитан, она испытала такое сильное волнение, что, пожалуй, даже вы сами почувствовали бы себя скверно. Согласитесь, что такой молоденькой девушке нечасто приходится стрелять по такой крупной

дичи. И потом, говоря откровенно, сделав столь удачный выстрел, есть от чего упасть в обморок. От радости, например.

— Так молода и так прелестна, — прошептал офицер. — Если с ней случится какое-нибудь несчастье, я никогда не прощу себе этого.

— В том только случае, если бы это произошло по нашей вине... А! Наконец-то, она зашевелилась!

— Ты уверен?

— Да, смотрите сами, рука... а вот она открывает глаза... Надеюсь, вы теперь довольны, капитан?

— Тише! Замолчи! Ты ее испугаешь.

— Ну, уж это едва ли? — пробормотал Золотая Ветвь, и затем, фатовато прибавил: — женщины еще никогда не пугались меня.

Молодая девушка, наконец, очнулась и полураскрыла глаза. Ее первый взгляд упал на молодого человека, стоявшего перед ней на коленях. Это было как бы электрической искрой.

Она в ту же минуту вскочила на ноги без всякого усилия, без посторонней помощи. Взгляд ее все время был прикован к глазам французского офицера. В этот день только в первый раз обменялись они взглядами, и этого было довольно.

Жаркое пламя охватило их, и все было сказано. В этот взгляд они вложили всю свою душу.

Они полюбили друг друга на всю жизнь. Ни одного слова не сорвалось с уст молодого человека. Из стесненной груди молодой девушки не вырвался ни один вздох. Но первый мысленно возносил к Богу горячую благодарственную молитву. Она была жива! Он благодарил Господа, пославшего и возвратившего ее ему в одно и то же время.

Молодая девушка, с своей стороны, переживала, странные для нее минуты. Она видела его точно в тумане, как бы во сне... а между тем, стоило только ей протянуть руку и она могла бы убедиться, что это не мечта, не сон... Тот, кто с некоторых пор без ее ведома завладел всеми ее помыслами, был здесь, близ нее, спасенный от ужасной смерти и притом спасенный ею! Она не была еще твердо уверена в этом, но память постепенно возвращалась к ней вместе с жизнью. Она припомнила все, что произошло, и сначала сладкая, затем ужасная, потрясающая мысль пронзила ее сердце.

«Что, если все это был только сон?! Что, если она проснется, придет в себя и вдруг окажется, что это — видение, что это только плод ее фантазии, ее страстного желания».

Все эти чувства отразились на ее подвижном и нежном лице.

Страшная дрожь потрясла ее тело. Рыдание сдавило ее горло, и она залилась слезами. Это был конец припадка.

Молодой офицер, дрожа за нее, совершенно потерял голову при виде этого личика, залитого слезами. Он считал эти слезы слезами горя и не знал, что делать.

Солдат, который видел в молодой канадке только ребенка, решил вмешаться в это дело, хотя вмешательства этого никто и не требовал.

— Успокойтесь, капитан, — сказал он.

— Эх! Да разве ты не видишь? — Отлично вижу и нисколько не огорчаюсь этим! — Она, бедняжка, страдает, плачет!

— Она плачет! Да... но только вовсе не потому, что она страдает, поверьте мне. У женщин вообще, а в эти годы в особенности, слезы льются, как вода — и с горя и с радости.

— Ах! Если бы это была правда! Как бы я был рад.

— Эти слезы, которые, по вашему мнению, вызваны горем и страданием, в сущности только дамские нервы... подождите немного, и вы увидите, что вода успокоит ее окончательно. Выпейте, дитя мое, выпейте воды.

С этими словами солдат протянул тыквенную бутылку молодой девушке, и та большими глотками стала жадно пить воду.

— Так, так, — продолжал Золотая Ветвь, — а теперь, пожалуй, и довольно... Сначала нужно было употребить воду как наружное лекарство, а теперь она же пригодилась и для принятия внутрь, только не нужно злоупотреблять таким лекарством. Из меня могла бы выйти превосходная сиделка... Я не хуже доктора знаю, как надо лечить такие болезни, хотя, сказать по правде, я далеко не привык ухаживать за такими нежными больными... Надеюсь, вам теперь лучше, прелестное дитя?

— Благодарю вас, — отвечала молодая девушка.

— Видите, капитан, она говорит.

Последний вовсе не обращал внимания на болтовню своего вестового и сидел, погруженный в отчаяние. Но когда он услышал голос молодой девушки, радости его не было границ, и он готов был броситься на шею к Золотой Ветви, который, не выходя из своего обычного флегматичного состояния, продолжал:

— Не тревожьтесь, капитан, у этого бедного ребенка слишком переполнено сердце. Все эти слезы — просто-напросто продолжительное излияние из слезного мешочка, и об этом очень скоро забывают... Видите: моя правда. Малютка уже улыбается сквозь слезы и протягивает вам обе руки. Ну! Что же вы стоите столбом? Очнитесь, капитан! Господи ты мой,

Боже! Теперь уже вам дурно! Недоставало только этого.

Золотая Ветвь не ошибался. Его офицер, видя, что молодая девушка пришла, наконец, в себя, до такой степени растерялся от радости, что молча и неподвижно стоял перед ней, не произнося ни слова.

Девушка протягивала ему руки, а он не брал их.

Наконец, голос, мелодичный, как пение птицы, коснулся его слуха.

Голос этот говорил:

— Это он... святая Матерь Божья! Это он... живой... и даже не ранен!

— И я спасен вами, — радостно отвечал офицер, обретая, наконец, дар слова.

— О! Как я счастлива! — тихо прошептала она, поднося руку к сердцу.

Чары были разрушены. Золотая Ветвь, глядя на них, бормотал сквозь зубы:

— Вот те раз! Кто же это тут подложил огня в порох. Молодой человек схватил обе ручки очаровательной девушки и сказал так тихо, что слова его слышала только она одна:

— Да, вы — мой ангел хранитель! Господь послал вас, чтобы сохранить мне жизнь, которую, с этой минуты, даю клятву посвятить вам.

— Вы так думаете? — отвечала она ему вопросом. И ответ этот был так же тихо произнесен, как и клятва офицера. Святая и инстинктивная стыдливость подсказала им, что откровение их душ должно принадлежать только им одним.

Золотая Ветвь счел себя лишним. Добрый малый скромно отошел в сторону.

— Скажите еще раз, что вы убеждены в этом! — повторила молодая девушка

— Клянусь спасением моей души, что я сказал вам то, что подсказало мне сердце!

— Благодарю... я верю вашим словам... Господь милостив... он услышал мою молитву.

— Вашу молитву? — с удивлением сказал офицер.

— Да, я часто молилась за вас!

Офицер с нескрываемым изумлением смотрел на нее.

— Вы, следовательно, знаете меня? — спросил он молодую девушку.

— Давно.

— Я не понимаю вас, милое дитя.

— Каким же образом иначе могла я попасть сюда? — возразила очаровательная девушка, и в тоне ее голоса слышался как бы упрек по адресу офицера. — Это произошло совсем не случайно. Вы приезжаете

сюда отдыхать или ловить рыбу почти ежедневно в течение целого месяца, который пролетел так поразительно скоро, по крайней мере, для меня.

— Наш форт так далек от населенной местности, что ни о каком развлечении не может быть и речи.

— Я видела вас.

— Значит, вы живете.

— Близко отсюда? Да... и я каждый день приезжала сюда, останавливалась здесь, возле берега и смотрела на вас.

— Как же это я ничего не подозревал!

— О! Я отлично пряталась... я была так рада, так рада, что могу смотреть на вас, могу видеть вас.

Это было сказано так просто, так невинно, что молодой француз, совершенно растерявшись, в немом восхищении смотрел на молодую девушку.

Золотая Ветвь, до которого доносились только отдельные фразы, с угрюмым видом опустил глаза и в то же время бормотал про себя, кусая усы:

— Что за черт! Смеется она что ли над нами? Надо будет проверить.

И он стал внимательно прислушиваться, делая вид, что его несколько не интересует их разговор. А в это время капитан, увлеченный и покоренный наивной и трогательной грацией молодой канадки, говорил ей:

— Итак, вы думали обо мне?

— День и ночь.

— Почему вы не дали мне знать об этом?

— Каким образом?

— Каким-нибудь способом... Можно если не сказать, то написать это...

— Я не смела!..

— Наконец, вы могли сделать это так, как вы поступили сейчас!

— А! Теперь это совсем другое дело.

— Почему? — спросил, улыбаясь, офицер.

— Теперь мне кажется, будто я вас знала... всю жизнь.

— Правда?

— Я даже спрашиваю себя, как я могла жить, не зная вас?

— Милое дитя! Значит, я должен вас любить за это вдвойне...

— О! Да, любите меня! — с живостью перебила его молодая девушка.

— Да, и на это целых две причины! — повторил молодой человек.

— А какие?

— Во-первых, вы спасли мне жизнь.

— О! Это не может идти в счет. Стреляя в этого индейца, я спасала вас от него для себя.

— И вы меня любите?

— Конечно, я вас люблю! — отвечала канадка с восхитительной чистосердечностью.

— Настоящей любовью или как друга?

— Настоящей любовью! — повторила она изумленно и стараясь понять, что значат его слова.

— Да?

— Не знаю.

— Пусть меня повесят, если я верю хоть одному слову из того, о чем воркуют эти голубки! — пробормотал Золотая Ветвь, который в это время строгал палочки, чтобы показать, что его вовсе не интересует разговор канадки и офицера.

Молодая девушка в это время продолжала:

— Я не знаю, как назвать то чувство, которое я испытываю.

— Объяснитесь.

— Я все время думаю о вас! Мысль о вас не оставляет меня даже во время молитвы... Я не могу не думать о вас, даже если бы я этого и хотела.

— Злая.

— О! Я не злая, потому что я люблю вас... Верите вы мне?

— Верю.

— И вы хорошо делаете. Я никогда не лгала. В наших лесах нет надобности лгать, как в ваших городах, где все наперерыв обманывают друг друга.

— Я не обману вас!

— Гм! Гм! — подумал Золотая Ветвь в своем углу.

— Видите ли, друг мой, — продолжала молодая девушка, — ваш образ никогда не покидает меня... Здесь ли вы, или нет вас, я вижу вас, чувствую ваше присутствие.

— Но это гораздо лучше дружбы!

— Лучше? Нет.

— Тогда больше, чем простая дружба.

— Это возможно, — проговорила она, задумчиво опуская глаза, — я очень люблю моего отца; я люблю его всей душой, а между тем, я люблю его не так, как вас, — это не одно и то же.

— А почему же нет? — возразил молодой человек, которому очень приятно было слушать эти слова и который в то же время боялся неловким замечанием оскорбить ее дочернюю любовь.

— С отцом я всегда спокойна, ровна и беззаботна, а когда я вижу вас, со мной происходит совсем иное. Когда я вижу вас, слышу ваш голос — я чувствую то страшную тоску, то безумную радость. Надежда встретить вас до боли сжимает мне сердце и я вся горю желанием видеть вас. Я вся дрожу, когда собираюсь сюда, и все-таки я сажусь в пирог и еду.

Молодой человек не знал, что и отвечать канадке на эти слова. Это происходило, впрочем, вовсе не от излишней скромности... Нет, за это можно было смело поручиться. Ему не раз приходилось иметь дело с опытными кокетками, которые говорили с ним почти таким же языком, как молодая канадка, и он всегда умел пользоваться такими случаями.

Но ему еще никогда не приходилось выслушивать такие откровенные признания при первой же встрече и, притом, в такой безыскусственной форме.

Чистосердечная наивность, полнейшее неведение этого ангелоподобного создания, которое, спокойно улыбаясь, стояло перед ним, покоряли и восхищали его в одно и то же время.

В его сердце вспыхнула любовь, любовь целомудренная и благородная, как и та, которая ее внушала, — любовь, которая, как он это чувствовал, могла окончиться только с его смертью. Слова любви просились у него с языка, но он не произносил их.

Зачем стал бы он выражать словами то, о чем так ясно говорили его глаза? Если бы он хоть тысячу раз подряд повторил:

«Я вас люблю! Я вас обожаю!» — эти слова не могли бы найти более верного доступа к сердцу этого прелестного и целомудренного ребенка, чем его почтительное молчание.

Они молча смотрели друг на друга, как очарованные. Несмотря на свое скептическое отношение ко всякого рода чувствительным сценам, а тем более в любовных похождениях, Золотая Ветвь тоже не мог остаться равнодушным зрителем и, отвернувшись, незаметно смахнул бежавшие из глаз слезы.

— Все это пустяки! — ворчал он при этом, — мой капитан впадает в детство! Я не понимаю, как это можно объясняться в молчанку... Ну, да не в том дело... Это действует даже и на меня, черт возьми! Не знаю только почему! Признаться, я был бы очень рад, если бы кто-нибудь намылил мне шею, как это проделает завтра прачка с этим платком.

С этим словом он вынул из кармана платок, которому, по всей вероятности, в первый раз пришлось намочнуть от слез, хотя владелец платка и сам не знал, что именно заставляет течь слезы по его щекам, обожженным американским солнцем.

Наконец, оба влюбленных обрели дар речи.

Солдат весь превратился в слух.

— Как вас зовут? — спросила канадка офицера.

— Луи.

— Луи! Очень хорошее имя, оно мне нравится, — сказала она, хлопая в ладоши.

— Почему?

— Да разве вы не знаете, что так же точно звали и нашего святого короля?

— Да, это правда.

— Я говорю про короля Франции!

— Вы знаете это? — удивленно сказал молодой человек.

— Я знаю все, что касается Франции.

— Вы — француженка.

— Да.

— О! Тем лучше! А как вас зовут, милое дитя?

— Анжела. Вам нравится это имя?

— Анжела? Разумеется.

— Я очень рада, что это имя вам нравится! — вскричала она.

— По-моему, это как нельзя более подходящее имя для вас.

— Почему? — спросила она, не придавая никакого особого значения своему вопросу.

— Вы забываете, что слово Анжела происходит от слова ангел, — отвечал офицер, целуя в то же время ее ручки.

— Вы смеетесь надо мною?

— Боже сохрани!

Она прямо посмотрела ему в лицо и прочла в его глазах, что он говорит истинную правду.

— Вы любите рыбную ловлю? — спросила она.

— За неимением лучшего.

— А вы будете приезжать сюда иногда удить рыбу?

— Каждый день.

— Хорошо, когда вам надоест удить или читать, вспомните обо мне.

— Вы не придете больше? — тревожно спросил он.

— Приду, но я не буду мешать вам. Я буду поступать так же, как делала это и до сих пор: я буду смотреть на вас.

На этот раз Золотая Ветвь не мог удержаться, чтобы не свистнуть, выражая этим и удивление и веселый смех.

Молодой человек поспешно отвечал:

— Но я не хочу и слышать этого.

— Чего?

— Я хочу, я желаю, чтобы вы мешали мне заниматься чтением, которое не доставляет мне особенного удовольствия, я требую, чтобы вы мешали мне заниматься рыбной ловлей, которая, сказать вам правду, вовсе не интересует меня. Видите, — прибавил он затем, смеясь, — это нельзя назвать даже жертвой с моей стороны.

— Хорошо, я буду приезжать посидеть с вами.

— И мы будем болтать?

— Как сегодня. Вы живете близко отсюда?

— В нескольких милях.

— А где именно?

— Я служу в гарнизоне форта Дюкэна.

— Форт Дюкэн! Я не знаю его, но я часто слышу о нем.

— От кого?

— От... от моего отца, — отвечала молодая девушка, после легкого колебания.

— Ваш отец! Чем он занимается? Он — колонист? При этом простом и вполне естественном вопросе молодая

девушка задумалась и побледнела, несмотря на все старание скрыть это от глаз своего собеседника.

— Вы не хотите огорчать меня, Луи?

— Сохрани меня Боже!

— В таком случае никогда не говорите мне о... о моем отце. Все подобные вопросы могут угрожать ему большою опасностью. Вот все, что я могу вам сказать о себе: мы живем одиноко среди леса... Отец, по мере сил, старается исполнять все мои малейшие желания. Моя улыбка делает его счастливым. Мы любим друг друга и пока спокойно живем в своем уголке. Я умоляю вас, Луи, как в моих, так и в ваших интересах не пытайтесь отыскивать наше убежище! Дайте мне клятву, что вы исполните мою просьбу!

— Клянусь вам, Анжела.

— Благодарю.

— Ну, а если какие-нибудь непредвиденные обстоятельства столкнут нас лицом к лицу?

— Значит, так будет угодно Богу, и я не стану упрекать вас за это. Помните, что все, что ни делает Господь, все к лучшему.

— Итак, завтра вы приедете сюда?

— Я приеду завтра и буду приезжать каждый день. А теперь мы

должны расстаться.

— Уже? — печально проговорил Луи.

Так нужно, друг мой. Мне предстоит еще длинный путь, чтобы добраться до дому. Если отец вернется без меня, он будет беспокоиться и отправится меня разыскивать, и я дрожу при одной мысли о том, что он может застать нас здесь.

— Разве мы делаем что-нибудь дурное?

Подобный вопрос был более чем странен в устах молодого и блестящего начальника Золотой Ветви. А между тем вопрос был сделан совершенно искренно: любовь — волшебник, от нее дураки умнеют, а умные глупеют.

— Ровно ничего, — отвечала Анжела, улыбаясь, — но я так счастлива, когда вижу вас, что меня пугает все, что может помешать мне быть с вами.

— Вы очаровательны! — мог только сказать капитан.

— Нет, я вас очень люблю и это заставляет меня быть осторожной и благоразумной. Вы будете думать обо мне сегодня и завтра?

— Спрашивать меня об этом — значит оскорблять меня.

— Я тоже все время буду думать о вас, я в этом уверена. Таким образом, мы даже в разлуке будем как бы вместе.

С этими словами она высвободила свои руки из его рук. Затем она быстро и ловко прыгнула в свою пирогу и схватила весла.

— До завтра, Луи, — крикнула она еще раз на прощанье.

— До завтра, Анжела.

— Счастливейший путь, — счел с своей стороны нужным сказать и Золотая Ветвь.

Пирога отошла от берега и вскоре скрылась за поворотом реки. Офицер остался один на берегу, неподвижный, охваченный странным волнением.

— Я люблю, люблю ее! — воскликнул он, не обращая никакого внимания на подошедшего к нему вестового. — Я безумно люблю ее!

— И вы совершенно правы, капитан. Молодая особа стоит того, чтобы потерять несколько голову; но это, по моему мнению, несколько не мешает нам собраться в дорогу и ехать обратно в форт Дюкэн.

— Хорошо, едем. Зато завтра!..

— Мы ранехонько вернемся назад, — заметил лукаво улыбаясь, Золотая Ветвь.

— До свидания, Анжела, до свидания! — крикнул капитан, точно молодая девушка могла его слышать.

— Ох! Эти влюбленные! Эти влюбленные! — опять начал ворчать

солдат. — Все то же, все та же старая песня!

Затем солдат и офицер сели в пирогу, не думая об уборке трупа краснокожего, которого они покидали здесь в добычу ястребам. Через час они достигли форта Дюкэна.

Странная перемена произошла в беззаботном до сих пор молодом офицере. Все только что случившееся вдруг дало цель его жизни. Он любил, как никогда. Ему казалось, что он в один час прожил целую вечность. Все его прошлое стусевалось, отошло назад. Пред ним открывалось светлое и радостное будущее

Глава VI. В КОТОРОЙ ДОКАЗЫВАЕТСЯ, ЧТО ХОРОШЕНЬКОЙ ЖЕНЩИНЕ НИКОГДА НЕ СЛЕДУЕТ ИМЕТЬ БЕЛОГО ПОПУГАЯ

Граф Луи Кулон де Виллье, капитан первого ранга морского королевского полка, входившего в это время в состав гарнизона форта Дюкэна, по своему происхождению принадлежал к одной из самых старинных аристократических фамилий в Анжу; целый ряд его предков фигурирует на страницах преимущественно военной истории нашей славной родины.

Как известно, форт Дюкэн в то время представлял важный военный пункт, который занимали французы в Канаде при слиянии Аллеганы и Манонгохелы, образующих затем реку Огио.

Графы де Виллье считали себя потомками знаменитого Бренна, по прозвищу Кэйлонь, прославившегося еще во времена первого вторжения римлян. Один из баронов де Виллье участвовал во взятии Иерусалима Годфридом Буллионским.

Одним словом, везде, где только в средние века велась война: в Европе, в Азии, на Сицилии или в Святой Земле — предки графа Кулон де Виллье всегда храбро сражались в рядах французских рыцарей. Военная жилка и жажда к приключениям невольно влекли членов этого дома главным образом туда, где можно было добыть скорее славу, чем богатство. Эта благородная раса не отступала ни пред какой опасностью. Фамилия Кулон де Виллье упоминается в числе первых колонистов Новой Франции.

Представитель этой славной фамилии поселился здесь, в Канаде, прельщенный красотами природы и теми благами, которые сулила эта тогда еще девственная почва. Сто человек его вассалов пожелали разделить с ним его судьбу. Он основал колонию, которая сперва процветала, а затем совершенно распалась после его внезапной и неожиданной смерти.

В более недавнее время, т. е. за тридцать лет до начала нашего рассказа, младший член фамилии де Виллье, офицер кариньянского полка, в свою очередь, поселился в Новом Орлеане. Но и в этой новой стране какой-то странный рок тяготел над этим древним родом: новый колонист исчез в один прекрасный день, так что никто даже и не мог объяснить

причины, заставившей его поступить таким образом, как не могли сказать, где именно он нашел себе убежище. Все самые тщательные розыски не привели ни к чему. Все было напрасно.

Но как бы там ни было, фамилия Кулон де Виллье была хорошо известна и пользовалась большим уважением в Канаде

Здесь жили в большом числе потомки прежних вассалов этого рода. Несмотря на многие годы, прошедшие со времени переселения отцов в Новый Свет, эти честные люди с глубочайшим уважением хранили память о своем сеньоре и прежнем владыке

Граф Луи де Виллье, одаренный, подобно своим предкам, пылкой душой и подвижным характером, очень скоро пресытился прелестями парижских будуаров и жизнью при дворе короля Людовика XV.

Этот развращенный король слишком много отдавал времени любовным похождениям и благодаря этому почти не обращал внимания на заслуги состоявших при нем придворных, если они не принадлежали к числу излюбленных им куртизан.

Молодой дворянин обратился с просьбой разрешить ему отправиться в Америку, куда уже несколько лет тому назад переселился его старший брат.

Министр Людовика XV заставил довольно долго упрашивать себя, видимо, желая придать разрешению характер особой милости.

Наконец, разрешение все-таки было получено. Граф де Виллье простился со своими друзьями и отправился а Гавр, куда он так спешил, что успел застать еще в гавани корабль, отправлявшийся в Квебек — столицу колоний в Новой Франции.

Молодой человек носил прекрасное имя, и это имя, в соединении с благородством и репутацией первого щеголя Версаля, открыло ему настежь все двери самых аристократических домов в Канаде.

Здесь граф Луи де Виллье, со всем пылом и самонадеянностью молодого человека, не думающего о последствиях, очертя голову бросился в вихрь светских развлечений. Он волочился за всеми женщинами, должны мы прибавить, чтобы не уклониться от истины. Женщины очень редко относятся сурово к ухаживанью молодого блестящего кавалера, в особенности же по ту сторону океана. В некоторый промежуток времени наш молодой искатель приключений сделался кумиром прекрасного пола Канады.

Тут надо сознаться, что молодой офицер, так порицавший разгульную и безумную жизнь версальского двора, превратившись в американского искателя приключений, вместе с тем как бы утратил отвращение к тому, что он так порицал, и со всем пылом своей молодой необузданной натуры

бросился в вихрь удовольствий праздного светского общества.

Граф де Виллье как нельзя более был подготовлен для той роли, которую ему пришлось играть в высшем обществе Квебека. Но увы! Все проходит и все имеет свой конец в этом мире. Человек скоро пресыщается всем этим и ему надоедает быть предметом ласк и обожаний с утра и до вечера. Подобного же рода история произошла и с графом де Виллье.

Разочарование и пресыщение наступили даже гораздо раньше, чем он мог ожидать. Он исчез на некоторое время. На все присылаемые ему приглашения, он не отвечал ни слова. Его нельзя было больше встретить ни в великосветских салонах, ни в наиболее посещаемых кабаках, ни на прогулках, где собиралась вся квебекская молодежь. В продолжение недели только и речи было, что о нем одном.

Но в Квебеке, как и в Париже, восемь дней равняется восьми векам. К концу недели любопытство, возбужденное исчезновением Дон-Жуана, стало заметно ослабевать. Покинутые им прекрасные дамы, которые могли бы составить такой же длинный список своих поклонников, как и знаменитый испанский обольститель, вспомнили других обожателей. Еще несколько дней, и имя его уже не упоминалось больше в разговорах. Он был забыт.

А, между тем, Луи де Виллье не без причины так неожиданно скрылся из мира, полного наслаждения и удовольствий.

В числе креолок, считавшихся в то время царицами моды и красоты в салонах Квебека, особенно выделялась одна. Многочисленные поклонники тщетно добивались ее благосклонности. Ее репутация неприступной добродетели оставалась все время непоколебимой и незапятнанной; ее доброе имя строго возвышалось на своем пьедестале, окруженное всем, что было молодого, богатого и блестящего в высшем обществе Канады. Ее мраморного сердца ни на секунду не коснулось жаркое пламя любви обожавших ее ухаживателей. Ни один луч любви не мог растопить льда ее требовательного ума.

В обществе то и дело называли имена ее поклонников, сделавшихся жертвами своей страсти. Один всадил себе в грудь кинжал, потому что она отказала открыть ему дверь в один из бурных вечеров. Другой угрожал поджечь ее дом, где она всегда жила, и сгореть вместе с ней, если она откажется выйти за него замуж. Она ограничилась тем, что переехала на свою виллу в окрестностях Квебека.

Отвергнутый поклонник, впрочем, несколько не смутился этим обстоятельством. Он поджег дом дамы своего сердца и, не найдя ее в комнатах, застрелился с отчаяния.

Вначале все восхищались ее строгостью и очаровательной внешностью, затем стали проклинать ее красоту, и общество отвернулось от нее.

Это было несправедливо, нелепо, но это было именно так.

Предмет стольких проклятий и ненависти, она имела не более двадцати одного, двадцати двух лет. Звали ее Камилла де Малеваль.

Мадам де Малеваль была вдова штаб-офицера, убитого в последнюю войну с англичанами; муж провел с нею только медовый месяц, не имев времени наскучить ей прозой жизни. Кроме того, с ее точки зрения, у нее, пожалуй, имелся еще и другой повод оплакивать мужа, потому что он оставил ей колоссальное богатство. Для всякой другой вдовы оставленное умершим мужем богатство было бы скорее источником радости, чем горя. Для нее же оно составляло вечный предмет траура, напоминавшего ей о муже, так щедро наградившем ее.

Мы уже сказали, что графиня Камилла де Малеваль была странное существо, странное и очаровательное. Высокая с тонкой талией, гибкая, как пальма, она была превосходно сложена. Нельзя себе даже представить, сколько было невыразимой грации в этой женщине, обладавшей той великолепной внешностью, которую наши прадеды так метко определяли словами: «осанка королевы». Черные волосы составляли очаровательный контраст с бледно-голубыми глазами, метавшими молнии из-под длинных шелковистых ресниц. Чувственный пурпуровый ротик часто складывался в тонкую насмешливую улыбку. Из ее уст звучал гармоничный, проникающий в сердце голос. Белизна кожи, тонкие черты лица, крошечные руки и ноги, элегантная внешность ставили ее в разряд самых совершенных представительниц человеческого рода.

С первого же взгляда она привлекала, очаровывала и покоряла.

Граф де Виллье встретился с нею. Эта встреча заставила его бросить все свои амурные похождения и легкие ежедневные победы. Его предупреждали об опасности, которой он подвергался. Советы друзей только еще более подзадорили его.

Сказать человеку, с первого же взгляда влюбившемуся в женщину: «берегитесь! Вы не будете иметь успеха, мы все были прогнаны один за другим», значит подлить масла в огонь.

Луи де Виллье не хотел ничего слышать. Он был представлен графине де Малеваль, которая с первого же дня стала обращаться с ним, как обращалась и с его предшественниками. Он потерял голову. Она закрыла ему двери своего дома.

Граф де Виллье поклялся, что он во что бы то ни стало проникнет к

ней, хотя бы даже через окно. Случай помог ему.

Но можно ли сказать, что случай «помог ему»?

Да. Хотя тот день, когда ему посчастливилось проникнуть к прекрасной креолке, следовало бы назвать самым несчастным днем в его жизни.

Но чему быть, того не миновать. Вот каким образом удалось графу де Виллье войти победителем в дом к графине де Малеваль.

У нее был белый какаду, с перышками на щеках, с красным хохолком, которого она привезла из Европы. Этой замечательно красивой птицей, обладавшей необыкновенной памятью, любовались все знакомые графини. Хозяйка обожала его. Она научила его говорить и даже петь. Она берегла его как зеницу ока.

Рядом с графиней де Малеваль жил богатый плантатор. У плантатора была мартышка, очень забавная и очень злая в одно и то же время. Она любила только своего хозяина и без разбора кусала всех, кто осмеливался приблизиться к ней — будь то человек или животное.

Обезьянку звали Ник.

Попугая — Бианко.

В один прекрасный день Ник оборвал цепочку, взобрался на стену, отделявшую владения плантатора от владений графини, прыгнул в парк, пробрался в святилище, где отдыхал Бианко, и, осторожно взяв его в лапы, выскользнул вон, несмотря на отчаянные крики негритянки, прибежавшей слишком поздно и поэтому не имевшей возможности помешать неожиданному похищению.

Шум и крики вызвали из комнаты графиню де Малеваль.

В ту же почти минуту прибежал и плантатор за своей обезьянкой. Ник, взобравшись на дерево высотой в сто футов, весело забавлялся с бедным Бианко, которому это вовсе не доставляло удовольствия. Плантатор хохотал. Графиня ломала руки в отчаянии.

Граф де Виллье довольно часто прогуливался мимо дома прекрасной креолки. Пользуясь суматохой, он без особого труда проник в парк, привлеченный отчаянными воплями хозяйки Бианко.

— Я готова пожертвовать жизнью за спасение попугая! — говорила графиня де Малеваль сквозь слезы. — Я отдам все свое состояние и даже жизнь; я все отдам, все!

Плантатор продолжал хохотать.

Граф де Виллье склонил голову перед вдовою графа де Малеваль и почтительно проговорил:

— Один поцелуй, и я выручу вашего попугая.

Хорошенькая женщина протянула ему руку.

Граф де Виллье почтительно запечатлел на ней поцелуй. Затем, взяв мушкет у одного из слуг графини, хладнокровно стал целиться в Ника. Плантатор подскочил к нему, размахивая кинжалом в восемнадцать дюймов.

— Если вы убьете обезьянку, я убью вас, — прохрипел он. Граф де Виллье молча пожал плечами и выстрелил. Обезьянка, которой пуля угодила прямо в голову, выпустила попугая, и тот тяжело упал на колени к своей госпоже. В ту же минуту французский кавалер упал к ее ногам, сраженный кинжалом плантатора.

Нечего и говорить, что прежде, чем упасть и лишиться чувств, молодой человек успел прикладом мушкета раздробить череп плантатору.

Какое, однако, оказалось дорогое животное — попугай графини де Малеваль,

Он стоил жизни обезьяне, плантатору и французскому дворянину. Обезьяна умерла на самом деле. Канадцу дурно ли, хорошо ли, но починили голову, хотя он остался идиотом на всю жизнь. Что же касается Луи де Виллье, то хозяйка Бианко должна была оставить его у себя до полного выздоровления.

И молодой человек долго не поправлялся.

Медленное выздоровление и частые посещения графом де Виллье графини де Малеваль — все это вместе давало обильную пищу для злословия врагам графини, и первая слабость неприступной креолки сделалась общим достоянием

Тигрица была укрощена.

Сердце ее, наконец, заговорило в пользу очаровательного и неустрашимого спасителя Бианко, белого попугая Графиня де Малеваль перенесла это поражение, как женщина мужественная и вместе с тем гордящаяся испытываемым ею новым чувством. Вместо того, чтобы заставить сплетников прикусить язычки и опровергнуть слухи по поводу ее отношений с графом де Виллье, она так открыто принимала его поклонение, что заставила умолкнуть даже самых ярых своих врагов.

Граф, довольный своим успехом, в первое время искренно наслаждался им он думал, что он счастлив. Его возлюбленная тоже всецело отдалась этой страсти, захватившей ее таким странным образом. Она теперь только и бредила, что замужеством.

Луи де Виллье призадумался, стал допрашивать себя, и результатом этих допросов и совещаний со своею совестью явилось довольно странное решение для поклонника очаровательной креолки. Графиня ему нравилась,

но он не любил ее. Молодой человек был слишком честен, чтобы жениться на женщине, которую он не любил. В его счастье была огромная доля удовлетворенного тщеславия.

В одно прекрасное утро он проснулся, с изумлением ощущая холод и пустоту в сердце. Итак, эта страсть, казавшаяся такой желанной, такой очаровательной, стала ему в тягость. Он пытался разорвать ее. К несчастью, в противоположность молодому человеку, креолка полюбила его со всей страстью своей пылкой души и в эту любовь вложила всю надежду на будущее счастье.

У графа де Виллье не хватило духу порвать узы. Он стал ждать.

Но время только еще сильнее стягивало звенья его цепи.

Он надеялся, что новый каприз вернет ему свободу; но молодая женщина, к несчастью, оставалась непоколебимо верна охватившей ее любви

Сознавая невозможность разрыва обычным путем, как это практиковалось при дворе Людовика XV, он решил употребить геройское средство. Средство это заключалось в поспешном бегстве Граф де Виллье был уверен, что графиня его забудет, если он уедет и надолго

— Долой с глаз — вон из сердца! — говорил он себе

Граф де Виллье немедленно отправился к маркизу Дюкэн де Мэнневиль, губернатору Новой Франции, которому его рекомендовали с самой лучшей стороны.

Маркиз всегда очень симпатично относился к нему. Ни словом не упомянув об обстоятельствах, заставляющих его обратиться с подобной просьбой, молодой человек попросил не оставлять его больше в Квебеке и как можно скорее дать ему возможность с пользой послужить королю

Маркиз де Мэнневиль был прежде всего светский человек. Он понял все с полуслова. Он даже не улыбнулся — что делало честь его проницательности — и горячо похвалил графа за его ревность и преданность службе его величества.

Затем капитан де Виллье тут же получил приказ отправиться в полк, стоявший гарнизоном в форте Дюкэне, внутри страны. Если прибавить, что губернатор Новой Франции тоже состоял в числе обожателей, отвергнутых прекрасной графиней де Малеваль, тогда станет вполне понятна причина утвердительного и быстрого ответа.

Заполучив приказ, граф де Виллье отправился к своей возлюбленной. Здесь лицо его выражало такое взволнованное состояние духа и такое глубокое отчаяние звучало в его голосе, что молодая женщина легко далась в обман. Она не только горевала о предстоящей разлуке, но еще должна

была утешать изменника, который втихомолку смеялся над тем, как ловко удалась ему его хитрость.

Они стали изыскивать способы отклонить исполнение этого жестокого приказа. Но графиня де Малеваль, видевшая в этом прежде всего месть со стороны маркиза де Мэнневиль, уверяла, что все хлопоты не приведут ни к чему. Волей-неволей приходилось покориться. Она клялась любить его вечно; он, с своей стороны, самыми страшными клятвами заверял ее в том же.

На другой день рано утром граф де Виллье, боясь, как бы приказ не был отменен, покинул Квебек и отправился в далекий путь, всей душой радуясь вновь обретенной свободе.

Глава VII. РАСПЛАТА

В тот день, когда капитан де Виллье занимался на берегу речки рыбной ловлей и чтением в одно и то же время и чуть не поплатился жизнью за свою беспечность, исполнился ровно месяц со дня его прибытия в добровольное изгнание в форт Дюкэн.

Часто ли в течение этого месяца вставал образ Камиллы де Малеваль перед глазами блестящего офицера? Жалел он или нет о том, что так резко прервал всякие сношения с очаровательной вдовушкой? Не вздыхал ли он по временам, сравнивая свое настоящее более чем скромное существование с веселою жизнью великосветского общества в Квебеке? Может быть, в последнем случае главную роль играла монотонно-однообразная жизнь в форте, находившемся на границе с пустыней и, благодаря этому, лишенном всех удобств местностей, пользующихся плодами цивилизации?

Все эти вопросы разъяснятся сами собой и притом в самом непродолжительном времени.

Прежде всего нужно заметить, что появление очаровательного создания, которое таким чудесным образом спасло ему жизнь, окончательно разрушило чары, привязывавшие его к прошлому, как бы хорошо оно ни было. Пылкая и капризная великосветская дама навсегда лишилась места в его сердце. Все его помыслы были теперь заняты простодушной девушкой, безыскусственная речь которой заставляла его испытывать сладостное волнение истинной любви. Здесь он в первый раз всеми фибрами своего сердца ясно ощущал, что любит.

Прошло несколько дней, и его любовь к канадке только еще больше усилилась. Каждое утро молодой человек в сопровождении Золотой Ветви, к которому он питал полнейшее доверие, отправлялся в пироге на условленное место свидания, куда аккуратно являлась и молодая девушка. Долгие часы незаметно пролетали в составлении проектов будущего и в торжественных клятвах во взаимной любви перед лицом лучезарного солнца. Затем молодые люди расставались.

На другой день они снова сходились и снова велись бесконечные разговоры, при чем повторялось все то же, что обыкновенно проделывается в этой вечно старой и вечно юной истории, которую называют любовью. Дивная музыка, от которой так сладостно дрожали и будут дрожать все струны двух бьющихся в унисон сердец! Нет ничего целомудреннее и привлекательнее этих свиданий, оканчивающихся пожатием руки. Никогда

ни одного поцелуя.

Если бы кому-нибудь из друзей Луи де Виллье пришлось присутствовать при этих свиданиях, они, наверное, ни за что не узнали бы в нем героя великосветских салонов Версаля и Квебека. Они не поверили бы ни своим ушам, ни своим глазам.

А между тем, молодой человек никогда в жизни не чувствовал еще себя счастливее.

Один раз Анжела не явилась утром на свидание. Капитан прождал ее целый день. Наконец, наступила ночь, а молодой девушки так и не было. Луи, вначале только слегка волновавшийся, к вечеру начал уже сильно тревожиться, точно предчувствуя что-то недоброе. Более благоразумный Золотая Ветвь тщетно старался успокоить его и придумать причины, которые могли задержать молодую девушку дома. Капитан не слушал его и, несмотря на поздний час, не решался покинуть места свидания и вернуться в форт Дюкэн.

Все самые убедительные доводы солдата разбивались об отчаянное упорство офицера.

— Если она не пришла, — говорил он, — значит, с ней случилось какое-нибудь несчастье. Понять не могу, что заставляет ее так тщательно скрывать от меня, где она живет. Хорошо, должно быть, ее отец, если ей приходится, благодаря ему, бояться чужого! Я не увижу ее больше!

— Вы совсем напрасно так волнуетесь, капитан, и, наверное, увидите ее завтра же утром, поверьте мне. Молодая девушка не булавка, которую нельзя найти в копне сена. Женщина никогда не пропадет.

Несмотря на красноречие Золотой Ветви, граф де Виллье с мрачным предчувствием повернул назад.

Было уже очень поздно. Солнце садилось в волнах пурпура и золота за вершинами Аллеганских гор. Прохладный ветерок волновал поверхность реки, и на ней вздымались волны, как на океане.

Офицер, полурастянувшись на корме пироги, предавался своим печальным думам, не обращая внимания на великолепные пейзажи, развертывавшиеся, как в калейдоскопе, перед его глазами.

Вдруг он поднялся и стал прислушиваться. С правого берега реки доносился какой-то шум. Солдат остановил пирогу и тоже прислушался. С берега доносились страшные крики попеременно с мольбами и раскатами веселого смеха.

— Что там такое? — спросил тихо граф.

— Похоже на то, что там режут кого-то.

— А что, если мы отправимся туда?

— Как прикажете, капитан, но только уж очень поздно, и, если мы станем заниматься чужими делами, мы упустим свои:

мы приедем в форт в то время, когда ворота будут уже заперты.

— Да, это правда. Поедем в форт, — отвечал капитан.

— Тем более, что в этих местах дикари воют таким же точно образом. Иной раз, право, можно подумать, что они собираются перерезать горло один другому, а подойдешь поближе и окажется, что ничего подобного нет, а они или молятся своим богам или же пляшут и поют на свадьбе.

Граф де Виллье поднял уже руку, чтобы подать знак Золотой Ветви продолжать путь, как вдруг раздирающий крик пронесся в воздухе, и капитан задрожал с ног до головы. Смертельная бледность покрыла его лицо. Он узнал голос Анжелы.

— Вперед! — крикнул он в ту же минуту взволнованным голосом.

Солдат тоже понял, в чем дело. Он не нуждался больше ни в каких объяснениях, повернул лодку и, налегая изо всех сил на весла, стрелой понесся к берегу.

Крики становились все слышнее и слышнее. Граф де Виллье, ни жив ни мертв, сидел на своем месте и только повторял поминутно:

— Скорей! Скорей!

Золотая Ветвь молча протянул ему весло. Луи схватил его. Пирога буквально летела по воде. Как только нос лодки ударился в прибрежный песок, офицер и солдат выскочили на берег, захватив с собою оружие.

Бегом направились они сквозь кустарник в ту сторону, откуда крики неслись теперь все чаще и слышались уже гораздо громче. Граф де Виллье и его спутник буквально задыхались от усталости, но они не только не уменьшили быстроты бега, а, напротив, напрягали последние усилия, стараясь достигнуть как можно скорее того места, откуда неслись крики, и так добежали до края поляны.

Ужасное зрелище представилось их глазам. Десятка два людей, в которых по костюму не трудно было узнать канадских колонистов, кричали и неистовствовали, размахивая саблями, топорами и ружьями над головами старика и молодой девушки, находившихся в середине этого живого круга.

Одного взгляда было достаточно, чтобы узнать молодую канадку. Он, значит, не ошибся. И в ту же минуту, не думая об опасности, которой он подвергался, не зная даже, как далеко отстал от него солдат, граф де Виллье одним прыжком бросился на злодеев, грозивших смертью его возлюбленной.

Расталкивая одних, нанося направо и налево удары другим и опрокидывая все, встречавшееся ему на пути, он в одну минуту был уже

рядом с ней.

Золотая Ветвь, так как ему нечего было особенно волноваться, бормотал про себя:

— Их много, их слишком много!

Тем не менее он продолжал идти следом за своим начальником, видимо, не желая, чтобы он один подвергся первому взрыву гнева людей, планы которых он явился разрушить, не справляясь даже о том, что здесь происходит: преступление или мщение.

А здесь в это время как раз именно и происходило отмщение, или расплата с тем, кого обвиняли эти грубые и рассвирепевшие люди.

Их жертвой был не кто иной, как отец Анжелы, таинственный человек, которого граф проклинал всего несколько минут тому назад; тот, кого плантаторы и колонисты называли изгнанником или колдуном, не зная ни его настоящего имени, ни происхождения.

Вот таким образом все это случилось.

Несколько человек колонистов возвращались к себе домой из форта Дюкэна, где они, в обмен на свои товары, приобретали необходимые для себя предметы. На обратном пути они встретили на уединенной тропинке старика, который спокойно шел вместе с молодой девушкой по направлению к своему жилищу среди леса.

Отправляясь в форт, колонисты также имели в виду и свои собственные удовольствия, и в течение нескольких часов, проведенных ими в форте, успели выпить, и выпить хорошо в компании с солдатами гарнизона. Их, правда, нельзя было назвать совершенно пьяными, нет, они твердо держались на ногах и были только сильно возбуждены под влиянием спиртных напитков.

Отец и дочь посторонились, давая им дорогу. И вот это-то едва и не стоило им жизни.

Будь канадцев человека четыре или пять, они не только не осмелились бы затронуть старика, к которому они питали нечто вроде инстинктивного уважения и страха, но даже постарались бы не попасться ему на глаза.

К несчастью для старика, внушавшего им подобные чувства, их было много, и это обстоятельство и придало им храбрости. Ободряя один другого, они сначала осыпали его градом насмешек, на которые последний считал унижительным для себя отвечать. Затем они постепенно становились все смелее и смелее и, окружив старика, стали бранить его так, как умеют браниться только подвыпившие колонисты.

Будь старик один, он, по всей вероятности, не отозвался бы ни одним словом и продолжал бы идти вперед, не обращая внимания на их брань и

насмешки. Но, потеряв терпение и опасаясь за дочь, он решил заставить их замолчать и поступить в этом случае, как подобает настоящему мужчине. В ту же минуту он повернулся к ним лицом, сделал несколько шагов по направлению к негодьям и, схватив за шиворот самого наглого из крикунов, без особого усилия отбросил его на десять шагов от себя.

Такая необычайная сила и притом в таком старике изумила пьяных колонистов. Они стали шептаться и, по-видимому, готовы были отступить. Но в эту минуту тот, которому так жестоко пришлось испытать на себе силу мускулов старика, вскочил на ноги и, вне себя от ярости, с ножом в руке бросился на отца Анжелы, подстрекая в то же время своих товарищей упреками и насмешками.

— Вали все на Изгнанника! Убьем колдуна! — ревел он. — Труссы! Не стыдно ли вам бояться одного человека... пустите меня, я всажу ему нож в бок.

Отец Анжелы загородил ее собою и, твердо упершись ногами в землю, с оружием в руках смело смотрел в глаза своим противникам.

Канадцы, возбужденные насмешками товарища и рассчитывая на свое численное превосходство, ободрились и с громкими криками устремились на него.

Произошла страшная свалка. Изгнанник дрался с отчаянием отца, защищающего свою дочь, которая может сделаться добычей разбойников, не признающих ни Бога, ни голоса совести. Двое, самые ближайšie к нему, покатались на землю: один с раскроенным черепом, другой с пулею в груди. Остальные кинулись на него, как свора собак на загнанного кабана. В продолжение нескольких минут, старик отчаянно дрался, стряхивая с себя озверевших людей.

Все эти люди, возбужденные выпитой водкой и запахом крови, думали только об одном — обессилить своего врага и повалить его на землю с тем, чтобы убить его после страшных пыток.

Что могли сделать героические усилия одного человека против двадцати? Отдалить на несколько минут свою гибель. Не было никакого сомнения, что нападающие вскоре овладеют им. Подавленный численным превосходством врагов, старик, наконец, был побежден; его схватили и затем перетащили на средину поляны, где несмотря на слезы и мольбы его дочери, крепко-накрепко привязали к дереву.

Покончив с этим, они снова собрались в кружок и стали придумывать род казни. Казнь, конечно, должна была окончиться смертью, — весь вопрос сводился только к тому, чтобы придумать смерть помучительнее.

Старик обвинялся, во-первых, в убийстве двух колонистов во время

борьбы, а затем на нем тяготели еще и другие преступления. Но самым тяжким было обвинение в колдовстве.

Все окрестные жители были убеждены, что захваченный ими в плен старик — колдун, благодаря которому у них гибнет скот, горят и рушатся дома и гибнут посевы на плантациях.

Из сострадания к молодой девушке, которая валялась у них в ногах, вымаливая прощение отцу, они, посоветовавшись, решили не подвергать пыткам свою жертву.

Но это вовсе не значило, что казнь будет отменена. Смерть товарищей требовала отмщения. И вот, после недолгого совещания, самозванные судьи объявили Изгнаннику, что он будет расстрелян, а затем труп его повесят вниз головой на дереве в добычу хищным птицам.

У всех канадцев были ружья, и они решили сейчас же привести приговор в исполнение.

Обезумевшая от горя Анжела бросилась к своему отцу и обвила его руками, как живая цепь, твердо решившись не покидать его и разделить с ним его судьбу.

Угрозы убийц, просьбы и приказания осужденного, то умолявшего, то приказывавшего дочери оставить его и спасти свою собственную жизнь, не повели ни к чему.

— Нет, нет, отец, — повторяла она, задыхающимся от слез и рыданий голосом, — мы умрем вместе!.. вместе!..

Что же касается Изгнанника, — мы пока сохраним за ним это прозвище, — то он все так же гордо и смело смотрел на своих врагов, и ничто не обнаруживало в нем страха. Если же сердце его и разрывалось на части, то только потому, что он тревожился за участь дочери; он думал о том, что будет с нею, когда его не станет. Кто поддержит ее? Кто защитит ее? Скорбь за дочь буквально сводила его с ума, и он, со всем красноречием, на какое только был способен, уговаривал и умолял бедного ребенка оставить его и спастись самой, пока не поздно.

Тем временем, колонисты осмотрели свои ружья, а затем стали полукругом перед осужденным ими на смерть человеком.

Двое или трое из колонистов, самые свирепые и злые, вышли из круга и подошли к дереву с целью оттащить молодую девушку от отца.

Анжела, не произнося ни слова, молча сопротивлялась палачам, которые никак не могли оторвать ее от отца.

— Оставь меня, уходи, дорогое дитя! — кричал старик. — До свидания, там, на небе!

Ребенок отвечал только слезами и ласками и, извиваясь как змея,

отбивался, как умел, от колонистов.

Колонисты положительно обезумели под влиянием охватившей их жажды крови. Многим из них, кроме того, казалось, что такие, в сущности, пустяки, как казнь заведомого колдуна, и так отняли у них слишком много времени, и они торопились покончить все как можно скорее. И вот эти-то недовольные осыпали ядовитыми насмешками тех, которые не могли справиться с упорством и отчаянною смелостью слабой девушки.

При этом некоторые из них заметили, что если она мешает привести в исполнение приговор и желает разделить судьбу колдуна, то надо исполнить ее просьбу и убить и ее вместе с отцом.

Крик и шум, поднялся страшный.

Может быть, в конце концов, расвирепевшая толпа и привела бы в исполнение этот ужасный замысел, если бы неожиданное появление двух военных не изменило положения дел.

Граф де Виллье силой проложил себе путь к Изгнаннику и, став впереди его и дочери, загородил собою доступ к ним.

Колонисты, удивленные внезапным появлением офицера, отступили на несколько шагов. В ту же минуту подбежал Золотая Ветвь и с лихорадочной поспешностью принялся развязывать веревки, которыми Изгнанник был привязан к суковатому дереву, исполнявшему роль позорного столба.

При виде капитана у Анжелы снова явился голос, и с решимостью, которая дается только дочерней любовью, она бросилась к ногам его с жалобным рыданием.

— Спасите его, Луи! Спасите моего отца!

— Не бойтесь ничего, Анжела! Я ручаюсь вам за него, — отвечал уверенным тоном граф.

— Они знают друг друга! — прошептал старик, который, несмотря на все, что ему пришлось пережить в эти минуты, сохранил спокойствие, присущее только людям с сильной волей.

Между тем, офицер, устремив угрожающий взгляд на колонистов, испуганных и отступавших перед ярким огнем, горевшим в его глазах, сказал:

— Подлые разбойники! Кто вы такие?.. Дикае звери или дикари, что с такую яростью нападаете на старика и ребенка! Боже милостивый! Это превосходит пределы всякого вероятия, и у меня даже является желание сейчас же наказать вас за вашу подлость и жестокость.

Золотая Ветвь спокойно, как на смотре, держал ружье на караул, понимая мысль своего начальника и помогая ему своим хладнокровием.

— Прежде всего бросьте оружие! — приказал граф де Виллье.

Колонисты опустили головы, и несколько ружей упало к ногам отважного молодого человека. Вид французского мундира вызвал в них спасительный страх. Хмель выскочил у них из головы. Стыд, а вместе с ним и угрызение совести наполняли их сердца.

Это были невежественные люди, натуры грубые и суеверные и когда прошла первая вспышка гнева, они поняли свой безобразный поступок. Бездельники дрожали при одной мысли о том, что французское правосудие, скорый военный суд, может потребовать от них отчета в этом гнусном деянии.

Граф прекрасно понимал волновавшие их чувства. Он видел свою победу и решил немедленно извлечь из нее пользу.

— Золотая Ветвь, — сказал он солдату, все так же неподвижно стоявшему рядом с ним и готовому по первому знаку исполнить приказание своего офицера. — Золотая Ветвь, этих негодяев нужно отвести в форт Дюкэн. Зови сюда солдат!

— Слушаю, господин капитан, — отвечал вестовой, не сморгнув глазом и делая вид, что отправляется исполнять приказание.

Колонисты смущенно переглянулись. Многие из них по опыту знали, как скоро расправляется губернатор с преступниками в таких случаях. Они считали себя погибшими и дрожали от страха, как в лихорадке.

Но тут в судьбе их совершенно неожиданно принял участие Изгнанник; он жестом остановил Золотую Ветвь и, поддерживаемый под руку дочерью — так сильно повлияла на него только что выдержанная им борьба — медленными шагами приблизился к графу де Виллье.

По знаку капитана Золотая Ветвь вернулся на свое место.

Старик с величайшим благородством склонил голову перед молодым человеком и сказал ему:

— Милостивый государь, я обязан вам жизнью. Господь да благословит вас, но не за то, что вы сохранили мою жизнь (я уже довольно пожил), а за то, что вы сохранили мою жизнь для моей дочери, которую убила бы моя смерть! Но я умоляю вас, будьте великодушны до конца!

— Я вас слушаю, сударь.

— Дайте мне слово исполнить одну мою просьбу.

— Я ни в чем не могу вам отказать.

— Эти люди глубоко заблуждаются, и они сами не знали что творили. Они раскаиваются. Простите их, как и я прощаю им!

— Ваша просьба... — отвечал капитан, как бы не желая снизить к мольбе старика.

— Простите их! — шепнула ему на ухо и молодая девушка. — Простите, Луи! Я так счастлива!

— Умоляю вас исполнить мою просьбу, — продолжал Изгнанник, — во имя всемогущего Неба, направившего вас сюда для того, чтобы спасти меня и мое дитя!

Канадцы, видя, что за них вступился человек, которого они только что собирались убить, с плачем бросились на колени перед ним и офицером.

С минуту граф стоял молча.

Колонисты с умоляющими лицами ожидали своей участи. Наконец, граф приказал им подняться и, обратившись к Изгнаннику, сказал:

— Хорошо, милостивый государь, из уважения к вам и снисходя к вашей просьбе, я согласен позволить спокойно уйти этим людям. Но пусть только они убираются поскорее! Пусть уходят, но они должны знать, что спасением жизни они обязаны именно вам, а не кому иному. Пусть они вечно помнят о вашем великодушном поступке. Но, если только когда-нибудь, — прибавил он, с угрожающим видом поворачиваясь к колонистам, — если только когда-нибудь вы забудете это, то вас ждет немедленная и жестокая расправа за вашу неблагодарность!

Колонисты, довольные, что разделались так счастливо, спешили как можно скорее исполнить приказание офицера. Они забрали свое оружие и удалились, даже ни разу не оглянувшись назад, каждую секунду опасаясь, что из кустов выйдут солдаты, за которыми посылал офицер Золотую Ветвь.

Французы, старик и молодая девушка молча дожидались пока скроется последний из канадцев. Как только все они исчезли из виду, раздался веселый взрыв смеха — это хохотал Золотая Ветвь.

— Братцы солдаты, — кричал он весело, — опустите свои ружья!

Граф де Виллье хотел было остановить этот неуместный порыв веселости, но Изгнанник не дал ему времени исполнить это желание.

— Благодарю вас, сударь, — проговорил он, протягивая ему руку. — Вот моя рука. Уже более десяти лет, как я не протягивал ее человеку такому храброму, и, — прибавил он медленно... — такому честному, надеюсь.

Офицер взял руку и крепко пожал ее.

Старик вздохнул спокойнее, освободившись от странного подозрения, закравшегося к нему в душу при словах «Луи и Анжела», которыми обменялись молодые люди.

Последняя поблагодарила за это своего отца такой улыбкой и таким взглядом, которые во сто крат дороже заплатили ему за то, что он так сердечно отнесся к молодому человеку.

— Пойдем, отец, пойдем домой, — тихо проговорила молодая девушка.

— Пойдем.

— Вы слишком слабы и едва ли в состоянии дойти до дома, — сказал капитан после некоторого колебания.

Изгнанник печально улыбнулся. Он отлично понимал, какое чувство заставляло офицера предлагать ему свою помощь. Но, не желая дать понять капитану свои мысли, он отвечал:

— Совершенно верно, я живу довольно далеко отсюда и, кроме того, я был бы очень рад видеть вас у себя.

Анжела покраснела, как спелая вишня. Ее возлюбленный с трудом скрывал свою радость. Золотая Ветвь стал сквозь зубы насвистывать победный марш, в то время как маленький отряд медленно удалялся с поляны, чуть было не сделавшейся местом гнусного убийства.

Глава VIII. ЖИЛИЩЕ ИЗГНАННИКА

Граф Луи де Виллье, проводив Изгнанника и его дочь до дверей дома, возвращался в форт в самом радужном настроении, — его радовало главным образом то, что ему удалось заплатить долг Анжеле, так еще недавно спасшей ему жизнь.

Но в форте Дюкэн его ожидали плохие вести. Из Квебека прибыл курьер и в числе привезенной им с собою корреспонденции было письмо и к капитану де Виллье.

Письмо было от барона де Гриньи, друга детства графа. Барон сообщал, что графине де Малеваль очень скоро удалось открыть хитрость ее обольстителя, искавшего только предлог, чтобы расстаться с ней, освободиться от нее.

Вне себя от ярости за то, что ее так коварно покинул человек, ради которого она пожертвовала своим добрым именем, и раздраженная ироническими утешениями своих отринутых обожателей и насмешливыми улыбками женщин, к которым прежде она относилась так строго, она поклялась жестоко отомстить виновнику всего этого, то есть, графу де Виллье.

Ее самолюбие страдало столько же, может быть, даже еще больше, чем любовь. Она закрыла для всех двери своего дома и, живя одна в самом уединенном месте, в нескольких милях от Квебека, вырабатывала план мести. До сих пор еще никому не удавалось проникнуть к ней. Она скрылась в одном из своих имений, и все забыли о ней.

Барон де Гриньи серьезно советовал графу де Виллье держаться настороже.

Непримиримая ненависть к нему, в которой поклялась графиня де Малеваль, не остановится ни перед чем, писал барон, — а он достаточно успел изучить характер этой женщины и хорошо знает, на что способна она.

В конце письма он прибавлял, что в скором времени присоединится к своему другу: губернатор Новой Франции дает ему поручение к коменданту форта Дюкэна. По приезде барон обещал сообщить подробно все, что осталось недосказанным в письме, а равно и все, что удастся ему разузнать перед отъездом.

Молодой человек, читая это письмо, в сущности очень важное, все время пожимал плечами, а затем, дочитав письмо, вместо того чтобы

испугаться, облегченно вздохнул полной грудью. Ненависть графини вполне освобождала его от упреков прошлого. Чего ему было бояться ненависти женщины в таком месте, о котором графиня не имеет никакого понятия и куда ей нельзя будет проникнуть ни в каком случае. До тех пор, пока он не возвратится в Квебек, ее гнев не только успеет сто раз стихнуть, но даже и пройти совсем.

— А потом, — продолжал он, улыбаясь, — если обращать внимание на угрозы всех покинутых женщин, которые не желают примириться со своей участью, тогда лучше и не жить.

Кроме того, образ Анжелы стал между ним и воспоминанием о мстительной креолке.

Подумав еще несколько минут, он бросил на стол письмо барона де Гриньи и выкинул из головы мысль о графине.

Такой поступок графа де Виллье доказывал, что он совсем не знал женщин, в особенности тех из них, которые могли предъявлять на него какие-нибудь права. Но страсть слепа, а граф безумно любил дочь Изгнанника. При других условиях он, наверное, отлично понял бы характер этих очаровательных созданий с розовыми ноготками, магнетическими взглядами и пленительными улыбками. Он сумел бы оградить себя от этих Цирцей, нежная организация и экзальтированная натура которых одинаково опасны при проявлениях как злых, так и добрых намерений, которые за отвергнутую любовь очень часто идут даже на преступление и смерть.

Такое незнание или, лучше сказать, такая беззаботность могла иметь ужасные последствия для него. Он и не подозревал, какая гроза собиралась над ним и как близка эта гроза. Весь охваченный любовью, которая, по его мнению, была его первою любовью, граф де Виллье точно забыл о своем полном любовных приключений прошлом, презирая угрозы в будущем и живя только настоящим, казавшимся ему в таком радужном цвете. Благодаря неожиданной случайности, ему удалось, не преступая клятвы, взятой с него молодой девушкой, исполнить свое самое заветное желание. Он совершенно свободно встречался с ней у нее в доме на глазах отца и с полного согласия последнего.

После случайной и счастливой встречи в лесу старый Изгнанник и его дочь дошли с графом де Виллье и его верным вестовым Золотой Ветвью до дверей дома. Здесь, вежливо поклонившись молодому человеку, Изгнанник на минуту удержал протянутую ему руку в своей. Затем он несколько минут с каким-то странным упорством пристально и молча смотрел прямо в глаза молодому человеку и, наконец, сказал:

— Еще последняя просьба, милостивый государь?

— Я весь к вашим услугам, — отвечал Луи де Виллье, твердо решившись сделать с своей стороны все, чтобы заслужить расположение и дружбу отца той, которую он обожал.

— Я очень прошу вас сказать мне имя человека, которому я обязан больше чем жизнью, — прибавил старик.

— Мое имя Луи Кулон де Виллье. Изгнанник вздрогнул. Между тем, его собеседник продолжал:

— Я — капитан морского королевского полка и в настоящее время состою на службе в гарнизоне форта Дюкэна.

— Граф де Виллье! — прошептал отец Анжелы.

— Граф де Виллье, да, милостивый государь, — отвечал молодой человек, удивившись что его назвали графом, хотя сам он случайно и не упомянул об этом, — но вы плачете, сударь!

Изгнанник украдкой вытер две крупные слезы, выкатившиеся из его глаз, поднятых к небу с выражением невыразимого счастья. Затем, быстро овладев собою, он продолжал:

— Господин граф, вот мое скромное жилище. Если рассказы обо мне невежественных колонистов не пугают вас, если вы не отринете дружбы и признательности человека, никогда никого не оскорбившего и умышленно не делавшего никому зла, приходите, как только вам представится возможность, как можно чаще, посидеть у моего очага. Моя дочь и я, мы всегда будем очень счастливы видеть вас у себя.

Молодой человек, в свою очередь, поклонился в знак благодарности и удалился, чуть не прыгая от радости. Золотая Ветвь шел за ним, философски рассуждая о превратностях мира сего и ослеплении отцов, не знающих и не замечающих, что их дочери влюблены. Таким образом, незаметно дошли они до форта Дюкэна, где графа де Виллье ждало письмо от барона де Гриньи.

На другой день молодой человек поспешил сделать визит отшельнику. Затем он стал бывать очень часто. Радушно встречаемый хозяевами одинокого жилища, он так привык к этим посещениям, что его ноги, даже без посредства его воли, как бы сами собой направлялись в эту сторону. Золотая Ветвь только в редких случаях сопровождал его.

«Кажется, я стесняю капитана», — решил про себя добрый мальй, и никогда даже не спрашивал графа де Виллье об Изгнаннике и об Анжеле.

Нечего прибавлять, что и отец и дочь встречали офицера всегда с выражением неподдельной радости, и при этом молодой человек и молодая девушка пользовались в присутствии старика такую же свободой, как и

тогда, когда они встречались одни в лесу и, благодаря этому, нисколько не сожалели об этих свиданиях, покровительствуемых Небом.

— Когда вас нет, Луи, — говорила ему Анжела своим проникавшим ему прямо в сердце голосом, — мне кажется, что солнце перестало освещать наш дом.

Изгнанник, в первый раз отказавшийся от своей привычки к одиночеству, видимо, считал молодого человека как бы членом своей семьи. Он сочувственно смотрел на зарождающуюся любовь молодых людей. Он давал им полную свободу и уходил из дому, не думая о том, что оставлял их одних; иногда ему случалось проводить вне дома в лесу часа по два, по три и, возвращаясь домой, он заставлял их все так же мирно беседовавших, как и перед его уходом, и это, по-видимому, не только не удивляло его, но даже доставляло какое-то особенное удовольствие.

Кроме того наслаждения, которое граф де Виллье находил в разговорах с Анжелой, — причем любовь его росла не по дням, а по часам, — молодого человека все сильнее и сильнее интересовал и таинственный старик. Для него так же, как и для всех остальных, он пока оставался Изгнанником.

Графа де Виллье возмущало невежество и суеверие канадцев, благодаря которому почтенный и безобидный старик чуть было не сделался жертвой преступления со стороны людей, которым он, в сущности, не причинил никакого зла; но при этом ему все-таки иногда приходило в голову, что, может быть, отец Анжелы несет эту кару в возмездие за совершенное им преступление или какой-нибудь бесчестный поступок. Но в такие минуты ему стоило только бросить хоть один взгляд на открытое честное лицо старика и поймать затем невинную улыбку любимой им молодой девушки — и все сомнения сейчас же рассеивались как дым. Постепенно исчезли и все эти подозрения или, правильнее сказать, сомнения, и оба мужчины с полным доверием относились друг к другу.

Беседуя со стариком очень часто и подолгу, граф де Виллье имел возможность заметить и по достоинству оценить обширные знания, развитой ум и меткость суждения ненавидимого всеми старика, который, как казалось графу, был даже не в состоянии причинить кому-либо зло. При этом его очень интересовала тайна, скрывавшая прошлое хозяина таинственного домика в лесу. Он сознавал превосходство этой сильной, энергичной, высокомерной натуры, которая с высоко поднятой головой принимала незаслуженное унижение.

На угрозы озверевших колонистов Изгнанник отвечал молчаливым презрением. Ни жалобы, ни ропота никогда не срывалось с его уст. Он

снисходительно относился к своим невежественным врагам, а если иногда и обращал на них внимание, то только для того, чтобы оказать им услугу, причем ни один из них никогда не знал имени благодетеля.

Граф де Виллье совершенно справедливо говорил себе:

«Этот странный человек не всегда жил в лесу и видел лучшие дни. Не может быть, чтобы он с детства вел жизнь лесного бродяги...» В нем слишком часто сказывалось аристократическое происхождение. Его манеры невольно выдавали в нем знатного господина. В Европе или в Америке, но он должен был некогда играть видную роль и занимать высокий пост. Эти мысли до такой степени овладели умом капитана, что он стал считать их несомненными.

Все это еще больше подстрекало любопытство молодого человека, и он не раз делал попытки осторожно проникнуть в тайну, окутывавшую прошлые годы отца молодой канадки. Но все его усилия вызвать отца Анжелы на откровенность не привели ровно ни к чему. Старик, всегда так оригинально и интересно рассуждавший о всевозможных вещах, не касавшихся его прошлого, отлично умел свернуть разговор на другое, когда молодой человек затрагивал вопросы, на которые он не хотел отвечать.

Это, в конце концов, могло вывести из себя даже святого. Поэтому-то и возлюбленный Анжелы страшно злился за то, что ему не удалось ни на волос продвинуться вперед в разрешении интересующих его вопросов. Загадка так и осталась для него неразъясненной.

После целого месяца неустанных расспросов, производившихся самым дипломатическим путем, он так же мало знал о настоящем имени и прошлом своего хозяина, как и в первый день встречи.

В одно прекрасное утро граф де Виллье пришел в хижину раньше обыкновенного. Он явился с охоты в лесу. Граф принес великолепного тетерева. Изгнанник, занятый чисткой своего ружья, принял птицу с благодарностью.

— Вот это избавит меня от труда заботиться о завтраке, — добавил он. — Анжела, поди приготовь дичь, — надеюсь, что вы не откажетесь попробовать ее. Вы ведь, наверное, тоже не успели сегодня позавтракать?

— Завтракал я сегодня, Анжела? — спросил шутливо молодой человек.

— Вам, наверное, и не пришло в голову подумать об этом, — отвечала молодая девушка в том же тоне.

— Святая истина.

— Итак, вы принимаете мое предложение?

— От всего сердца и с величайшим аппетитом.

— Потерпите немного: самое большое через полчаса мы сядем за стол. Не правда ли, дочка?

— Да, отец, — отвечала Анжела, принимаясь в то же время за исполнение своих обязанностей хорошей хозяйки.

— Не позволите ли вы мне помочь вам? — сказал офицер, подходя к дочери Изгнанника, начавшей уже ощипывать тетерева.

Она засмеялась и убежала.

— Сознаться, что вы вполне заслужили этот презрительный ответ, — сказал отец.

— Каков отец, такова и дочка, — возразил тонко граф де Виллье.

Старик сделал вид, что не понял насмешки молодого человека.

— Что новенького в форте? — спросил он.

— Ничего, насколько мне известно.

— Как! Вы не получали никаких известий?

— Никаких.

— Странно, — заметил охотник с некоторым ударением, удивившим офицера.

— Почему?

— Да... так.

— Вы почему-то не хотите сказать мне? У старика одну минуту на самом деле был смущенный вид, но он возразил с живостью.

— Вовсе нет. Мой вопрос сильно удивил вас, но в колонии все идет плохо... и невольно держишься всегда настороже.

— Это отчасти справедливо, но зло в небольших размерах существует везде и бороться с ним очень трудно. Отец Анжелы молча печально покачал головою.

— Сколько времени живете вы в форте Дюкэне, капитан?

— Больше двух месяцев.

— Перед этим вы провели несколько месяцев в Квебеке?

— Да.

— И вы ничего не знаете о том, что здесь происходит?

— Очень мало, и я был бы очень рад пополнить скудный запас моих сведений. Сказать вам правду, все, что я вижу здесь, мне представляется в очень печальном свете.

— Да, это правда, — отвечал старый охотник с горечью, — а между тем, это самая богатейшая страна Новой Франции. Из нее можно было бы сделать великолепную колонию.

— А кто виноват, что она находится в таком плачевном состоянии?

— Все мы понемножку, — отвечал сухо старик.

— Я не понимаю вас.

— Так и должно быть; но я в нескольких словах расскажу вам всю суть дела. Кроме того, вам нелишне все это знать еще и потому, что вам предстоит провести довольно продолжительное время в этой стране.

— Я буду вам очень благодарен, если вы хоть немного откроете мне глаза. Вы все это должны знать гораздо лучше, чем кто-либо другой, благодаря тому, что, наверное, уже многие годы живете в колонии.

Двусмысленная улыбка скользнула по губам старика при этом прямом вопросе.

— О! — продолжал он равнодушно, — первый встречный мог бы рассказать вам ровно столько же, сколько и я... ну, да не в том дело, выслушайте меня, прошу вас.

Капитан с гораздо большим удовольствием предпочел бы разговаривать с молодой девушкой, которая вошла в эту минуту в комнату и принялась накрывать на стол. Но Изгнанник затронул слишком серьезный и интересный для него вопрос и он не только покорно, но даже с величайшим вниманием стал слушать объяснение своего более опытного собеседника.

— Вы затронули очень серьезный вопрос, граф, и такой несчастный, как я, человек, исключенный, так сказать, из общества, не имеет, собственно говоря, права рассуждать об этом, — отвечал он печально. — Но тем не менее я постараюсь исполнить ваше желание. Прежде всего я должен сказать вам, что в Канаде, во всех слоях, составляющих ее население, вы найдете ту же развращенность нравов, ту же жадность и ту же порочность...

— Что такое? Да неужели же все это процветает даже и в этой несчастной стране?

— Милостивый государь, мы идем по скользкому пути и стремимся к упадку, все это, к несчастью, слишком очевидно. Поверьте мне, не пройдет и десяти лет, как эта богатейшая колония, названная Новой Францией, за которую мы пролили столько драгоценной французской крови, не будет принадлежать нам и вся целиком перейдет в руки англичан.

— Наши враги, правда, могущественны; они уже давно льстятся на наши владения и с упрямством, свойственным их нации, неумолимо продолжают вытеснять нас отсюда, но...

— Да, англичане упрямы. Их не останавливает неудавшаяся попытка, и они возобновляют ее при первой возможности; но если бы нам приходилось сражаться только с одними ими, им никогда не удалось бы победить нас. Наши самые опасные враги здесь — посреди нас.

— Я вас не понимаю! Что вы хотите этим сказать?

— Прежде всего: кто едет к нам сюда в качестве колонистов? Развращенные мужчины и легкого поведения женщины — по большей части. Во главе управления колонией стоят люди, разорившиеся в Европе благодаря невоздержанной жизни и явившиеся сюда для поправления своего состояния, как они выражаются сами, и для достижения этого результата они пользуются всевозможными средствами: они берут деньги от кого попало, нисколько не заботясь о способе их добывания, — они приносят все в жертву своей алчности.

— Картина, нарисованная вами, так печальна, что я... право, мне кажется, что вы немного сгустили краски. Изгнанник в ответ разразился хохотом.

— Здесь есть и честные люди, — сказал он затем, — но всех их можно счесть по пальцам. Маркиз Дюкэн де Мэнневиль — аристократ старинного рода, чрезвычайно развитой, пользующийся уважением во всех слоях общества и искренне желающий делать добро. А что он сделал со времени своего приезда? Ровно ничего.

— Как! Ничего?

— Ничего, повторяю вам еще раз: все его реформы не принесли никакой существенной пользы. Он, впрочем, и не мог поступить иначе, — вскоре вы и сами убедитесь в этом. Для того, чтобы добиться настоящего результата, прежде всего нужно бы арестовать всю администрацию колонии, предать суду и повесить. Губернатор не имеет ни власти, ни желанья сделать это, потому что он, несмотря на свое высокое положение, находится в руках этих администраторов, имеющих могущественных покровителей в Версале, и умно составленный донос не только лишил бы его места губернатора, но разбил бы еще и его карьеру и навсегда уничтожил бы его кредит при дворе.

Лицо капитана нахмурилось.

— Скажите пожалуйста, каким это образом вы, проведя всю свою жизнь в лесах, так хорошо знаете то, о чем я до сих пор не имел ни малейшего понятия?

— А! — возразил на это Изгнанник, и в голосе его слышалась ирония, — это потому, что мы, жители лесов, интересуемся этим гораздо больше вас. Мы живем, так сказать, между молотом и наковальней: нас грабят со всех сторон под самыми пустыми предлогами то одни, то другие, и при этом мы не смеем ни на кого жаловаться.

— Вы так хорошо знаете все это, что мне остается только слушать и я прошу вас продолжать. Вы откроете мне глаза и этим окажете мне истинное благодеяние, и, может быть, благодаря тому влиянию, которым я

пользуюсь у губернатора, мне удастся раскрыть ему глаза и принести известную пользу колонистам.

Старик с горькою улыбкой покачал головою.

— Слишком поздно, милостивый государь, — пробормотал он. — Зло пустило слишком глубокие корни для того, чтобы можно было найти целительное средство; но раз вы желаете узнать все, я буду продолжать.

— Благодарю вас за эту любезность.

— Зло, о котором я вам говорил, существует уже давно. Оно началось при самом основании колонии. Вот как это произошло. Когда первые французы поселились в этой стране, они нашли ее девственной в полном смысле слова. Здесь обитали только охотничьи индейские племена, правда, воинственные и больше всего на свете любящие свободу, но с ними сравнительно очень скоро удалось прийти к соглашению. Колонисты заключили союзы, которые обеспечивали спокойствие новому населению. Администрации по справедливости следовало бы предоставить каждому колонисту свободу выбирать самому для себя место жительства и селиться там, где ему больше нравится; благодаря Богу, земли в то время было вдоволь. Но, вместо этого, начальство почему-то потребовало, чтобы все селились в одном месте. Одним словом, основали город. Затем точно так же основали второй городок, за ним третий и т. д. Словом, в новой колонии жители прежде всего обратились в горожан-ремесленников, которые буквально умирали с голоду, потому что не было сельского населения, не было фермеров-землепашцев. Но это было еще не все. Правительство разделило Новую Францию, еще необработанную и почти пустынную, на герцогства, графства и поместья и великодушно наделило ими толпу придворных, которым и в голову никогда не приходило переезжать через океан и которые посылали сюда управляющих с поручением блюсти их интересы. А эти управляющие — голь, без копейки денег — заботились только об одном: разбогатеть во что бы то ни стало. Результатом таких забот оказалось, что бедность только еще больше увеличилась и, несмотря на все усилия и самопожертвования некоторых отдельных личностей, она дошла, наконец, и притом в весьма короткий промежуток, до того состояния, в каком находится и теперь.

— Но что же нужно сделать для того, чтобы исправить причиненное зло? — спросил капитан, на которого, видимо, произвела сильное впечатление мрачная картина, нарисованная рассказчиком.

— Повторяю вам, теперь слишком поздно, граф... Впрочем, может быть, еще и удалось бы сделать что-нибудь, но для этого нужно действовать решительно.

— То есть?

— Прежде всего освободить колонии от этих пиявок — управляющих, сделать землю свободной и, отняв пожалованные поместья, предоставить каждому свободно эксплуатировать занятый им участок.

— Гм! — сказал молодой человек, — это слишком сильное средство.

— В этом случае мы последовали бы только примеру наших соседей англичан. Кроме того, нужно очистить страну от являющейся из Европы толпы негодяев, которые не в состоянии научить ничему доброму колонистов, а могут только привить им свои пороки.

— Но, вы требуете гораздо больше, чем реформы, сударь; вы требуете целого переворота.

— Я это знаю, капитан, и потому я уже и решил давно, что это невозможно.

— Но, мне кажется, что не все присланные сюда колонисты такие испорченные люди, какими вы их считаете. Вы забываете, что, после заключения первого мира с ирокезами, офицерам кариньянского полка, — а все они народ, без сомнения, честный и храбрый, — предложено было, если желают, выйти в отставку, с условием поселиться в колонии.

Облако грусти прошло по внезапно побледневшему лицу Изгнанника.

— Да, это правда, капитан, — отвечал он взволнованным голосом, — многим из них были отведены даже целые поместья, а так как большинство из них были дворяне, то в настоящее время в одной только Новой Франции гораздо больше дворянских семей, чем во всех остальных колониях вместе взятых.

— А вы не знаете, где теперь эти офицеры и солдаты?

— Они рассеялись, — проговорил старик удушливым голосом, — и поселились на всем протяжении территории. Многие из них углубились в девственные леса, где они занялись расчисткой земли под пашню. Женились на индианках, сделались охотниками и, мало-помалу, слились с туземцами. Потомки этих переселенцев получили прозвище «горелых деревьев» за очень темный цвет кожи, происшедший вследствие скрещения белых с индейцами.

— Может быть, и вы — один из потомков этих «горелых деревьев», сударь?

— Кто знает? — отвечал тот с принужденной улыбкой.

— Одна мысль, одно воспоминание мучило меня постоянно, — прошептал молодой человек.

— Какое воспоминание?

— Один из наших родственников служил в кариньянском полку.

— Ах! — вскричал старик, вскакивая так быстро, как будто пуля попала ему в сердце. — А вот и завтрак готов, — отрывисто прибавил он, поворачивая голову.

— Вы, наверное, тоже будете завтракать с нами? — спросил граф де Виллье, сильно удивленный этим странным изменением в голосе и в манерах своего хозяина.

— Нет, господин граф, — это невозможно. Офицер хотел было настаивать, но взгляд Анжелы замкнул ему уста.

— Вы извините меня, — продолжал отец, — меня заставляет вас покинуть одно непредвиденное дело... У меня назначено свидание, на которое я не могу не явиться... Это путешественники, которым я обещал быть проводником.

— Не церемоньтесь, пожалуйста, любезный хозяин, — сказал капитан, от внимания которого не ускользнуло, что старый охотник просто искал предлога уйти из дому.

— Благодарю вас, капитан. Я вас оставлю с моею дочерью. Она постарается сделать для вас незаметным мое отсутствие, — прибавил он, улыбаясь.

— Я постараюсь, отец, — сказала она просто.

— Капитан, — продолжал Изгнанник, пожимая ему руку, — помните, что я предан вам душой и телом.

— Я верю этому.

— Если когда-нибудь вы будете нуждаться в моей помощи, рассчитывайте на меня.

— Я вполне верю вам.

Старик поцеловал дочь и направился к двери. Он уже готов был перешагнуть порог, но раздумал и медленно повернул назад.

— Господин граф, вы давно не получали известия о вашем брате? — спросил он.

— Да. Но почему вы предлагаете мне подобный вопрос, сударь?

— Вы давно не видели его? — продолжал старик, не обращая внимания на вопрос капитана.

— Я не видел еще брата с самого прибытия моего в Америку, — сказал граф. — Когда я покинул Квебек, я думал застать его в форте Дюкэне, но утром, в день моего приезда, он выступил из форта по поручению губернатора, при котором он состоял в качестве адъютанта.

— Ему дано было поручение к англичанам?

— Да! Бедный брат! Как он должен жалеть, что не мог отложить своего выступления хотя бы на несколько часов, чтобы увидеться со мною.

— А с тех пор?

— Я с нетерпением ожидаю его возвращения.

— В наших лесах лучше иметь дело с краснокожими и даже дикими зверями, чем с англичанами, — проговорил Изгнанник с горечью.

— Что хотите вы этим сказать?

— Побольше мужества, господин де Виллье, побольше мужества! — отвечал Изгнанник глухим голосом. Затем, повернувшись спиной к молодому человеку, удивленному этими загадочными словами, он быстро вышел из дому.

Глава IX. ВЕСТНИК

Оставшись одни, молодые люди некоторое время стояли неподвижно на своих местах. И ничем не вызванный уход и, наконец, эти слова, произнесенные таким печальным тоном, — все это не могло остаться ими незамеченным и не удивить их. Луи де Виллье почувствовал, что мужество оставляет его. Предчувствие какого-то близкого несчастья подавляло его, и у него болезненно сжималось сердце. В первую минуту он хотел было броситься вслед за отцом Анжелы, догнать его и потребовать от него объяснения странных слов, сказанных им на прощанье. Но присутствие молодой девушки удержало его. Она с трогательным беспокойством смотрела на него. Она чувствовала, что он страдает и страдала вместе с ним.

Граф сделал над собою страшное усилие и сказал ей:

— Анжела, вы ведь ничего не знаете, не правда ли? На это она торопливо ответила ему:

— Ровно ничего! ничего такого, что могло бы вас огорчить или испугать.

— Ваш отец не только заставил меня призадуматься, но даже испугал меня.

— Почему вы вдруг так сильно взволновались, дорогой Луи? Мой отец высказывал ведь только одно предположение.

— Может быть, он не хотел сразу огорчить меня и рассказать все, что ему известно о несчастье, случившемся с моим братом, и он ограничился тем, что приготовил меня к этому.

— Какое несчастье? Что дало вам повод думать это? Вы скоро увидите своего брата, друг мой.

— Дай-то Бог! Но последние слова вашего отца прозвучали в моих ушах, как звон погребального колокола.

— Бог милостив! Надейтесь!

— Вы советуете мне надеяться, Анжела! А ваш отец крикнул мне: мужайтесь. Почему же меня покинуло вдруг мужество? Почему теперь я утратил надежду?

— Значит, вы очень любите вашего брата? — спросила она с легким волнением в голосе, которого не заметил капитан, всецело отдавшийся своим мрачным мыслям.

— Как никого на свете! — отвечал граф.

И затем, давая волю охватившему его чувству, добавил:

— Бедный Жюмонвиль! Такой красивый, храбрый, честный! Для меня он был не только брат, но и друг в одно и то же время.

Сам того не сознавая, брат графа де Жюмонвиля говорил о нем, как об умершем, и как бы произносил над его могилой надгробное слово.

Молодая девушка заметила это и, желая отвлечь его от мрачных мыслей, сказала своим нежным голосом:

— Луи!

— Анжела! — повторил капитан, стараясь стряхнуть с себя оцепенение и невольную тоску. — Что такое с вами, скажите мне?

— Неужели любовь в этом и состоит?

— Да, дорогое дитя, именно в этом. Любовь, какая бы она ни была, состоит из радостей и горестей, наслаждений и труда, отчаяния и надежды.

— И все-таки несчастный человек тот, кому не придется узнать ни этих радостей, ни этих страданий!

— Да, это правда, Анжела, — сказал нежно офицер.

— Дорогой мой Луи, в таком случае, я очень люблю тебя, потому что я то же чувствую и вполне разделяю все твои опасения.

— Ты меня любишь, Анжела? — вскричал страстно молодой человек.

— Пресвятая Дева! Мы в первый раз говорим друг другу «ты».

— А я и не заметил этого, я дал волю своему сердцу.

— При виде вашего горя я просто потеряла голову... у меня даже сердце перестало биться.

— Правда?

— Да! Я отдала бы все на свете, чтобы вернуть тебе... — тут она на минуту запнулась, и в то время, как он целовал ее руки, продолжала: — чтобы вернуть вам хоть каплю надежды. Мое бессилие приводит меня в отчаяние.

— Чудный ангел!

И он с восторгом внимал ей.

Она продолжала:

— Не правда ли, мой отец — самый лучший из людей? И как должны быть дурны те, которые не любят его? Он и оставил-то нас одних только потому, что знал, что тебе необходимо утешение.

— Не говори так, Анжела, не напоминай мне, что мой брат подвергается опасности, которую я подозреваю и которую я предчувствую, хотя и не знаю, в чем она заключается. Дай мне смотреть только на тебя, читать в твоих глазах надежду на наше будущее счастье. Может быть, мне удастся хотя бы на минуту забыть волнующее меня опасение. О! Теперь я

люблю в первый раз и люблю всем сердцем!

— А я в первый и в последний раз, — прошептала юная дочь Изгнанника, приложив обе руки к сердцу. — Я хотела бы всегда жить так с тобою, видеть тебя!

Упоение их было чисто и целомудренно. Ни одна преступная мысль не приходила на ум этому Дон-Жуану, пресыщенному гуляке Версаля. Заслышав быстрые шаги и полагая, что это вернулся Изгнанник, граф приблизился к Анжеле и, целуя ее в лоб, сказал взволнованным голосом.

— Анжела, с этого момента мы с тобою жених и невеста. Ты точно так же принадлежишь мне, как и я тебе. Отныне никакая человеческая власть не сможет разъединить нас. Как только вернется твой отец, я попрошу у него твоей руки.

Из груди дочери Изгнанника вырвался безумный крик радости, а затем, вспыхнув, как зарево, с лицом, залитым слезами, она бросилась в комнату, смежную с общею залой. Встревоженный капитан сделал движение, как бы желая последовать за нею; в эту минуту кто-то постучался в дверь снаружи. Граф остановился и, бросив последний взгляд в ту сторону, куда удалилась молодая девушка, сказал:

— Войдите.

Дверь отворилась. Два человека появились на пороге. Первый был канадский охотник, второй — краснокожий. Истрепавшаяся, запачканная грязью и сильно изорванная одежда указывала на то, что они сделали длинный путь.

— Какая бы причина ни привела вас сюда, — сказал капитан, — я приветствую вас, как желанных гостей. Если вы устали — садитесь отдохнуть, если вы голодны — на этом столе стоит пища. Если вы хотите пить — вот вода. Садитесь, пейте и кушайте.

Канадский охотник наклонил голову в знак благодарности и сделал несколько шагов вперед.

— Мы устали, — отвечал он мрачным голосом, — но для нас еще не пробил час отдыха. Как бы ни велики были наши голод и жажда, мы поклялись не отдыхать и не пить и не есть до тех пор, пока не исполним обязательства, взятого нам» на себя.

— Делайте, как хотите, вы — полные хозяева в этом доме. Я не имею права противоречить вам в чем-либо: если вы не желаете разговаривать, я не стану вас ни о чем спрашивать.

— Наоборот, спрашивайте, милостивый государь, и мы будем отвечать вам, потому что, именно вас-то мы и ищем.

— Меня? — проговорил граф с удивлением.

— Да, именно вас.

— Вы меня не знаете?

— Может быть, милостивый государь. Но, повторяю вам еще раз, мы ищем вас. У нас есть дело только к вам одному.

— Как все это странно, — прошептал капитан. — Кто же вы такие, и почему вы так уверенно говорите со мною о вашем деле?

— Я имею честь говорить с графом Луи Кулон де Виллье, не правда ли? — спросил суровым голосом канадец, не отвечая на предложенный ему вопрос.

— Да. Я — граф Луи Кулон де Виллье, — отвечал молодой человек, — но раз вы так хорошо знаете меня, я тоже должен знать, кто вы такие?

— Если вы этого желаете, капитан.

— Я вас слушаю, сударь, — сказал нетерпеливо офицер.

— Я — Пьер Жан-Батист Бержэ, — отвечал охотник. — Это — Тонкий Слух, вождь гуронов волков. Мы оба сопровождали графа де Жюмонвиля.

— Моего брата! — вскричал молодой человек.

— Да, господин граф, вашего брата, — подтвердил охотник, печально опустив голову.

— Наконец-то, — продолжал весело граф, — я узнаю кое-что о моем брате! Я очень рад вас видеть! Рассказывайте же, я вас слушаю!

— То, что мы должны рассказать вам, вы должны выслушать не здесь.

— Где же в таком случае?

— Пойдемте с нами, капитан, и вы это узнаете на месте.

— Куда хотите вы меня вести?

— К вашему брату.

— Почему же не пришел он сам вместе с вами? Что могло задержать его?

— В настоящее время, я не могу ответить вам на это. Следуйте за мной.

— Конечно, я пойду с вами... Теперь я припоминаю, что уже не раз слышал о вас от брата, как о преданном друге.

— Преданном до смерти; да, капитан, — сказал глухим голосом канадец.

Молодой человек задрожал.

— Вы пугаете меня, — произнес он. — Скажите мне лучше сразу! Я — мужчина, я вынесу! Мой брат ранен?

— Через несколько минут вы увидите его, капитан. Тогда вы узнаете все.

— Но я прошу у вас только одну минуту времени, чтобы проститься с

хозяйкой дома.

— Прощайтесь, только поскорее.

— Я иду...

Но прежде, чем граф де Виллье успел окончить фразу, дверь комнаты, куда скрылась молодая девушка, полуоткрылась и тихий голос проговорил:

— Идите с этими людьми, мой возлюбленный Луи.

— Вы подождете меня?

— Да, и в ваше отсутствие я буду молиться за вас.

— Молодая девушка, — сказал медленно канадский охотник, — после молитвы за живых, не забудьте помолиться и об умерших.

— Об умерших? — вскричала она с ужасом.

— Да.

— Что это значит?! — спросил граф де Виллье, повернувшись к Бержэ, сказавшему эти слова.

Бержэ не отвечал

Анжела избавила его от необходимости отвечать на вопрос офицера, повторив последнему:

— Идите! Идите!

— Хорошо, — сказал граф, — идем, друзья, я следую за вами. И, обернувшись ко все еще полуоткрытой двери, он крикнул молодой девушке:

— Благодарю тебя, Анжела, благодарю тебя, дорогая! До свидания, я скоро вернусь вместе с моим братом, который вскоре станет и твоим

В ответ ему послышался вздох, и дверь затворилась.

Глава X. ДВА БРАТА

Вскоре трое мужчин были уже далеко от хижины Изгнанника. В маленькой гавани, у самого берега, они нашли привязанную легкую пирогу.

— Вот наша дорога, — сказал охотник, указывая на реку.

— Не все ли это нам равно? — возразил на это капитан, — только бы поскорей добраться.

— Мы всегда приедем вовремя, — заметил Бержэ, отводя глаза в сторону.

— Вы уверены, что брат будет ждать нас?

— Да Он будет ждать.

— Через сколько времени мы приедем?

— Меньше, чем через час.

— Хорошо, едем

Граф вскочил в пирогу. Канадец и краснокожий последовали за ним, схватили весла, и легкая пирога быстро поплыла по течению. Не прошло и двадцати минут, как она вошла уже в Аллегану, где течение было несравненно быстрее. Капитан сидел молча, скрестив руки на груди и опустив голову, — он глубоко задумался. Мало-помалу всего его охватило невыразимое чувство грусти; поведение сопровождавших его людей, казалось ему больше, чем странным; их упорное молчание, причины которого он не понимал, не могло сулить ему ничего хорошего.

Если его брат болен или ранен, почему бы не сказать ему об этом теперь же, вместо того, чтобы оставлять его в неведении, так как это не только не успокаивало его, а напротив, заставляло сильнее тревожиться. Два или три раза он пытался было заговоривать с ними об этом, но они только молча и печально покачивали головами, видимо, не желая отвечать.

Хотя Бержэ и сказал графу де Виллье, что меньше чем через час он увидит брата, но прошло гораздо больше времени, прежде чем пирога пристала к берегу

За все это время офицер один только раз, не в силах далее сдерживать вполне понятного волнения, обратился к ним с вопросом: как далеко они еще от того места, куда едут? Тонкий Слух промолчал и на этот раз. Зато Бержэ отвечал на его вопрос:

— Увы! Мы скоро приедем!

Этот ответ заставил вздрогнуть графа, и он почувствовал, как у него сжалось сердце.

Наконец, пирога свернула в сторону, к правому берегу, и вскоре нос ее уткнулся в песок; все трое выскочили на берег. Индейский вождь вытащил лодку из воды и спрятал ее в дупле дерева.

— Идем, — сказал Бержэ.

Вслед за тем они углубились в лес. Шли они медленно, точно разбитые усталостью. Оба охотника, видимо, вовсе не спешили к тому месту, где должно было состояться свидание братьев. Молодой человек с трудом сдерживал себя и ему так и хотелось крикнуть им: «скорей!»

Наконец, они вышли на большую поляну. Все остановились.

— Здесь, — проговорил Бержэ, обнажая голову.

— Здесь? — машинально повторил капитан, изумленно оглядываясь кругом.

— Да, — отвечал охотник, — на этой поляне.

— Но, — заметил после некоторого раздумья молодой человек, — здесь, если я не ошибаюсь, нет никого, кроме нас?

— Это потому, капитан, — отвечал с печальной улыбкой канадец, — что вы ищете на земле, вместо того, чтобы искать в земле.

— Господи! — вскричал граф, пошатнувшись, — мой брат!..

— Был убит на этом самом месте.

— О, я несчастный! — вскричал молодой человек, схватившись за голову и разражаясь рыданиями.

Прошло несколько минут.

Двое лесных бродяг молча стояли возле этого сломленного горем мужественного и храброго офицера, рыдавшего, как слабая женщина, как ребенок.

Вдруг граф де Виллье поднял голову и с бледным лицом и неподвижно устремленными вперед глазами направился к небольшому возвышению, находившемуся среди поляны.

— Вы здесь схоронили его, не правда ли? — спросил он.

— Да, — отвечал глухо охотник.

Капитан упал на колени и стал молиться. Молился он долго и с раздирающими душу рыданиями. Бержэ тоже молился, стоя на коленях рядом с ним. Индейский вождь, несмотря на бесстрашие, свойственное его расе, стоял позади двух бледнолицых, печально опустив голову, и глядел на них с выражением сострадания. Наконец, капитан поднялся. Он вытер слезы и с силой сжал руку канадца.

— Теперь, — проговорил он коротким и прерывающимся от отчаяния голосом, — теперь, так как вы присутствовали при его смерти, расскажите мне, как и кем он был убит, чтобы я знал убийц и мог отомстить за него.

— Вы говорите правду, капитан, — отвечал охотник. — Ваш брат был действительно убит, и притом убит изменнически.

— Говорите, друг мой, говорите, я слушаю вас и уверен, что раз вы привели меня сюда, то только потому, что находили нужным именно на его могиле рассказать мне о его смерти. Поэтому скажите мне все. Я хочу до мельчайших подробностей знать, кто и каким образом убил моего брата.

— Выслушайте же меня, капитан, и я расскажу вам, как все было.

— Сядем возле могилы, — сказал капитан. — Мой брат невидимо будет присутствовать при нашем разговоре, и я надеюсь, что он внушит мне, что я должен делать, чтобы по заслугам отомстить его убийцам.

Затем Бержэ начал свой рассказ и, не упуская ни одной подробности, сообщил все, свидетелем чего ему пришлось быть. Рассказ был длинен и несколько раз прерывался рыданиями и то гневными, то горестными восклицаниями молодого человека.

Солнце давно уже село. Наступила глубокая ночь, но ни один из троих людей, по-видимому, даже и не заметил, как свет сменился тьмою. Бержэ все еще рассказывал, а двое остальных все с возрастающим вниманием слушали его рассказ. Наконец, он остановился.

— Благодарю вас, — сказал молодой человек, пожимая руку охотника. — Благодарю вас за такой подробный и правдивый рассказ; вам нечего бояться, что я забуду имена убийц моего брата. Они навсегда запечатлелись в моем сердце; виноваты, конечно, начальники, солдаты же только повиновались... Уард и Георг Вашингтон! Когда-нибудь мы встретимся друг с другом, и тогда...

Он не закончил своей фразы и замолчал.

— Капитан, — сказал Бержэ, — я всей душой был предан вашему брату и теперь предлагаю и вам свои услуги.

— Благодарю вас, я согласен, — отвечал граф. — Я знаю, как он любил вас и постараюсь заменить его вам.

Опять наступило молчание.

Бержэ еще раз первый нарушил его. Граф де Виллье, погружившись в свои думы, казалось, не отдавая себе отчета ни в том, где он находится, ни в том, что происходит вокруг него.

— Капитан, — сказал тихо охотник, — мне кажется, что нам пора подумать и о возвращении.

— Зачем? — спросил граф, смотря на него с удивлением.

— Наступает ночь, граф, а мы здесь в пустыне.

— Так что же? — сказал молодой человек, затем, после минутного молчания, он продолжал: — Я сумею один найти дорогу, оставьте меня,

мне необходимо побыть еще несколько времени на могиле брата. Кто знает, придется ли еще мне когда-нибудь побывать на ней опять.

— Хорошо, я не настаиваю, капитан.

— Вы уходите! Прощайте, мой друг.

— Нет, я остаюсь. Я же ведь сказал вам, что предлагаю вам свои услуги Я не покину вас здесь одного.

— Чего же мне тут бояться?

— По всей вероятности, нечего, но так как мне все равно, провести ли ночь здесь или в другом месте, то я расположусь возле вас.

— Как хотите.

— Господин граф, я имел честь заметить вам, что ваш брат любил меня и говорил мне «ты». Если вы действительно хотите заменить его по отношению ко мне и если вы можете хоть немного полюбить меня, будьте так добры не говорите мне больше «вы» Это только обрадует меня.

— Пусть будет по-твоему, друг мой, — отвечал молодой человек, с печальной улыбкой, — я буду с тобой на ты.

— Благодарю вас, господин граф! — вскричал охотник Молодой человек снова погрузился в свои думы Охотник и вождь разложили костер и расположились бивуаком на опушке поляны.

Ночь прошла, а капитан все еще сидел неподвижно на своем месте, — сон ни на минуту не смыкал его глаз. Бержэ тоже не спал; до самого утра исполнял он обязанности часового и охранял бивуак. Граф покинул свое место только с восходом солнца. Лицо его было бледно, но черты его дышали спокойствием. Он медленно подошел к своим спутникам и дружески протянул им руки.

— Я долго боролся со своим горем и победил его, — сказал он; затем, повернувшись к могиле, он прошептал — До свиданья, брат, я покидаю тебя, но только затем, чтобы отомстить.

При этом он бросил долгий и последний взгляд на могилу того, кого ему не суждено было уже больше увидеть, а затем, обращаясь к Бержэ, — который поспешил подняться, в свою очередь, причем индейский вождь последовал его примеру, — прибавил:

— Идем!

— Куда же мы пойдем? — спросил охотник.

— В форт Дюкэн. Далеко отсюда до него?

— Если ехать водой, то мы будем там к полудню, т. е. не больше как через семь часов. Пирога ждет нас.

— Хорошо, только поскорее; я тороплюсь.

Несколько минут спустя капитан и двое его спутников уже скрылись в

лесу. Поляна снова опустела. И только мертвые остались тут навсегда.

Глава XI. В ФОРТЕ ДЮКЭНЕ

Со времени начала враждебных действий с Францией англичане преследовали только одну цель — прочно утвердиться в долине Огио, к югу от озера Эри, вблизи Миссисипи. Действуя таким образом, они прежде всего уничтожили сообщение между Луизианой и Канадой.

Наконец, под благовидным предлогом оказать помощь индейцам, которых они сами же вооружили и восстановили против колонистов и канадских охотников, они потихоньку стали делать серьезные приготовления, чтобы нанести последний удар. Но все отлично понимали их намерения. Каждый прекрасно знал, что они собирались неожиданно напасть на французов.

Маркиз Дюкэн де Мэнневиль, вновь назначенный губернатором Новой Франции вместо Лонгейля, нашел вверенную ему колонию в состоянии полнейшего упадка. Как человек честный и энергичный, искренне желавший принести посильную пользу, он употребил крутые меры для восстановления порядка в администрации и почти утраченной дисциплины в надежде довести колонию до такого состояния, чтобы она могла устоять при угрожавшей ей войне. Эту трудную задачу он выполнил не без труда, благодаря спасительным примерам и не склоняясь ни на какие сделки.

Шпионы вовремя предупредили его о намерениях англичан. Губернатор, как опытный стратег, сам посетил долину Огио, отыскал пункт, составляющий ключ к обладанию страной, которую англичане рассчитывали отнять у него, и решил прочно укрепиться здесь.

Сейчас же были приняты все необходимые меры. Капитан Марэн с отрядом солдат, выбранных из самых надежнейших людей гарнизона, получил приказание построить форт при слиянии двух речек — Аллеганы и Манонгахелы, которые, сливаясь, образуют Огио или Красивую реку, как ее называют французы. Капитан Марэн, храбрый, знающий свое дело офицер, понимая всю важность возложенного на него поручения, немедленно принялся за дело и с такой энергией, что умер от переутомления раньше, чем были закончены работы по возведению вновь строящегося форта. Сооружение этого форта привело в необыкновенную ярость английского губернатора Виргинии. Французы отгадали его намерения и опередили его.

Дело в том, что за некоторое время до этого губернатор Виргинии

посылал в долину Огио, в целях рекогносцировок и выбора там подходящего места для постройки форта, одного офицера; это был совсем еще молодой человек, всего двадцати одного года, Вашингтон, майор Виргинской милиции, которого ждало блестящее будущее.

Вашингтон явился в качестве комиссара под предлогом переговоров с французами, а в сущности с целью изучить местность, определить силы неприятеля, возбудить умы индейских племен, находившихся в союзе с Францией, и выбрать наиболее удобное место для возведения форта; одним словом, он играл роль шпиона и парламентаря в одно и то же время.

Прекрасное положение Красивой реки не ускользнуло от пронизательного взора молодого майора, который, возвратившись в Виргинию, сейчас же обратил на это внимание английского губернатора.

К несчастью, несмотря на все желание последнего возможно скорей завладеть этим пунктом, французы опередили его, и когда англичане явились на Огио, они нашли новый форт уже вооруженным, с многочисленным и дисциплинированным гарнизоном.

Вынужденный отступить перед превосходившим его силой неприятелем, майор Вашингтон захотел, насколько возможно, исполнить возложенное на него поручение и приказал командовавшему авангардом прапорщику Уарду построить на Огио небольшое укрепление с целью препятствовать французам утвердиться в этом месте. Но, как об этом уже было сказано раньше, едва успели англичане окончить постройку крепости, французы взяли ее приступом, причем весь гарнизон попал к ним в плен.

Как раз после этого неслыханного вторжения англичан в пределы наших территорий в мирное время, окончившегося тем, что весь гарнизон неприятельского форта попал в плен, был изменнически убит граф Виллье де Жюмонвиль. Убийство, предательски совершенное под влиянием низкого чувства бессильной ненависти, не могло, конечно, дать убийцам никаких преимуществ над нами и придало только еще более свирепый характер войне.

Мы вдаемся в эти подробности единственно потому, что, по нашему мнению, никакие заслуги отдельных личностей не избавляют их от справедливого суда истории. Пусть потомство знает, что американский Цинцинат, два срока исполнявший обязанности президента и разъезжавший в сопровождении многочисленной свиты по улицам Нью-Йорка в коляске, запряженной четырьмя белыми лошадьми, как неограниченный деспот древнего мира, ознаменовал первый шаг своей карьеры кровавым деянием и совершил неслыханное преступление, так сказать, на пороге своего вступления на политическое поприще. При этом мы считаем необходимым

заявить раз и навсегда, что с первой минуты и до последнего дня славной войны, которую с таким мужеством вели наши в Канаде, справедливость и законность всегда были на нашей стороне, тогда как измена и предательство все время были орудиями наших противников.

Гарнизон форта Дюкэна состоял из двух полков пехоты, морского и Гиеннского, с соответствующей артиллерией, и двух рот саперов — в общем, около трех тысяч человек, не считая нескольких сотен канадских охотников, нанятых на более или менее продолжительный срок представительствам колоний и исполнявших, главным образом, обязанности разведчиков.

На берегу Красивой реки, под защитой пушек форта, живописно раскинулась небольшая деревушка, выстроенная на индейский манер французами, причем хижины предназначались, главным образом, для туземцев, являвшихся сюда для меновой торговли с обитателями форта и соседними колонистами. В это время деревня была безлюдна. Последние жители покинули ее несколько дней тому назад и отправились в свои леса.

Капитан Луи де Виллье и канадец Бержэ, простившись с вождем на опушке леса, начинавшегося в расстоянии двух пушечных выстрелов от форта, к полудню подошли уже к крепостным воротам, которые в ту же минуту раскрылись перед ними.

Пройдя быстрыми шагами через внутренние дворы, где в это время происходило фронтовое учение, они остановились перед большой дверью, на пороге которой стоял на часах гренадер Гиеннского полка. Гренадер знал капитана. При виде офицера солдат взял на караул, как опытный старый служака, и отошел в сторону, давая проход вновь прибывшим.

Но капитан, прежде, чем войти в дом, отдал честь и, остановившись перед солдатом, спросил его:

— Смельчак, когда прибыла твоя рота в форт?

— Вчера вечером, господин капитан, — отвечал гренадер, довольный тем, что граф де Виллье узнал его.

— Когда вступили вы в караул?

— Я вступил в караул сегодня утром вместе с пятнадцатью товарищами.

— Хорошо. Но ведь твоя рота пришла, конечно, в Квебек с офицерами?

— Так точно, господин капитан.

— В полном составе?

— Так точно.

— Значит барон де Гриньи здесь?

— Здесь, господин капитан, и он даже посылал меня к вам сказать, что он прибыл.

— А!

— Но вас не было в форте, а сегодня утром, когда я пришел справиться о вас, Золотая Ветвь с тревожным видом сообщил мне, что вы еще не вернулись.

— Милый барон! Я буду очень рад увидеть его, — сказал граф де Виллье. — Я иду к коменданту. Скажи кому-нибудь из товарищей, чтобы он сообщил барону де Гриньи, что я вернулся.

— Слушаю, господин капитан, но...

— Что такое?

— Это было бы совершенно бесполезно?

— Я тебя не понимаю.

— Г. барон поселился у вас.

— У меня?!

— В вашей квартире и при этом сказал еще: «должен же де Виллье, — извините, капитан, это слова самого господина барона, — должен же де Виллье когда-нибудь вернуться! Я не выйду отсюда, пока не увижу его».

— Это похоже на него, — сказал офицер, невольно улыбаясь: — пусть в таком случае он дожидается меня, я скоро приду.

И ласково простившись с гренадером, граф переступил через порог, причем канадский охотник шаг за шагом следовал за ним. Вестовой доложил коменданту, и тот приказал просить графа к себе.

Г. де Контркер, комендант форта Дюкэна, в то время был человек лет около сорока пяти, со строгими, почти суровыми чертами лица, с первого взгляда говорившего, что это человек из высшего общества. Он был полковником Гиеннского полка. Целые пятнадцать месяцев жил он уже в колонии, куда прибыл в чине капитана. Человек высокого ума, беззаветно храбрый, решительный, энергичный, он под суровой наружностью и притворной строгостью скрывал чрезвычайно чувствительное сердце. Маркиз Дюкэн де Мэнневиль, много раз имевший возможность оценить блестящие качества этого офицера, очень ценил и уважал его. Он назначил его на место капитана Марэна и не только спрашивал его мнение при решении важных вопросов, но даже очень часто следовал его советам.

В момент прибытия графа де Виллье комендант сидел за столом, покрытым зеленым сукном, на котором было разложено множество планов и географических карт. Он весь погрузился в чтение толстой рукописи, лежавшей перед ним на столе. При входе капитана де Виллье, о котором доложил вестовой, комендант поднял голову и протянул молодому человеку

руку.

— Э! Беглец нашелся, — приветствовал он его дружеским тоном. — Я начинал уже приходить в отчаяние, не понимая, почему вы не возвращаетесь так долго; клянусь честью, я очень беспокоился и хотел послать разыскивать вас, если бы вы не явились еще через несколько часов.

— Я весь к вашим услугам, господин комендант.

— Садитесь возле меня, вот здесь; так, хорошо. Нам нужно серьезно поговорить. — Затем, бросив вопросительный взгляд на канадца, который скромно стоял возле двери, опершись на ружье, он прибавил: — Какого, однако, телохранителя привели вы с собою... Это охотник-канадец?

— Да, комендант.

— Вы ручаетесь за него?

— Как за самого себя.

— Поручительство надежное, и я принимаю его. Вы предполагаете, вероятно, что он может быть полезен нам?

— Надеюсь. Бержэ был всей душой предан моему несчастному брату, при смерти которого он даже присутствовал.

— Вы уже и это знаете? — спросил полковник, лицо которого сразу стало грустно и серьезно.

— Да. И только благодаря этому честному человеку, — отвечал печально молодой офицер, — я видел место, где так изменнически был убит мой несчастный брат, и я мог поплакать на его могиле. Это и было причиной моего долгого отсутствия.

Граф де Контркер снова протянул ему руку.

— Мы отомстим за него, друг мой, — сказал он взволнованно.

— Благодарю вас, — отвечал капитан и затем, сделав над собою усилие отогнать грустные мысли, вызванные этими словами, он продолжал твердым голосом: — мой брат умер на своем посту, как солдат, и я могу только молить Господа, чтобы и мне умереть такой же славной смертью! Теперь я позволю себе обратить ваше внимание на этого охотника: он предан мне так же, как был предан и моему брату, и я сказал ему, что он мне нужен. Это объяснит вам, комендант, почему он счел себя не только вправе, но даже обязанным придти сюда и присутствовать при нашем разговоре.

— Совершенно верно. Если я не ошибаюсь, вы назвали его Бержэ?

— Да, милостивый государь, я назвал его именно так.

— Уж не знаменитый ли это охотник — гроза индейцев и англичан, прозванный краснокожими...

— Бесследным? — перебил канадец, улыбаясь, — да, полковник, это я.

Граф де Контркер одну минуту с интересом и любопытством смотрел на охотника, а затем любезно сказал ему:

— Добро пожаловать, милейший мой, давным-давно желал я познакомиться с вами: я много слышал о ваших подвигах и очень благодарен г. де Виллье за то, что он привел вас с собой сюда. Кроме того, вы пришли как нельзя более кстати, потому что именно такой человек, как вы, мне особенно нужен в настоящее время.

— Я весь к вашим услугам, полковник, — весело отвечал канадец, — приказывайте, что вам угодно, и я обещаю все исполнить.

— Спасибо, голубчик, я даже сейчас же испытаю на деле, насколько вы готовы исполнять мои приказания.

— Испытайте, полковник, а теперь, так как вы, конечно, будете говорить с графом де Виллье о том, что касается вас одних, я прошу позволения удалиться.

— Ну нет! Я не отпущу вас так скоро. Напротив, останьтесь, я ничего не могу сообщить такого г. де Виллье, чего бы не должны были слышать и вы... к тому же я хочу кое о чем порасспросить и вас.

Канадец почтительно поклонился, сел на табурет, поставил ружье между колен и приготовился отвечать на вопросы.

— Дорогой де Виллье, — продолжал де Контркер, обращаясь к капитану, — я могу сообщить нам приятную новость: барон де Гриньи, к которому вы питаете такую горячую привязанность, находится здесь.

— Я сейчас только узнал об этом, господин комендант, от часового у ваших дверей.

— Этот шельма Смелчак болтлив, как сорока, он не может ни на минуту удержать свой язык на привязи, но вы, вероятно, еще не видели своего друга?

— Нет, еще, господин комендант. Я знаю только, что он остановился у меня и дожидается моего возвращения. Вы, значит, просили г. де Мэнневилля об усилении гарнизона?

— Честное слово, нет. Рота де Гриньи нежданно-негаданно явилась ко мне; мне нет надобности говорить вам, что появление ее доставило мне большое удовольствие, особенно же в такое тревожное время. Барон привез депеши от губернатора,

— А! И важные депеши?

— До известной степени. В них мне сообщают, что англичане сильно заволновались и делают большие приготовления, имея, конечно, в виду воспользоваться удобным моментом и нанести нам серьезный урон.

— Тем лучше! Эти известия, по-моему, пришлись как раз кстати: мы

должны расквитаться с ними.

— И мы поквитаемся, будьте уверены, к несчастью, придется выждать еще несколько дней.

— Ждать! — проговорил с досадой молодой человек.

— О! Успокойтесь, всего несколько дней.

— Слава Богу! Вы испугали меня, полковник.

— Нам придется ждать всего каких-нибудь две недели и самое большее месяц.

— Это очень долгий срок, полковник. За это время убийцы моего брата успеют скрыться от меня.

— Они не станут прятаться. Наоборот, они готовятся напасть на нас и захватить нас врасплох.

— Да это просто безумие... Я их положительно не понимаю.

— Молодость самонадеянна, — отвечал, улыбаясь, полковник, — но мы помешаем этому пылкому майору привести в исполнение свои планы.

— Дай Бог, полковник!

— Даю вам мое честное слово, дорогой мой де Виллье.

— Я теперь совершенно спокоен, полковник. К тому же я хорошо знаю, как вы были расположены к моему покойному брату Жюмонвиллю. Теперь расскажите мне, в чем дело?

— Нужно проделать с ними то же самое, что они хотят устроить с нами, больше ничего. Вот вам в двух словах, чего ожидает от нас губернатор: вы знаете, что англичане стараются во что бы то ни стало изгнать нас отовсюду и что в 1668 году, около восьмидесяти лет тому назад, они построили форт Руперт на берегу открытого ими Гудзонова залива.

— Да, полковник, я знаю это.

— Хорошо. Затем вы, конечно, знаете тоже, что, спустя год после этого, для эксплуатации территорий, примыкающих к Гудзонову заливу, была основана компания, поставившая себе вместе с тем задачей и возможно более широкое развитие торговли мехами. Но, может быть, по нерадению, а может, и вследствие неумелой организации предприятия, вновь образовавшаяся компания никогда не могла оказаться серьезным конкурентом для нас. Все время на нашей стороне был неоспоримый перевес. Почему? Я не умею дать вам утвердительного ответа.

— А я могу вам сказать, почему, господин комендант, если только вы пожелаете меня выслушать, — проговорил, кланяясь, канадец.

— Разумеется, я именно этого только и добиваюсь.

— Все это очень просто, полковник, и происходит оттого, что наши агенты и смелее и предприимчивее англичан; вовремя своих экскурсий они

заходят очень далеко к северу и беспрестанно открывают все новые и новые места для охоты на пушных зверей; затем, наши агенты с необычайной легкостью приспосабливаются к обычаям, образу жизни и даже языку индейцев, с которыми они смешиваются и, благодаря своему веселому нраву, храбрости и честности, они становятся друзьями и помощниками краснокожих... Затем многие из них женятся на индейских девушках, становятся членами индейского племени и, забывая европейскую цивилизацию, живут вместе с туземцами в их первобытных вигвамах. В этом, и только в этом, полковник, и заключается главная причина нашего успеха и превосходства.

— Очень возможно, что все это и в самом деле так. Ваше замечание, как мне кажется, вполне справедливо.

— Значит, мы должны будем напасть на форт Руперт? — спросил капитан.

— Нет, не совсем так, — отвечал де Контркер, — губернатор узнал, что компания Гудзонова залива месяц тому назад отправила значительный транспорт мехов в один из виргинских портов. В какой, — этого до сих пор не удалось еще открыть... Но в настоящее время эта подробность не имеет для нас большой важности. Губернатор прислал мне приказ захватить этот транспорт. Исполнение этого поручения, конечно, дело очень серьезное; оно может быть доверено людям не только испытанного мужества, но и в совершенстве знающим страну. Надо отправиться в английские владения и углубиться внутрь страны, может быть, на шестьдесят или даже на восемьдесят лье. Губернатор полагает, и я вполне согласен с его мнением, — что захват этого транспорта тем больше будет чувствителен нашим непримиримым врагам, что затронет еще и их национальное самолюбие. К несчастью, повторяю вам, экспедиция эта одна из очень опасных и имеет очень мало шансов на успех.

— Очень возможно, полковник; но если бы она имела всего только один шанс из ста, то, мне кажется, и этого было бы вполне достаточно для того, чтобы попытаться счастье.

— Я и сам понимаю это. Меня затрудняет не снаряжение экспедиции, а вопрос о том, как сделать это таким образом, чтобы все это произошло тайне и чтобы наши враги не узнали об этом. Мы окружены шпионами.

— Зачем же нам делать приготовления к экспедиции непременно здесь? По-моему, в этом нет никакой необходимости. Бержэ будет нашим проводником, — надеюсь, вы ничего не будете иметь против этого... Я говорю мы, полковник, потому что вы, конечно, решили назначить начальником отряда меня. Иначе зачем бы вы стали и говорить со мной об

этом.

— Я думал сделать вам приятное, поручая вам это опасное дело.

— От всего сердца благодарю вас, полковник. А раз это так, то прошу вас, сделайте мне одолжение и разрешите мне устроить все дело с Бержэ. Даю вам слово дворянина и французского офицера, что, как бы хитры ни были англичане, мы так ловко отведем им глаза, что они ничего не заметят и не узнают.

— Я предоставляю вам полную свободу действий, милейший де Виллье, действуйте по своему усмотрению. С этого момента организация экспедиции лежит всецело на вас.

— Тысячу раз благодарю вас, полковник, и прошу у вас всего только один месяц на исполнение поручения.

— Берите столько, сколько хотите, сколько найдете нужным, милый мой.

— Через месяц я или вернусь победителем или умру.

— Или мы умрем, — прибавил Бержэ со своим обычным спокойствием, — или мы умрем оба.

— Милосердый Боже! Вот как он говорит! — вскричал г. де Контркер.

Он хотел было продолжать, но, к величайшему удивлению, его предупредил чей-то голос:

— Или мы умрем все трое вместе, позволю себе заметить. Г. де Контркер, граф де Виллье и канадец с удивлением обернулись.

Офицер Гиеннского полка стоял пред ними или, лучше сказать, за их спинами.

Этот офицер был не кто иной, как барон де Гриньи, друг графа де Виллье и любимец коменданта форта Дюкэна.

Глава XII. ПЛАН КОМПАНИИ

В первое мгновение полковник с угрожающим жестом сурово нахмурил брови, видимо, собираясь не только хорошенько разбранить, но даже и довольно строго наказать смельчака, позволившего себе проникнуть таким образом в комнату, где происходило совещание. Но, при виде двух друзей, бросившихся в объятия друг друга, суровое выражение, появившееся было на лице полковника, исчезло, и он уже с улыбкою смотрел на безрассудного молодого человека.

В то время, как друзья обнимались, г. де Контркер не мог удержаться, чтобы с веселой улыбкой не заметить канадскому охотнику, неподвижно и бесстрастно сидевшему на своем табурете:

— Не думайте, милейший мой, что в форте Дюкэне всегда так пренебрежительно относятся к установленным правилам вежливости и приличия.

— Молодость всегда останется молодостью! — пробормотал охотник. — Оставьте их, это беда еще небольшая и, наверное, пройдет с годами.

— На этот раз, должно быть, уж придется простить ему! Сумасшедший! — прибавил полковник, указывая на барона де Гриньи. — Взгляните на него хорошенько, он как будто не замечает, что находится в присутствии своего начальника!

— Подождите, сударь, придет и ваш черед, — отвечал, тихо смеясь, Бержэ.

— Надеюсь, — заметил в том же тоне полковник. А в это время офицер Гиеннского полка говорил капитану королевского флота:

— Клянусь всеми святыми, наконец-то я поймал тебя! Это ты, сам ты! Мне пришлось даже бежать сюда, чтобы найти тебя.

— Прости меня, дорогой Арман. Но я, право, не виноват. Со мной случилось большое несчастье.

— Несчастье? — спросил барон, который еще ровно ничего не знал о смерти графа де Жюмонвиля.

— Я тебе расскажу все это потом... Я узнал о твоём прибытии в форт Дюкэн всего несколько минут тому назад и, повидавшись с графом де Контркером, хотел сейчас же идти к тебе.

Барон де Гриньи, повернувшись к полковнику, на которого он соблаговолил обратить, наконец, внимание, приветствовал его

почтительным поклоном.

— Соблаговолите, господин граф, — сказал он, — принять почтительнейшее извинение за мое неуместное и грубое вторжение к вам в кабинет.

— Вы совершили два проступка, — возразил граф де Контркер, стараясь сохранить суровый вид, — два очень важных проступка, капитан.

— Какие, господин комендант?

— Первый заключается в том, что вы не явились к началу нашей беседы, — сказал он любезно; а затем, меняя тон, продолжал: — второй — вы стали извиняться. Я сам хотел просить вас прийти ко мне.

— Решительно, вы самый лучший из людей, — невольно вырвалось у Бержэ, который не мог удержаться, чтобы не засвидетельствовать своей симпатии к такому умному и приветливому начальнику.

— Спасибо, Бержэ... Дорогой де Виллье, вы, конечно, не откажетесь познакомить вашего друга с подробностями проекта, который мы обсуждали.

— Да, полковник.

— Его советы могут только принести нам пользу.

— Нет ничего легче, как подавать советы, — сентенциозно заметил охотник, относясь, незаметно для самого себя, к графу де Контркеру, так же фамильярно, как он обращался раньше и с покойным де Жюмонвиллем.

— Что вы хотите сказать, милейший?

— Я хочу сказать, что барон де Гриньи слишком великодушен, чтобы удовлетворяться только одними советами.

Между тем, граф де Виллье, исполняя приказание начальника, предложил своему другу сесть и в двух словах передал ему весь свой разговор с комендантом. Молодой человек с величайшим вниманием выслушал этот краткий рассказ.

— Вы понимаете, барон, — прибавил полковник, — что на время отсутствия вашего друга вы займете его место. Барон де Гриньи несколько раз покачал головою.

— Извините, полковник, — сказал он, — вы, кажется, сказали сейчас, что я здесь заменяю графа де Виллье на время его отсутствия?

— Конечно, но иного ничего я и не мог сказать, — отвечал полковник. — Почему вас так удивляет это, барон? Или вы не знаете, что вы самый старший офицер по чину после графа де Виллье?

— Я это знаю, полковник, и при других условиях меня несколько не удивили бы ваши слова, за которые я вам все-таки приношу мою глубокую благодарность.

— В таком случае, признаюсь вам, я уже совсем ничего не понимаю!

— Дело в том, господин полковник, что я просил о переводе в гарнизон форта Дюкэна исключительно с целью быть вместе с моим другом, разделять с ним опасности службы на границе, наконец, жить его жизнью. Поэтому позвольте мне обратиться к вам с покорнейшей просьбой.

— Черт возьми! — перебил, улыбаясь, полковник, в то время, как молодые люди обменивались крепким рукопожатием, — это отзывается чистейшей мифологией, дорогой барон: вы со своим другом напоминаете Ореста и Пилада и всех знаменитых друзей героического периода.

— Именно так, полковник, — отвечал с поклоном барон, — вы и на самом деле жестоко обидели бы и оскорбили меня, заставив нас снова расстаться.

Полковник обернулся к графу де Виллье.

— Какого вы мнения об этом? — спросил он. — Все это зависит от вас, так как вы начальник экспедиции.

— О! Благодарим вас, полковник! — вскричали одновременно оба молодых человека. — Значит, вы согласны?

— Что же с вами поделаешь? Но только с одним условием.

— С каким? — спросил барон.

— Что вы не дадите себя убить, ни тот ни другой. Такие офицеры, как вы, редки, и я дорожу ими.

— Постараемся, полковник, — отвечал, улыбаясь, барон. — Хотя, собственно говоря, мы и не имеем никакого права обещать вам это, несмотря на все наше желание сделать вам приятное.

— Теперь вы можете идти, — отвечал полковник, — вам нужно о многом переговорить друг с другом, но надеюсь, что вы не покинете форта, не предупредив меня?

— Мы будем иметь честь явиться еще раз к вам за последними приказаниями и, вместе с тем, проститься с вами, полковник.

— Итак, отправляйтесь, господа, и до свиданья. Молодые люди ушли в сопровождении Бержэ, которому де Виллье дал знак следовать за собою, причем генерал де Контркер отпустил его дружеским жестом. Вместо того, чтобы идти к себе на квартиру, граф взял под руку своего друга и, сопровождаемый канадцем, направился к одному из выходов из форта.

— У стен есть уши, — проговорил граф, улыбаясь, — даже и здесь в форте немало английских шпионов, а для нашей беседы всего лучше выбрать местечко под открытым небом, где мы будем говорить перед лицом одного только всевидящего Бога.

— Отлично, — пробормотал Бержэ, которому, видимо, пришлось по

сердцу эти слова, — вот это так настоящая осторожность.

И он пошел впереди, добровольно принимая на себя обязанность проводника.

Через двадцать минут трое мужчин были уже на открытом месте на вершине небольшого, лишенного деревьев, холмика, у подошвы которого протекала река.

— Теперь, — сказал граф де Виллье, с удовольствием оглядываясь кругом, — нам нечего бояться, что нас подслушают, сядем на траву и потолкуем.

Прежде чем продолжать наше повествование, мы должны ближе познакомить читателя с бароном Арманом де Гриньи, которому суждено играть такую важную роль в дальнейших событиях этого правдивого рассказа.

По наружности барон Арман де Гриньи был высоким и красивым молодым человеком, лет двадцати пяти с небольшим. Широкий лоб, пронизательный взгляд, правильные черты, открытое выражение лица, широкая грудь, смело поднятая голова и элегантные манеры дополняли описание его наружности, говорившей, прежде всего, что это человек аристократического происхождения.

Барон был потомок одной из тех древних нормандских фамилий, генеалогическое древо которых ведет свое начало от Роллона; он владел значительным состоянием, пользовался солидным влиянием при дворе и в будущем мог надеяться занять высокий пост. Но вдруг без всякого повода, который мог бы объяснить подобное решение со стороны такого счастливого, казалось бы, человека, барон де Гриньи купил патент на командование ротой Гиеннского полка, сложил с себя все свои обязанности и, наскоро простившись со своими многочисленными друзьями и приятелями, покинул Париж и сел в Диеппе на корабль, отправлявшийся в Новую Францию. Это странное решение он объяснял братской дружбой, привязывавшей его к графу де Виллье, с которым он вырос, и непреодолимым желанием увидеть таинственные страны по ту сторону океана, о которых в Европе рассказывались такие чудеса.

Приятели с недоверчивой улыбкой выслушивали более или менее благовидные предлоги, выставленные молодым человеком для объяснения своего отъезда в их глазах; но напрасно пытались они отыскать истинную причину добровольного изгнания, которое барон налагал на себя; если подобная причина и существовала на самом деле, то она охранялась так ревниво, что, несмотря на самые тщательные розыски, общее любопытство не было удовлетворено.

Первое лицо, с которым барон встретился, высадившись на берегу, был тот именно друг, ради свидания с которым он переехал океан.

В колонии молодой знатный дворянин был принят так, как и подобало, то есть с самой живейшей симпатией и, если бы захотел, ему ничего не стоило бы проникнуть в высшее общество и вести праздную и рассеянную жизнь светского человека.

Но намерение молодого человека было совершенно иное. Немедленно по прибытии он принял команду над своей ротой и серьезно занялся исполнением своих обязанностей. Он пользовался своим влиянием только в тех случаях, когда представлялась возможность занять самый опасный пост или заполучить какое-нибудь рискованное поручение. Такое странное поведение со стороны молодого человека, которым не могло руководить ни чувство честолюбия, ни желание наживы, обратило на себя общее внимание и вызвало благосклонность и уважение начальства. Начальство ставило его в пример товарищам, как человека выдающегося, хотя и загадочного, и возвело его на высокий пьедестал.

И только один граф де Виллье не делал никаких заключений на этот счет, хотя и его тоже удивляло странное поведение друга. В душе он глубоко огорчился, видя, как его друг, с непонятной беззаботностью рисковал своей жизнью в отчаянных схватках с неприятелем и — основательно или нет — думал, что воинственный дух и вынужденная веселость в обществе скрывают за собою тайную и еще не зажившую рану. Он слишком любил гордого молодого человека, чтобы пытаться нарочно вызвать его на откровенность и против его воли проникнуть в тайну его горя. Напротив, он избегал малейшего повода, который мог бы вызвать объяснение между ним и бароном, — граф делал вид, что не замечает перемены, происшедшей в характере своего друга, прежде такого спокойного и сдержанного, и как будто верил его необузданной веселости, припадок которой довольно часто оканчивался чуть не истерическими рыданиями. Он терпеливо ждал, пока случай сорвет завесу, которой барон так заботливо старался окружить себя. Граф де Виллье первый прервал молчание.

— Итак, дорогой Арман, — проговорил он, дружески обращаясь к барону, — вы не шутя намерены отправиться вместе с нами?

— Клянусь честью, дорогой мой Луи, — отвечал, улыбаясь, молодой человек, — я нахожу совершенно излишним ваш вопрос. Разве я не добровольно предложил вам это сам? Или, может быть, вы думаете, что я из Бордо или из Версаля?

— Я знаю, что вас никто не заставлял, и что вы сами изъявили

желание принять участие в экспедиции, но... простите меня, я до сих пор не уверен, что вы говорили это серьезно.

— И вы очень ошиблись, милейший мой Луи, потому что я говорил это как нельзя более серьезно.

— Да знаете ли вы, какая это экспедиция? Это ведь совсем не походит на то, что принято, обыкновенно, называть экспедицией.

— Вот это-то именно меня и прельщает. Я только что прибыл в эту страну, никого и ничего здесь не знаю и, понятно, был бы в восхищении, если бы мне удалось совершить вместе с вами экспедицию внутрь страны... Надеюсь, теперь вам все совершенно понятно, и вы ничего не имеете против исполнения моего желания; мое решение непоколебимо и, в случае категорического отказа с вашей стороны.

— Об отказе с моей стороны не может быть и речи, вы это и сами знаете, — перебил его с живостью капитан. — Я так рад, что опять увиделся с вами, и одно уже это может служить вам порукой, что я не стану отказываться от вашего общества. Но я должен был вам сказать и говорю, что предстоящая экспедиция, опасная сама по себе, не принесет с собой ничего — ни выгоды, ни славы, но вы, несмотря на это, продолжаете стоять на своем, и прекрасно, не будем больше говорить об этом. Вы отправитесь с нами в экспедицию.

— Благодарю вас, Луи, благодарю от всего сердца! Вы представить себе не можете, какое вы доставляете мне удовольствие этими словами! Итак, вопрос об участии моем в экспедиции решен.

— Да, — отвечал граф де Виллье с затаенным вздохом. — Я дал вам слово. А теперь займемся делом и постараемся разработать план предстоящего похода.

— Что касается этого, милый мой друг, я снимаю с себя всякую ответственность: я здесь новичок, не имеющий понятия о способе ведения такой войны, и положительно отказываюсь высказывать свое мнение.

— В таком случае, Бержэ, говорить должен, ты, дружище, — сказал капитан, обращаясь к канадцу, который сидел в нескольких шагах от них и, по-видимому, совершенно безучастно относился к беседе молодых людей.

Услышав обращенный к нему вопрос, охотник поднял голову, как строевая лошадь при первых звуках трубы, играющей атаку, и повернулся к капитану.

— Я к вашим услугам, господин капитан, что вам угодно знать?

— Друг мой, ты — старый лесной бродяга. Барон де Гриньи и я, мы, наоборот, — невежественные французы. Научи нас, что нам нужно делать, чтобы удачно исполнить возложенное на нас поручение.

— Гм! — проговорил канадец, — сказать вам правду, господин Луи, это далеко не так легко, как вы, может быть, думаете. Здесь ведь не Франция, где везде проложены удобные дороги, по которым вы можете ехать, пользуясь всеми удобствами. Кроме того, здесь, в этих девственных лесах, нам со всех сторон грозят опасности, которых вы себе даже и представить не можете; тут приходится считаться с врагами и двуногими и четвероногими: англичанами, враждебными племенами индейцев и хищниками.

— Все это так, я с тобой согласен, но, предположим, что предводитель похода граф де Контркер назначил бы не меня, а тебя, и вот теперь скажи мне, как бы ты поступил на моем месте, чтобы обеспечить успех дела? Одним словом, какие бы ты сделал распоряжения?

— Ну! — процедил канадец сквозь зубы, — сказать вам правду, я и сам точно не знаю.

— Говори смело, мой милый, ты знаешь, как мы ценим твою опытность и твое знание лесов, и, можешь быть уверен, с удовольствием выслушаем твой совет.

— Клянусь честью, это хорошо сказано, господин Луи, — весело отвечал канадец, — и если вам так хочется, я буду говорить с вами откровенно и без всяких церемоний. А затем вы уже сами можете решить, как надо будет поступать лучше.

— Этого-то именно я и добиваюсь от тебя, дружище. Говори.

— Я поступил бы вот каким образом. Нам придется идти большей частью пустынными лесами и долинами, где обитают только кочующие племена индейцев; на всем пути мы не встретим ни удобных дорог, ни поселений. Чем дальше будем мы продвигаться на север, тем больше нам придется преодолевать препятствий, тем труднее и опасней будет наш путь и тем чаще нам будут грозить стычки с неприятелем. Понимаете ли вы меня?

— Отлично понимаю, продолжай.

— Это ведь будет не военный поход, а мы не солдаты, а охотники.

— Что ты предлагаешь?

— Поэтому, если мы возьмем солдат из Гиеннского полка или же из морской пехоты и пойдем маршем с барабанным боем, то, несмотря на все их мужество и дисциплину, мы ежедневно будем попадать в засады и терять там свои скальпы. Индейцы через своих разведчиков будут знать о каждом нашем шаге и перебьют нас всех поодиночке.

— Да, я с тобою совершенно согласен и жду, чтобы ты сказал, как можно изб-жать этого, по твоему мнению.

— По моему мнению, господин Луи, солдат всего лучше оставить в форте Дюкэне, где они гораздо нужней, а с собой нам следует взять только трапперов, привыкших охотиться в лесах и отлично знающих все уловки индейцев. Они одни смогут идти с нами туда, куда мы хотим добраться.

— Хорошо. Это к тому же нетрудно; в настоящее время в форте немало канадцев, которые с удовольствием, я уверен, согласятся принять участие в экспедиции за хорошее вознаграждение, конечно.

— Все это никуда не годится, господин Луи, — отвечал охотник. — Канадцы, которых теперь так много в форте, совсем не годятся для нас, и вот почему. Здесь, как вам известно, мы окружены шпионами, и вы не успеете еще нанять людей, как шпионы будут уже знать, зачем понадобились вам эти люди. Затем шпионы предупредят англичан, те примут свои меры предосторожности, и все наши труды пропадут даром.

— Это правда, но как же поступить в таком случае? Это такое трудное дело, что я ничего не могу и придумать.

— Ничуть, господин Луи, наоборот, все это очень просто.

— А, это очень интересно! Особенно если ты сумеешь мне доказать это.

— Вы увидите сами. Я уйду от вас и вашего друга. Вы возвращаетесь в форт. Затем, при каждом удобном случае, вы громогласно повторяете, что лазутчики доносят вам, будто на границах все спокойно. Генерал де Контркер даст вам отпуск, чтобы провести несколько дней на охоте. Вы снимете свои мундиры и наденете скромный костюм здешних охотников. Собираясь на охоту, пусть каждый из вас возьмет с собой надежного и решительного человека, и, простившись с комендантом, вы покинете форт.

— Хорошо. А дальше?

— Дальше, я буду ожидать вас в пироге в бухте Мариго;

вы сядете в лодку, и я повезу вас... но не все ли вам равно куда, хотя бы, например, на мой участок. Прибыв туда, вы беззаботно займетесь охотой. В это время я, — потому что на меня, естественно, никто не обратит внимания, — на вербую отряд из самых отборных охотников, для которых пустыня — открытая книга. Все это займет самое большее два или три дня. Затем я подговорю еще несколько человек индейских разведчиков из племени гуронов, а когда все будет готово, я случайно встречу с вами на охоте, вы примете команду над отрядом, и с Божьей помощью мы отправимся в путь. Вот мой план, господин Луи, он прост, как видите, но, по-моему, он вполне подходящ для вас. Если вы можете предложить что-нибудь лучшее, я с удовольствием готов исполнить ваше приказание.

— В этом нет надобности, мой милый, твой план превосходен, и я с

величайшим удовольствием принимаю его. По моему мнению, он представляет все условия для того, чтобы добиться желаемого успеха. Что думаете вы об этом, Арман?

— Я, — отвечал, вздохнув, молодой человек, как бы внезапно пробуждаясь, — я думаю, дорогой Луи, что нам с вами не придумать ничего другого; и поэтому самое лучшее, что мы можем сделать, это — принять проект охотника и не ломать попусту головы.

— Хорошо сказано, клянусь честью! Итак, дело решено, старина Бержэ!.. Я согласен на твое предложение, только с маленьким изменением.

— С каким, господин Луи?

— Оно заключается в том, что по некоторым, одному мне известным причинам, отъезд не может состояться сегодня.

— Хорошо, в таком случае когда же вы намерены отправиться?

— Завтра, если ты ничего не будешь иметь против этого.

— По-моему, это еще лучше, господин Луи.

— Итак, решено, но в котором часу?

— На закате солнца, если вы позволите мне высказать свое мнение. В это время охотники обыкновенно отправляются на охоту. Ваш выход из форта не удивит никого.

— Правда, ты не упускаешь ничего из виду. Итак, завтра вечером.

— Завтра вечером, — отвечал канадец, вставая.

— Отлично! Ну, а что будешь ты делать в это время?

— Подготавливать все, что нужно к путешествию. До свиданья, господин Луи и компания.

— До свиданья, дружище.

— Желаю вам успеха, милейший, — проговорил барон. Канадец взял ружье, спустился с холмика и тем легким и в то же время быстрым гимнастическим шагом, который канадцы переняли у индейцев, углубился в лес, росший над рекою.

— По-моему, нам тоже пора вернуться, — заметил граф.

— Ба! Зачем? — отвечал его друг, — нам пока нет надобности спешить, и к тому же здесь так хорошо!

Граф де Виллье пристально посмотрел на молодого человека.

— Вы хотите поговорить со мною, Арман? — спросил он затем своего друга.

— Да, — отвечал последний, — но мне нужно сказать вам всего два слова.

— Разве это так необходимо, чтобы вы сказали их мне здесь?

— Я не знаю, однако я напому вам ваши слова: стены, имеют уши.

— Значит, это тайна?

— Нет, это предостережение.

— Гм! Предостережение. На это я прежде всего должен возразить вам, что ваши слова положительно мне непонятны.

— Нет ничего мудреного, но я сию минуту посвящу вас в суть дела.

— В таком случае, говорите, я вас слушаю.

— Дорогой Луи, вы должны были получить мое письмо несколько дней тому назад.

— Да, я получил его.

— Хорошо! Вы помните его содержание?

— Признаюсь вам, у меня осталось от него весьма смутное воспоминание.

— Я подозревал это. В таком случае, позвольте мне напомнить вам, что в этом письме я довольно пространно писал вам о некой хорошо знакомой и забытой вами даме, дорогой Луи.

— Графине де Малеваль?

— Именно. Помните, что я вам писал относительно этой особы.

— Кое-что помню, хотя опять-таки повторяю вам, что все это очень мало интересует меня.

— Очень жаль, потому что это весьма и весьма касается вас.

— Я вас не понимаю, мой друг?

— Я хочу только напомнить вам, что раз графиня поклялась в непримиримой ненависти к вам и при этом поклялась отомстить, то между вами и погибшим человеком нет почти никакой разницы.

Граф пожал плечами.

— Какое мне до этого дело? — проговорил он с презрением, — ненависть женщины, это — мимолетная страсть, которая гаснет так же быстро, как и вспыхивает.

— Не советую вам думать так, друг мой, — отвечал барон изменившимся голосом, — избавь вас Бог возбудить в ком-нибудь подобную ненависть. Тут есть над чем задуматься, поверьте мне!

— Но, по вашим же собственным словам, она и так уже ненавидит меня и поклялась непременно отомстить мне, Арман, — беззаботно отвечал Луи де Виллье.

— Может быть, я и ошибаюсь. Дай Бог, чтобы это было так, и я первый благословил бы судьбу.

— В таком случае, о чем же вы беспокоитесь?

— Слушайте, Луи, пусть будет по-вашему я ошибаюсь, и мои опасения преувеличены. Творец, конечно, не мог бы создать разом двух таких

неумолимых существ.

— Вот как! Но о ком же это вы говорите, барон?

— Ничего, ничего, друг мой, — возразил с живостью молодой человек. — Не обращайтесь внимания на мои слова, не имеющие никакого отношения к предмету нашего разговора.

— Хорошо, продолжайте, мой друг.

— Я вам уже сказал, что, может быть, и в самом деле я ошибаюсь, но у меня всегда было какое-то предчувствие, что, рано или поздно, а я разгадаю характер этой женщины, — прибавил он затем со вздохом.

— Э! — перебил его с удивлением граф, — это что-то новое... Говорите, пожалуйста, я вас слушаю.

— Вот в чем дело. Она скрылась из Квебека, и никто не знает, где она теперь.

— Ба! Может быть, она просто-напросто уехала во Францию?

— Нет, — возразил молодой человек. — Она не такая особа, чтобы таким образом отказаться от своей мести.

— Что же вы в таком случае подозреваете?

— Я подозреваю, что она отправилась внутрь страны.

— В наши места?

— Да.

— Аа-а! — проговорил, улыбаясь, граф. — В таком случае она, значит, твердо решилась исполнить свою клятву, во что бы то ни стало стереть меня с лица земли и заставить переселиться в иной, лучший мир.

— Все эти подозрения, кроме того, подтверждаются еще тем, что графиня взяла с собой целую дюжину бандитов и разбойников самого худшего сорта.

— Какое подходящее для нее общество!

— Вы беззаботно смеетесь, Луи. А, по-моему, вам совсем не следовало бы смеяться. Клянусь вам, вы играете с огнем!

— А вы разве осторожнее меня, Арман? — спросил серьезно граф де Виллье, смотря своему другу прямо в глаза.

Барон де Гриньи отвернулся, и, желая перевести разговор на другую тему, продолжал:

— Известие об отъезде графини де Малеваль насторожило меня, я испугался за вас, мой дорогой и единственный друг. Я писал вам, а затем... а затем, как видите, явился и сам вслед за письмом. Вдвоем нам, во всяком случае, будет легче отвратить эту, может быть, впрочем, и воображаемую опасность.

— Благодарю вас, Арман, но я, признаюсь вам, не понимаю, зачем

нужно было принимать столько предосторожностей для того, чтобы дать мне понять, что положение дела изменилось и, может быть, грозит мне опасностью? Тут может быть только одно: или, как вы предполагаете сами, опасность воображаемая, и тогда вы не стали бы так спешить с приездом сюда.

— Но моя дружба к вам...

— Дайте мне докончить... или же опасность существует на самом деле, и я, или, скорее, мы обладаем мужеством настолько, что можем обращать на нее столько же внимания, как на плывущее на небе облако.

— Согласен. Однако эта женщина...

— Я ведь ее знаю... немного, мой друг, — добавил, улыбаясь, граф де Виллье. — И знаю, что если она в ярости и готова убить меня сегодня, то завтра же забудет, что я существовал когда-нибудь на белом свете.

— Да, это, пожалуй, правда.

— Но зачем мы будем заниматься ее особой и ее желанием отомстить в такое время, когда мы отправляемся в экспедицию, из которой мы, может быть, и не вернемся?

— Вы правы! Когда же, однако, мы отправляемся?

— Завтра.

— Я предпочел бы сегодня вечером.

— Вы говорите, как ребенок.

— Луи! Луи! Запомните эти слова!

— Слушаюсь.

— Ненависти женщины следует бояться гораздо больше, чем ненависти десятерых мужчин.

— Довольно.

— Не спорьте... я — живое доказательство... но не спрашивайте меня... вы смотрите на меня с изумлением... Да, Луи, да... я также... я испытал это, и когда в моей памяти встают эти воспоминания, я начинаю дрожать за себя и за вас.

— Дорогой Арман, почему же вы никогда не хотели довериться мне?

— Это тайна, которая так же тяготела бы над вами, как и... но ее пока еще рано открывать.

И молодой человек сделался вдруг грустен и уже не пытался скрывать более своих мрачных мыслей.

Затем он сказал графу де Виллье:

— Время, однако, идет, пора возвращаться домой. Затем, спустившись с холма, он направился по дороге к форту Дюкэну; граф, которого заставили призадуматься последние слова его друга, молча последовал за

ним.

Они вернулись в форт, не обменявшись ни одним словом.

Глава XIII. СИЛУЭТ РАЗБОЙНИКА

Было около семи часов утра.

Накинув поверх мундира плащ, граф вышел из занимаемого им помещения, стараясь шуметь как можно меньше. Он боялся разбудить своего друга, крепко спавшего в эту минуту. Барон де Гриньи, утомленный длинным путешествием от Квебека до форта Дюкэна, должен был проспать еще несколько часов. Сон отлично подкрепил графа де Виллье. Он позвал Золотую Ветвь.

Последний уже находился на своем посту в передней и сейчас же явился к своему офицеру. Его молодой начальник приказал сказать барону де Гриньи, что он идет осмотреть гласисы крепости и скоро вернется. Затем капитан направился к потерне, которую отворил перед ним часовой, и очутился в поле.

Граф, отказываясь уехать вчера вечером и откладывая на двадцать четыре часа отправление экспедиции, почему-то не захотел сообщить своему другу причины этого замедления, а причиной этому была его любовь к Анжеле.

Как бы ни велика была дружба, которую питал граф к своему другу, он с целомудрием влюбленного, истинно любившего к тому же в первый раз, желал хранить свою любовь в тайнике своего сердца, и открыть ее третьему лицу — хотя бы этот был третий, даже его лучший друг, — по его мнению, значило бы профанировать святое чувство любви.

Но молодой человек не имел мужества покинуть ту, которую он так любил, и отправиться в опасную экспедицию, из которой он, может быть, не вернется, не увидев Анжелы еще раз, не сказав ей последнего прости и не почерпнув в ее глазах мужества, столь необходимого ему перед разлукой при таких условиях; поэтому, воспользовавшись сном своего друга, он тихо вышел из дому с тем, чтобы ближайшей дорогой пройти к хижине Изгнанника.

Граф по самые глаза закутался в свой плащ, чтобы не быть узнанным, и большими шагами торопливо пошел по едва намеченным улицам предместья, раскинувшегося под прикрытием крепостных пушек. Жители предместья еще все спали, и только там и сям начали отворяться двери. Граф прошел незамеченным — так по крайней мере он думал — и углубился в лес, убежденный, что никто не заметил, в какую сторону он направился

С того времени, как граф взял за обыкновение ежедневно навещать обитателей хижины, он старался выбирать самую кратчайшую дорогу, чтобы подольше оставаться подле той, которую он любил. Для этого он постарался отделаться от пироги и поискать ближайшую дорогу через лес. Исполнить это не представляло ни малейшего затруднения, потому что дорога существовала и на самом деле; и когда он во второй раз отправился в хижину Анжелы, молодая девушка сама указала ему эту дорогу. Дорога была едва заметной лесной тропинкой. Следуя по ней, молодой человек меньше чем через три четверти часа подходил уже к калитке в ограде, которой был обнесен двор хижины Изгнанника.

На этот раз, когда граф подошел к изгороди, он увидел Анжелу, которая стояла, прислонившись к калитке, чего она никогда не делала раньше; она, видимо, караулила его приход. Яркая краска залила лицо молодой девушки, когда она увидела своего возлюбленного.

— Я ждала вас, Луи, — проговорила она, подставляя ему лоб, на котором он почтительно запечатлел поцелуй. Поцелуй жениха, равняющийся братскому лобзанию.

— Вы ждали меня? — спросил капитан с удивлением. — И в такой ранний час? Каким образом могли вы угадать, что я именно сегодня приду так рано?

— Я не угадывала этого, — отвечала она с очаровательной улыбкой, краснея еще больше, — мое сердце подсказало мне это. Вот почему вы и нашли меня здесь, возле двери; я была уверена, что вы придете, и мне хотелось поскорее увидеть вас.

— Благодарю вас, моя дорогая, вы угадали, — я спешил к вам. Только при виде вас я чувствую, что я счастлив и что я живу.

— Идите, друг мой, вам нужно отдохнуть, ваш лоб покрыт потом. Идите.

И они направились к хижине, взявшись за руки. Идя рядом с этой нежной и кроткой девушкой, граф чувствовал себя двадцатилетним юношей.

— А ваш отец? — спросил молодой человек, — я увижу его сегодня утром?

— Нет, он вышел еще на рассвете из дому.

— Досадно, а мне бы очень хотелось поговорить с ним.

— Вы, наверное, голодны, хотите завтракать? — предложила молодая девушка.

— Я был бы вам очень благодарен, ходьба придала мне дьявольский аппетит, и, кроме того, это дает мне возможность подольше побыть у вас.

— Неужели вам нужен еще какой-нибудь предлог для этого, Луи? Разве я когда-нибудь прогоняла вас? — сказала Анжела, надув губки.

— Простите, я и сам не знаю, что говорю, — отвечал капитан, схватив на ходу ее руки и страстно целуя их. Но, видите ли, с меня нельзя строго взыскивать, сегодня я в таком настроении, что сам не знаю, что говорю и что делаю

Тем временем молодая девушка передвинула стол на середину комнаты и через несколько минут на нем уже стоял завтрак из молочных продуктов и плодов. Несмотря на аппетит, которым граф так хвастался, он почти ничего не ел. Анжела заметила ему это, но он с печальной усмешкой отвечал ей:

— Мне грустно.

Анжела с вопросительным видом подняла на него свои большие глаза

— Да, — отвечал граф, с любовью глядя на нее, — я надеялся, что ваше лицо придаст мне мужество... но моя надежда не оправдалась... я чувствую, как сердце мое разрывается и тоска на душе усиливается все больше.

— Что же такое случилось с вами, друг мой? вы просто пугаете меня: я никогда не видела вас таким. Скажите же мне, что с вами?

— Анжела, не приходило ли вам в голову, что мы можем расстаться?

— О! И даже очень часто, — вскричала она с дрожью в голосе — Неужели нам грозит разлука?

— Увы! Да.

— Говорите прямо, мой друг, меня мучит эта неизвестность, — отвечала она взволнованно

— Да, — сказал молодой человек, наконец, твердо решившись, — вам следует сказать все, я нарочно и пришел сюда за этим... вы — мужественная девушка!

— Я вас слушаю, говорите, во имя Неба! Умоляю вас! Вы можете быть уверены во мне.

Граф схватил руки Анжелы в свои, и в продолжение нескольких минут страстно смотрел на нее, а затем, уступая мольбам очаровательной девушки, решился, наконец, заговорить.

— Анжела, — сказал он, — вы ведь знаете, что я солдат... Поступая на службу, я принимал присягу и должен повиноваться своим начальникам, под командой которых я состою

— Я знаю все это, друг мой, продолжайте

— Да, но вы, конечно, не знаете, дорогое дитя, что комендант форта Дюкэна снаряжает экспедицию.

Она с улыбкой посмотрела на него и затем возразила:

— Вы ошибаетесь, Луи, я знаю это очень хорошо; кроме того, я знаю еще, что вы назначены начальником экспедиционного отряда, которому дано очень опасное поручение.

— Вы... вы знаете это? — вскричал капитан, привскочив от удивления на стуле. — От кого же могли вы получить такие подробные сведения?

— От отца, Луи, от моего отца, для которого не существует тайн и который вполне предан вам, не сомневайтесь в этом.

— Странно! — пробормотал молодой человек.

— Нет, напротив, это вполне естественно; когда вы лучше узнаете моего отца, моего милого отца, вы поймете это.

— Но каким же образом мог он узнать об этом?

— Я не могу ничего ответить вам, — перебила она его, положив пальчик на свои розовые губки. — Тайны моего отца не принадлежат мне; я не в праве открывать их без его позволения даже вам, друг мой.

— Совершенно верно, я сошел с ума! Простите меня, Анжела.

— Я прощаю вас, друг мой, и прощаю от всего сердца; но вы не сказали еще мне, когда вы должны отправиться в экспедицию. Этой подробности я пока еще не знаю.

— Увы! Дорогое дитя, это должно состояться так скоро, как вы даже и предположить не можете, — я отправляюсь сегодня же перед заходом солнца.

Молодая девушка вздрогнула и побледнела как смерть, но нечеловеческим усилием воли, в чем ей помогла ее любовь, ей удалось победить смертельную тоску, и она продолжала, улыбаясь:

— Как вы испугали меня, Луи, но теперь я успокоилась... о, совершенно успокоилась.

— Я не понимаю вас, Анжела.

— Разве вы не говорили мне о разлуке... о прощании?

— Но разве эта экспедиция, этот отъезд не заставит нас разлучиться?

— Ну так что же? друг мой, ведь это только временная разлука, тяжелая, очень тяжелая, как для вас, так и для меня, но наша любовь даст нам силы перенести ее и, кроме того, она только усилит еще больше нашу привязанность, и мы скоро встретимся еще более любящими друг друга.

— А! — проговорил он печально, — вы не любите меня так, как я люблю вас, Анжела, потому-то вы и отнеслись так легко к этой разлуке, которая проводит меня в отчаяние!

— Неблагодарный! — вскричала она взволнованно, — несправедливый и неблагодарный человек! Видит же, что я страдаю, видит,

каких усилий стоит мне внушить ему мужество, чтобы как следует исполнить свой долг, и он же, вместо того чтобы благодарить за это, еще упрекает меня!

— О! Я просто сумасшедший, моя дорогая Анжела! — воскликнул он, падая к ее ногам и пылкими поцелуями покрывая руки, — простите меня, я сам не знаю, что говорю! Горе помрачило мой рассудок. О! Теперь я спокойно уйду отсюда, как бы ни было тяжело у меня на душе; несмотря на мою горячую любовь, мое самое страстное желание отправиться по возможности скорей, с тем, чтобы поскорей снова увидеть вас.

— Будьте мужчиной, дорогой Луи, — отвечала она сквозь слезы, — верьте в Пресвятую Деву, покровительствующую нашей любви. Кто знает? Ее милосердие так велико! Может быть, мы увидимся и даже скорей, чем вы думаете и чем думаю я сама.

— Что хотите вы сказать?

— Ничего, друг мой, одно из тех предчувствий, какие часто бывают у меня, вот и все; предчувствия, исходящие из сердца, и которые никогда не обманывают: Бог посылает их для утешения и «поддержания страдающих.

— О! Да услышит вас Небо! — сказал молодой человек.

— Я не знаю почему, но мне кажется, что, если наша разлука и продлится так долго, как мы опасаемся, меня заставит страдать не одно только это, а еще и другое какое-то горе... Да, я так думаю, я даже почти в этом уверена!

Вдруг она встала, прыгнула как козочка, и бросилась вон из комнаты, но появилась почти тотчас же, держа в руке золотую цепочку, на которой висела ладанка из красного сукна.

— Мы должны расстаться, Луи! — сказала она, — ваше присутствие необходимо в форте Дюкэн для окончательных приготовлений к отъезду. Я не хочу задерживать вас. Как бы мне ни хотелось, чтобы вы остались здесь, я никогда не осмелюсь заставлять вас забыть свой долг.

— Теперь еще рано, — сказал офицер, будучи не в силах решиться на эту, может быть, вечную разлуку, — я еще успею:

теперь ведь еще не поздно.

— Уже полдень, друг мой, посмотрите на солнце.

— Я предпочитаю смотреть лучше в ваши глаза, дорогая и возлюбленная Анжела, — отвечал он, улыбаясь, — они светят для меня совершенно иначе, чем то солнце, которое сияет так высоко. Как бы вы ни старались, моя Анжела, им никогда не удастся сказать мне: «Луи, уходите, пора расстаться».

— Замолчите, сударь! — прошептала бедная девушка, делавшая

усилия, чтобы удержать слезы, катившиеся по побледневшим от горя щекам.

— Повинуюсь, сударыня! — отвечал Луи де Виллье, не хотевший обнаруживать своего волнения.

— Выслушайте меня.

— Говорите.

— Видите вы это? И она протянула ему цепочку с ладанкой.

— Вижу.

— Это святые мощи.

— А! — проговорил молодой человек, не отличавшийся особенной религиозностью и находившийся, как и все молодые люди того времени, под влиянием господствовавших в ту эпоху философских идей.

Строгий взгляд Анжелы сразу привел его в себя.

— Не смейтесь, Луи. Это — последнее воспоминание о моей матери, и я даю его вам.

— Дорогая Анжела, я не отниму у вас этой священной вещицы, — сказал он взволнованно. — Оставьте, оставьте ее у себя, я хочу так.

— А я хочу, чтобы вы надели ее на себя, мой Луи. Мы — жительницы лесов — суеверны. Я поклялась никогда не расставаться с этой цепочкой и ладанкой.

— Но, в таком случае...

— Отдавая ее вам, Луи, я не изменяю своей клятве. Наши души родственны: вы и я составляем одно. Запомните хорошенько мои слова, мой друг, и не смейтесь; я твердо верю в то, что я говорю: пока вы будете носить этот священный талисман, вам не будет грозить никакой опасности.

— Правда? — не мог удержаться молодой человек, чтобы не сделать с улыбкой этого вопроса при виде такой наивной и милой веры.

— Клянусь вам спасением моей души и памятью матери! — сказала она, со слезами в голосе.

Молодой человек перестал улыбаться. Он понял, что молодая канадка совершенно серьезно относилась к своим словам. Офицер взял цепочку с ладанкой и надел ее на шею. Дочь Изгнанника покраснела от восторга.

— Затем вы дадите мне обещание, Луи, — сказала она ему с улыбкой, — что время от времени вы будете смотреть на эту ладанку.

— И даже очень часто, дорогая Анжела.

— Всякий раз, когда вы вспомните обо мне.

— Клянусь вам в этом!

— Хорошо! Вы даже и представить себе не можете, как вы осчастливили меня; теперь я спокойна за вас. Мы снова увидимся, Луи!

Будьте уверены, что мы скоро увидимся.

— Дай Бог!

— А теперь ступайте!

— Вы меня гоните, Анжела?

— Так нужно.

— Почему? — спросил молодой человек, пораженный ее несколько отрывистым тоном.

— А потому, Луи, что, если вы останетесь дольше, я не в силах буду отпустить вас; потому что я изнемогаю, и если вы еще только несколько минут пробудете здесь, вся моя решимость рухнет, все мое мужество пропадет.

— Дорогое дитя! — пылко вскричал Луи. — Как я люблю вас!

— Вы хотите этого? Оставайтесь... вы будете свидетелем моей слабости, моих слез.

Молодой человек почувствовал, что она говорила правду. Он открыл рот, чтобы ответить ей, но видя, что рыдания душат молодую девушку, схватил ее в свои объятия, страстно поцеловал и, выскочив из комнаты, бросился бежать без оглядки в лес.

И он хорошо сделал. Если бы он обернулся, он повернул бы назад. Кто знает, что бы случилось тогда? Он не ушел бы.

Страстное прощание молодого человека сперва бросило в жар дочь Изгнанника, а затем леденящий холод охватил ее. Она почувствовала страшную слабость. Сильное напряжение сил, поддерживавшее молодую девушку до сих пор, покинуло ее. Все закружилось у нее перед глазами. И, испустив крик смертельно раненой птицы, она, вне себя, с громкими рыданиями упала на колени.

Между тем, граф с разрывавшимся от горя сердцем почти бежал по лесу, не разбирая дороги. Он шел наудачу без всякой цели: он спешил убежать, уйти от этого одинокого домика, где он оставлял все, что было самого дорогого у него на свете. Он даже не замечал, какой дорогой он идет. Случай помог ему. Через час после этой ходьбы, этого бешеного бега по лесу, он с удивлением увидел, что очутился на опушке леса. Ему стоило только сделать несколько шагов, чтобы выйти на равнину. Физическая усталость притупила в нем острую боль отчаяния и нравственных страданий. Невыразимая тоска давила его. Но все же быстрая ходьба освежила его пылающую голову. Спокойствие мало-помалу возвращалось к нему, и его мысли приняли до некоторой степени правильное течение.

Он остановился на минуту, бросив вокруг себя пристальный взгляд. Ничего подозрительного — все дышало невозмутимым спокойствием. Он

узнал местность. Передохнув с минуту, он направился к форту Дюкэну, от которого был не больше как на расстоянии одной мили. Вдруг два выстрела, почти одновременно последовавшие один за другим, раздались над его ухом. Он отскочил в сторону.

Раздался третий выстрел, и его шляпа, насквозь пробитая пулей, покатила на траву. Граф де Виллье выхватил шпагу и бросился в чащу, откуда слышались выстрелы.

— Всемогущий Боже! — вскричал он, — здесь убивают!.. но только стреляет неумелая рука! А! Господа охотники, берегитесь! Кабан возвращается и сейчас бросится на вас.

В эту минуту слышались чьи-то поспешные шаги, глухое восклицание гнева, страшные проклятия и затем все смолкло. Когда он добежал до того места, где скрывались убийцы, последних уже и след простыл. Офицер никого не нашел. Он проклинал свою злосчастную судьбу за то, что ему не удалось настичь стрелявших из засады разбойников. Но, сыпя проклятия, он не переставал бежать вперед.

Вдруг он остановился. Споткнуться, чуть не упасть и удержаться от падения, схватившись за ветви ближайшего дерева, было для него делом одной минуты. Он опустил глаза вниз, желая рассмотреть предмет, преграждавший ему путь.

Предмет, о который он споткнулся, был не что иное, как ноги человека, спокойно сидевшего под деревом. Человек этот читал или делал вид, что читает. При виде капитана, споткнувшегося о его ноги и освобождающегося от его шпор, человек, который непременно должен был слышать выстрелы, хотя это почему-то не произвело на него никакого впечатления, захлопнул книгу и поспешно поднялся со своего места.

— Ола! — сказал он голосом, несколько напоминавшим скрип несмазанных колес, — ола! кто бы вы ни были, мужчина или женщина, ангел или дьявол, стой!

Офицер остановился не потому, что имел желание повиноваться столь гармонично отданному приказанию, а просто потому, чтобы лучше рассмотреть субъекта, обратившегося к нему с таким странным приветствием.

Субъект этот был приблизительно лет пятидесяти от роду и не меньше как пяти футов и десяти дюймов роста. Худой и длинный, как шест, он гордо стоял перед графом, покручивая громадные нафабранные усы а ля Генрих III. Его сильно поношенный, измятый, выцветший костюм говорил о том, что этот человек знаком с нуждой или же, что, впрочем, мало вероятно, презирает блага мира сего. На его плечах печально болтались,

свесившись вниз, полинявшие желтые ленты, а растрепанное перо на шляпе с выгнутыми полями спускалось на нос, очень сильно напоминавший клюв хищной птицы.

Одним словом, обладатель этого несимпатичного лица, гордо драпирующийся в лохмотья, казался одним из трех бродяг, с которыми не особенно приятно бывает встретиться в глухом уголке леса.

Видя, что граф де Виллье остановился, странный субъект снял шляпу, что ему, надо заметить, удалось сделать не сразу, — поля его головного убора были истрепаны сильнее, чем дырявые подошвы его сапог. Сняв шляпу, незнакомец раскланялся самым вежливым образом.

Граф с первого же взгляда безошибочно определил, к какому разряду людей принадлежал его странный собеседник; отчасти поэтому он не дал себе труда отвечать на крайне вежливый поклон бродяги и бесцеремонно спросил его:

— Вы разве не слышали, как в меня стреляли, милостивый государь?

— О каких это выстрелах изволите вы говорить? — вопросом на вопрос ответил незнакомец.

— Три выстрела из ружья, черт возьми!

Говоря таким образом, Луи де Виллье в то же время осматривал, не скрыто ли под платьем у стоявшего перед ним субъекта огнестрельное оружие, потому что он почти инстинктивно чувствовал в нем врага.

— Я не слышал свиста пуль, о которых вы говорите, милостивый государь, — отвечал грубо незнакомец, — точно так же, как и не заметил, чтобы вы изволили ответить на мое вежливое приветствие.

Граф закусил губы; он хотел было уже поднять руку на говорившего с ним таким тоном субъекта, но, подумав, решил не делать этого.

Он хотел сначала убедиться, что не ошибся и что этот тощий бродяга был в числе бандитов, подосланных убить его, и, вместо того, чтобы грубо оборвать нахала, снял шляпу и вежливо поклонился ему, в свою очередь.

— Прошу извинить меня, милостивый государь, — сказал он при этом самым любезным тоном, — поверьте мне, что я теперь и сам очень жалею о том, что позволил себе нарушить установленные обычаем правила вежливости, и, как видите, спешу исправить свою ошибку.

— Довольно, — отвечал незнакомец, таким тоном, что ему мог бы позавидовать любой гранд времен Карла V.

— Нет, не довольно.

— А!

— Да.

— Что же вам угодно от меня, милостивый государь?

— Мне угодно знать, почему вы не потрудились потревожить свою особу, зная, что тут стреляют в христианина, как в дикого зверя?

— Я мог бы отвечать вам на это, — сказал неизвестный, видимо, глумясь, — что я магометанин и, следовательно, мне нет никакого дела до собаки-христианина, но я уклонился бы от истины, хотя, говоря между нами, я и сам хорошенько не знаю, к какой религии я, собственно, принадлежу, и в этом случае я ни на одну минуту не уклоняюсь от истины.

— Другими словами, вы не имеете намерения лгать?

— Именно, — отвечал плут с неподражаемым апломбом.

— Я слушаю вас. Объяснитесь.

— Милостивый государь, единственная и притом, заметьте себе, самая основательная причина, которую я могу привести вам, заключается в следующем...

— Ваша трусость? — перебил его спокойно граф.

— Не совсем так, — возразил не менее спокойно его собеседник. — Я читал, милостивый государь.

— А! Вы занимались чтением? Значит, вы умеете читать?

— Благодаря прекрасному воспитанию, которое мои родители — упокой, Господи, их души в селении праведных! — дали мне в самом нежном возрасте.

Офицер едва сдерживался, чтобы не расхохотаться в глаза этому необыкновенному человеку, дважды оскорбленному им и, тем не менее, как ни в чем ни бывало с улыбкой на губах продолжавшему разговаривать с ним. Но он решил идти до конца и совершенно серьезно продолжал вести разговор.

— Что же могло вас так сильно заинтересовать, если позволите спросить?

— Вот что, милостивый государь, — отвечал незнакомец, любезно подавая ему книгу, которую он держал в руке.

— Основы философии?

— Декарта.

— Вы занимаетесь философией?

— Немного.

— Все нет, — возразил со смехом офицер. Луи де Виллье начинал думать, что имеет дело с сумасшедшим.

— Это может объяснить вам, милостивый государь, — продолжал незнакомец, — почему я ничего не слышал, и что для того, чтобы оторвать меня от такой интересной книги, нужно было чуть не раздавить меня, хотя и деликатно, как это вы изволили сделать сейчас.

«Что же это такое? — подумал офицер, — ссора? Нет, но мы еще дойдем до нее. Но если так, то я ему дал уже на это повод давным-давно, ради чего же он тянет так долго?» А затем проговорил вслух:

— Милостивый государь, я должен вам признаться, что меня приводит в полное отчаяние.

— Что именно?

— Моя неловкость.

Незнакомец, поглаживая рукоятку огромной рапиры, которая цеплялась ему за шпоры, взглянул с некоторым изумлением на графа.

Он не ожидал такой любезности и выдержки от пылкого офицера.

— Итак, милостивый государь, вы извиняетесь?

— Черт возьми!

— Черт возьми! Да, или черт возьми! Нет?

— Черт возьми! Да!

— Извиняетесь самым настоящим образом?

— Самым настоящим, — отвечал Луи де Виллье, решив, несмотря на свое нетерпение, довести до конца эту комедию.

— А!

— Могу вас уверить.

Поклонник Декарта, видимо, как будто смутился. Такая кротость поставила его в тупик. Наконец, он разразился громким хохотом.

Граф молча смотрел на него.

— Черт возьми! — торжественно проговорил затем лесной браво. — Вам, милостивый государь, по-видимому, пришла охота потешаться надо мною!

— Никоим образом, — отвечал граф.

— Уверяю вас, что да.

— А я клянусь вам, что нет.

— Вы меня оскорбили, клянусь честью! Знаете ли вы, милостивый государь, что сыну моего отца в первый раз в его жизни наносят такое оскорбление?

— А, наконец-то, мы договорились!

— Милостивый государь, — продолжал браво, гордо выпрямляясь, — знаете ли вы, что меня зовут дон Паламед.

— Прекрасное имя!

— Бернардо де Бивар и Карпио.

— Вы ведете свой род от Сида? — спросил, насмешливо кланяясь, граф.

— Идальго с головы до ног!

— Я нисколько и не думаю сомневаться в этом, черт возьми!

— В настоящее время я состою на службе капитаном.

— А в каком полку? Благоволите сказать.

— В каком полку?.. А знаете, что я вам скажу? — перебил самого себя незнакомец, покручивая усы, — по-моему, вы слишком любопытны!

— Я любопытен?!

— Разумеется. Вы уже чуть ли не целый час забрасываете меня самыми нелепыми вопросами.

— Я?..

— Да, вы!

— Позвольте мне, дон Паламед... Надеюсь, вы разрешите мне не повторять все остальные ваши имена, не так ли?

— Хорошо! — разрешил тот, — я знаю их наизусть.

— Тем лучше. Итак, позвольте мне заметить вам...

— Я не нуждаюсь в ваших замечаниях.

— Но, сеньор, должны же вы меня выслушать, я до конца выслушал все, что вам было угодно сказать мне!

— Вас это забавляло, а на меня это нагонит тоску.

— Презренный негодяй! — проговорил граф, делавший невероятные усилия для того, чтобы сохранить хладнокровие.

— Что вы такое говорите?

— Я говорю, что все ваши возражения чрезвычайно глупы.

— Глупы... в обратном смысле?

— Конечно... Знаете, кончим на этом. Я совершенно, впрочем, против моей воли довольно невежливым образом помешал вам заниматься чтением... вы чувствуете себя оскорбленным...

— Неужели вас это удивляет? — спросил высокомерно идалго.

— Отнюдь нет, хотя не забудьте, что я извинился перед вами. Чего же вы еще можете требовать от порядочного человека, каким я считаю себя?

— Клянусь честью, благородный господин, как вы сами величаете себя, — возразил идалго, насмешливо улыбаясь, — я требую, чтобы вы дали мне отчет в ваших словах, в ваших поступках и в ваших жестах.

— Прекрасно, пусть будет по-вашему, только кончим, пожалуйста, все это поскорее!

— Bravo! Умные речи приятно и слушать, — ответил идалго, снимая верхнее платье и шляпу и тщательно складывая все это на траве, причем все это он проделал с поразительной быстротой.

— Очень рад! Я хоть на ком-нибудь сорву свою злость, — пробормотал сквозь зубы граф, обнажая шпагу.

Но прежде чем начать поединок, граф рукою потер себе лоб, а затем, ковыряя кончиком шпаги землю, к великому изумлению своего благороднейшего противника, сказал:

— Одно слово, милостивый государь?

— Хорошо! Что вам угодно еще от меня?

— Еще, — это будет не совсем вежливо. Я должен, в свою очередь, сказать вам, что я еще ничего не просил у вас.

— Отлично, говорите! Но только, пожалуйста, поскорей. «Опустошительница» жаждет.

— Что это такое за «опустошительница»?

— Моя шпага. Клинок по прямой линии происходит от Тисона, шпаги Сида.

— Благодарю, у вашей шпаги отличное имя... ну! Да она подождет.

— Только не долго.

— Надеюсь. Послушайте! Неужели вы считаете меня таким дураком, что я могу поверить, будто вы видите себя серьезно оскорбленным мною?

— Нет! — пробурчал идальго.

— Признайтесь лучше, — продолжал граф, презрительно пожимая плечами, — что вы действуете в компании с бандитами, стрелявшими в меня в лесу, и что вы поставлены здесь нарочно затем, чтобы прикончить меня в случае, если они промахнутся.

— Милостивый государь, — возразил идальго, — знайте, что капитан дон Паламед Бернардо де Бивар и Карпио никогда не действует таким образом: он убивает частенько, что правда, но не разбойничает. Вы ошиблись. Придумайте что-нибудь более правдоподобное, милостивый государь.

— По-моему, хуже этого ничего не может быть, — проговорил задумчиво граф. — А теперь, с вашего позволения, я несколько изменю форму моих вопросов.

— Изменяйте, но только пожалуйста, поскорей, мы только попусту теряем драгоценное время.

— Вам заплатили за то, чтобы вы затеяли ссору со мной, не так ли? И, может статься, даже за то, чтобы отправить меня на тот свет?

Зловещий смех сорвался с губ авантюриста.

— На этот раз вы угадали, — сказал он, кланяясь с неподражаемой грацией.

— И, конечно, вам обещали за это кругленькую сумму?

— Милостивый государь, — отвечал идальго с напускной серьезностью, сквозь которую сквозила насмешка, — подобных вопросов

не предлагают порядочным людям. Оставим лучше этот вопрос.

— Ваш ответ мне нравится, — сказал, улыбаясь, граф. — А вы не сочтете нескромным мой вопрос, кто именно так интересуется мною и желает переселить меня в мир иной?

Авантюрист улыбнулся и стал покручивать усы.

— Вот что значит, когда вас слишком любят! — пробормотал он.

— Отлично! Я вас понимаю и благодарю. Теперь я знаю все, что мне хотелось знать.

— Может быть, но я ничего не сказал. Не угодно ли вам будет начать?

И дон Паламед стал в позицию в самой элегантной позе.

— Как вам будет угодно. Вы жаждете моей крови, сеньор де Бивар и Карпио, — сказал граф, улыбаясь.

— Я? Меньше всего на свете. Я только спешу поскорей покончить с вами, потому что у меня назначено деловое свидание невдалеке отсюда.

— Гм! А ведь очень возможно, что вы и не явитесь туда, где вас ждут, мой великолепный капитан!

— Довольно! К барьеру! Ни слова больше и держитесь хорошенько. Я фехтую довольно порядочно.

— Я тоже, смею вас уверить.

Граф, не переставая смеяться, скрестил свою шпагу; это приключение вернуло ему всю его прежнюю безумную отвагу и веселость.

Идальго, несмотря на всю свою наглость, сразу увидел, что имеет дело с серьезным противником, и удвоил свою энергию.

Граф замечательно владел шпагой; он, смеясь, отбивал самые неожиданные удары противника, который вдруг сделался серьезным и внимательно следил за каждым движением руки графа.

— Вы что-то смолкли, любезнейший, — сказал граф, отражая удары. — Уж не боитесь ли вы, что вам не удастся попасть на свидание?

— Защищайтесь, гром и молния! — заревел негодяй, нанося отчаянный удар.

— Готово! — отвечал хладнокровно граф — Это старая штука. Вы ошиблись. А теперь держитесь и вы!

В ту же минуту граф слегка коснулся груди идальго.

— Я убит! — вскричал последний, отступая на два шага назад.

— Я мог бы убить вас, но не хочу. Будьте спокойны, вы ничего не потеряете оттого, что подождете. Я сейчас покажу вам один удар, который впоследствии может очень и очень пригодиться вам, если только вам удастся остаться в живых. К несчастью, я не думаю, чтобы вы могли воспользоваться им. Смотрите же внимательно: я проделаю все перед

вашиими глазами с математической точностью.

Говоря таким образом, граф незаметно заставил своего противника перейти на другое место и стать лицом против солнца. Дон Паламед побагровел от бессильной ярости.

— Так! — сказал молодой человек, — вы стоите теперь именно там, где мне нужно. Наблюдайте внимательнее: вот обещанный удар — раз, два и три!

С быстротой молнии взмахнул он несколько раз шпагой перед глазами противника, и «опустошительница» со свистом вылетела из рук идадьго.

Прежде чем последний мог что-нибудь сообразить, он с хриплым стоном ярости и отчаяния катился уже на траву, пронзенный насквозь шпагой.

— Вот дело и сделано! — спокойно проговорил граф, вытирая свою шпагу о траву, перед тем как вложить ее в ножны.

— Я умираю! — ревел негодяй, катаясь по земле, влажной от его крови, лившейся ручьем.

— Гм! Я с вами совершенно согласен. К тому же я должен вам признаться, что с своей стороны сделал все, чтобы достичь этого. Может быть, мне следовало бы прикончить вас совсем, но ба! Это бесполезно, по крайней мере, в настоящую минуту.

— А! Гром и молния! Если бы только мне остаться живым! — проговорил дон Паламед, делая при этом отвратительную гримасу.

— Да, но вы не останетесь живы, — отвечал граф, пожимая плечами. — Какая жалость, что вы не можете воспользоваться ударом, которому я вас научил!

— Завтра... — прорычал идадьго, извиваясь, как змея. Но затем, как бы опомнившись, несмотря на сильную боль, он замолчал, не желая раздражать своего торжествующего врага.

— Кстати, теперь, когда вам нет никаких оснований хранить дольше молчание, не будете ли вы так любезны сообщить мне имя особы, о которой я вас уже спрашивал? Скажите мне это имя, сеньор Паламед, и я закажу две обедни за упокой вашей души!

— Ступайте к черту! — крикнул идадьго, корчась с вытаращенными от боли глазами.

— Потихе, сеньор де Карпио, — отвечал граф, насмешливо, — вам не следует говорить так непочтительно о черте, которому вам придется представиться, и очень скоро. Поверьте мне, вам не следует с ним ссориться. Вы не хотите говорить? В таком случае, прощайте!

С этими словами граф повернулся и ушел, нисколько не заботясь об

идальго.

— Убит! — ревел последний, оставшись один. Быть убитым таким образом! Меня проткнули, как гусенка! О! От одной этой мысли можно сойти с ума, если даже я и не издохну! Все равно, — пробормотал он, минуту спустя, — удар замечательный! Дьявол! Как я, однако, страдаю.

— А... а... ах!. О, все кончено! — прохрипел он, наконец, все более и более слабеющим голосом, — к черту! Разбой!.. Я умираю... Покойной ночи!

Затем он опрокинулся навзничь, конвульсивно содрогнулся еще раз, два, три... закрыл глаза и уже больше не шевелился.

Он лишился чувств.

Глава XIV. ОТЪЕЗД

Граф де Виллье, выйдя из лесу, в ту же минуту как бы забыл презренного авантюриста, от которого он так легко освободился. Он теперь спешил по дороге в форт Дюкэн. Тем не менее, он, скорее инстинктивно, чем сознательно, беспокойными глазами окидывал всю дорогу встречавшиеся ему на пути кусты и кустарники. Руку он все время держал на эфесе шпаги и готов был в любую минуту выхватить ее из ножен.

Его заставило немного призадуматься двойное нападение, жертвой которого он чуть было не сделался. Все было совершенно ясно для него: заколотый им идалго поджидал его, чтобы затеять с ним ссору и затем убить его на поединке. Люди, прострелившие ему шляпу, были ни более ни менее, как убийцы, подстерегавшие его на дороге.

Но кто же мог так сильно желать его смерти?

Граф, насколько он помнил, никогда не имел врагов, он не сделал никому зла; к тому же он слишком недавно поселился в колонии, чтобы вызвать такую ненависть к себе.

Мысль о графине де Малеваль пришла, было, на мгновение ему в голову, но он сейчас же оттолкнул ее с негодованием так как положительно считал невозможным, чтобы любимая им некогда женщина, принадлежавшая, к тому же, к самому аристократическому обществу, стала бы злоумышлять на его жизнь только потому, что он отринул ее любовь.

Это было прямо-таки чудовищно, и он, по своим понятиям, не допускал даже и мысли о таком ужасном мщении со стороны женщины, с которой он вел только самую обыкновенную интрижку, прекратившуюся, как только связь их утратила для него всю прелесть новизны.

Кто же в таком случае был этот непримиримый враг? Может, ему мстит кто-нибудь из туземцев? Или же, может быть, удар шел со стороны англичан?

Граф де Виллье охотнее всего останавливался на последнем предположении. Англичане, убившие несколько дней тому назад таким гнусным образом его брата, графа де Жюмонвилля, само собой разумеется, должны были сильно желать освободиться и от мстителя. Но, поразмыслив хорошенько, он пришел к заключению, что подобное предположение неверно, и кончил тем, что расхохотался от души.

Могли ли знать англичане, что граф де Жюмонвилль имел брата? Скромное служебное положение графа де Виллье, его недавнее появление в

колонии, несмотря на все его мужество и безрассудную храбрость, не могли иметь в глазах англичан такого важного значения, чтобы представители британского правительства рисковали идти на такую крайность.

Молодой человек тщетно ломал себе голову над разрешением этой задачи. Ни малейший свет не освещал сумерек, окружавших смелое покушение, жертвой которого он чуть не сделался. Временами ему казалось, что все случившееся было не более как сон; но пробитая шляпа явно противоречила этому предположению. Измучившись, он кончил тем, что отказался от разьяснения тайны.

Он решил больше не думать об этом и предоставить все времени — этому великому осветителю всех тайн, которое, вероятно, откроет ему истину, когда он менее всего будет думать об этом происшествии.

Таково было настроение молодого человека, когда он дошел до гласисов крепости и встретил своего друга, Армана де Гриньи. Барон шел к нему навстречу. Молодые люди сошлись в нескольких шагах от крепостной калитки.

— Клянусь честью! — проговорил барон, пожимая руку графа, — не стыдно ли было вам, дорогой друг, уходить так, не скачав никому ни слова?

— Да вы спали сегодня так крепко, что я не решился будить вас.

— Вы тысячу раз не правы. Я здесь всего только какие-нибудь сутки и, следовательно, совершенно не знаю окрестностей. Поэтому я с удовольствием прошелся бы с вами по деревне, которую все очень хвалят, и это было тем более необходимо, что мы должны отправиться сегодня же вечером и для меня не может уже представиться в скором времени такого блестящего случая полюбоваться наиболее живописными местами Красивой реки. Вы эгоист, граф.

— Согласен, к тому же я чуть не поплатился слишком дорого за это.

— Что это значит? Неужели вам угрожала какая-нибудь опасность? Я рассердился бы на вас, если бы вы не дали мне возможности разделить ее вместе с вами. Вы знаете мою привязанность к вам.

— Да, друг мой, я действительно подвергался большой опасности, даже двум. Но не спешите бранить меня... выходя сегодня утром из дому, я ровно ничего не знал о том, что со мной случится. Моя прогулка должна была иметь совершенно миролюбивый характер. Я даже не подозревал такой трагической развязки.

— Вы страшно беспокоите меня: что же такое случилось с вами?

— Все произошло очень просто, друг мой. Прежде всего, в меня стреляли, как в мишень, так хорошо и удачно, что... видите! Какие

отверстия сделали пули в моей шляпе?

— Черт возьми! Так это серьезно, и, конечно, вы пристрелили убийц?

— Ничуть не бывало! Я их даже не видел; но, вместо их, когда я бежал в погоню за ними, я наткнулся на одного верзилу с лицом висельника, сидевшего под деревом. Этот субъект, я убежден, поджидал меня затем, чтобы прикончить на законном основании в том случае, если меня только ранят его товарищи. Я, впрочем, отлично разделался с ним.

— Но ведь это целая драма! Вы-то, надеюсь, по крайней мере, не ранены?

— У меня нет ни одной царапинки.

— Слава Богу! Что же произошло далее?

— А произошло то, что вышеупомянутый детина вытащил непомерно длинную шпагу и потребовал от меня удовлетворения.

— Удовлетворения, в чем?

— Во всех оскорблениях, какие я мог бы ему нанести, — отвечал со смехом граф.

— Хорошо. А затем?

— Затем, мы стали драться.

— И?..

— И, честное слово, я думаю, что моя шпага проколола его насквозь.

— Вы так думаете, очень рад это слышать. Он умер?

— По крайней мере, он, наверное, в очень плохом состоянии.

Говоря таким образом, молодые люди прошли через двор крепости и подошли к дверям своего дома.

Лоб молодого барона сильно нахмурился.

— Гм! — сказал он, — знаете ли вы, дорогой граф, что все это кажется мне великолепнейшей засадой.

— Я тоже так думаю.

— И, — простите, если я настаиваю на этом, — что сделали вы с этим негодяем?

— Что же мне с ним было делать? Я оставил его там... он хрипел, изрыгал проклятия и посылал свою душу к самому сатане, который, конечно, не замедлит воспользоваться случаем завладеть ею. Только, черт меня побери, если я знаю, на что она ему может понадобиться.

— Но вы, конечно, спрашивали этого субъекта, кто он таков?

— Мне незачем было делать этого: прежде, чем обнажить шпагу, он стал мне перечислять длинный ряд самых варварских имен. Этот идальго сказал мне, что его зовут дон Паламед Бернардо де Бивар и Карпио и потом он назвал себя еще капитаном.

— А каков он из себя? Не можете ли вы описать мне его наружность?

— Нет ничего легче. Высокий, черный, сухой, как пергамент, руки и ноги, как у паука, круглые глаза, нос, как у попугая, острый подбородок, рот до ушей и закрученные к самым глазам усы, а в дополнение ко всему этому держит себя, как испанский гранд.

— Черт! — вскричал барон, ударяя себя по лбу. — Было бы весьма любопытно, если бы этот тип вдруг оказался тем негодяем, которого я знаю!

— Кто же он такой?

— Довольно темная личность, занимающаяся скверными делишками, плут, картежник и забияка, которого я встречал раза два или три в Квебеке.

— Ну, если даже предположить, что это именно он, что же из этого следует?

— Извините, это должен быть именно он, — настаивал барон де Гриньи.

— Согласен. Дальше?

— Дальше? А знаете ли вы, где я его встретил в последний раз, милейший граф?

— Я жду, чтобы вы сказали мне это.

— Он выходил в ту минуту из дома графини де Малеваль, между десятью и одиннадцатью часами вечера, причем он, видимо, старался больше всего, чтобы его не узнали.

— Черт возьми!

— Вам понятно теперь, в чем тут дело, не правда ли?

— Да, совершенно ясно, тем более, что, судя по некоторым намекам этого негодяя, это несомненно, он. «Вот что значит, — сказал он мне, — когда вас слишком любят».

— Это, он, я готов поклясться в этом!

— Итак, вы думаете, что?..

— Клянусь честью! Что удар идет от графини де Малеваль; очаровательная дама просто-напросто хотела прирезать вас, как говаривал добряк король Карл IX.

— Но ведь это ужасно! Так ужасно, что я никак не могу еще поверить этому.

— А не говорил я вам разве то же самое и раньше? Граф повернулся и быстро направился к одному из выходов из крепости.

— Куда это вы собираетесь идти? — спросил барон, поспешно следуя за ним.

— Отыскать негодяя и, если он еще жив, допросить его и заставить

признаться во всем.

— Мысль недурна, только вы пойдете не один.

— Хорошо! Пойдем вместе.

— Подождите одну минуту, возьмем пистолеты, — неизвестно, что может случиться; мы не можем быть уверены, что негодяи, стрелявшие в вас, не засели снова в засаду.

— Вы правы, захватим оружие, но только надо спешить.

— Терпение, мой друг, — сказал барон. — Прежде всего мы должны принять все предосторожности. Дело это гораздо серьезнее, чем вы думаете, и потом с такими неумолимыми врагами нужно вести борьбу с крайней осмотрительностью. Идем!

Молодые люди вошли в дом, где их ждали Золотая Ветвь и Смелчак. При виде офицеров солдаты встали.

— Пока вы пойдете к полковнику де Контркеру проститься за себя и за меня, — сказал барон своему другу, — Золотая Ветвь приготовит ваш охотничий костюм. После прогулки нам совершенно бесполезно будет возвращаться в форт; по моему мнению, лучше всего было бы идти прямо к тому месту, где мы должны будем сесть в лодку. Согласны вы со мной?

— Я понимаю вас и совершенно с вами согласен; через несколько минут я вернусь.

С этими словами граф вышел из комнаты.

— Теперь, молодцы, — обратился барон к солдатам, — слушайте хорошенько; нам нельзя терять ни минуты. Вы оба славные парни; граф знает, что вы всей душой преданы ему и поэтому решил взять вас обоих вместе с нами в экспедицию. Осмотрите хорошенько и вычистите оружие и помните, что сегодня вечером вы оба вместе с вещами, которые мы берем с собой, должны быть в бухте Мариго, где нас в пироге будет ждать канадец Бержэ. Золотая Ветвь, вы ведь, кажется, знаете его?

— Да, капитан, — отвечал вестовой, — это превосходный человек.

— Там, в бухте, вы будете ожидать нашего прибытия.

— Слушаю, господин капитан, — в один голос ответили оба солдата.

— Да, я вот что еще хотел сказать вам, друзья мои: мы отправляемся в очень опасную экспедицию, и мне хотелось бы знать, насколько можно будет на вас положиться?

— Мы вам будем служить до последней капли крови, господин капитан!

— Хорошо! Дело кончено. Да, вот еще последнее приказание. Старайтесь, насколько возможно, выйти незамеченными из форта так, чтобы не возбудить ничьего внимания. Это очень и очень важно. По-моему,

вам не следует даже выходить из крепости вместе, а поодиночке, как будто каждый из вас отправляется по своему делу.

— Будьте покойны, капитан, — отвечал Смельчак, — мы с ним старые воробьи, нас тоже не скоро захватишь врасплох.

— Ну, теперь я сказал все, что хотел сказать. Прощайте, а вечером мы увидимся!

Во время разговора барон де Гриньи снял с себя мундир и заменил его несколько фантастическим костюмом, похожим на одеяние канадских охотников. Затем он осмотрел курки пистолетов и заткнул их за пояс. В это время отворилась дверь и вошел граф де Виллье.

— Ну? — спросил барон.

— Все устроено, — отвечал граф, — полковник де Контркер разрешил нам отправиться в отпуск, вручил мне инструкции и пожелал нам счастливого пути и успеха.

— Итак, все к лучшему.

— Да, и мы можем отправляться, как только пожелаем.

— Но, вы еще не совсем готовы.

— О, это займет всего несколько минут.

И на самом деле, граф де Виллье переодевался с такой быстротой, которая ясно говорила о его желании отправиться как можно скорей, и через пять минут он был уже совсем готов. Солдаты поджидали его.

— Вы ведь поняли, молодцы, что вам нужно делать? — спросил их на прощанье еще раз барон.

— Будьте спокойны, господин капитан, — отвечал с лукавой улыбкой Смельчак.

— Итак, сегодня вечером в бухте Мариго. Офицеры взяли охотничьи ружья и вышли из комнаты. Вскоре они достигли деревушки и тут прибавили шагу, желая, насколько возможно, наверстать время, потерянное на сборы в дорогу.

Молодые люди, обыкновенно такие веселые и беззаботные, смотрели теперь серьезно, почти мрачно; их не только пугало, что они не в силах будут исполнить то, за что они взялись, но они сознавали также, что ставят на карту все свое будущее и даже саму жизнь.

Принятая ими на себя задача была слишком важна и невольно заставляла их призадуматься и действовать с величайшей осторожностью. Удачное исполнение возложенного на них поручения занимало их гораздо больше, чем заботы о личной безопасности.

— Он, должно быть, теперь уже умер, — сказал граф, не перестававший думать о доне Паламеде.

— Кто ж его знает? — возразил барон. — Такие негодяи обыкновенно очень живучи. Во всяком случае, мы скоро узнаем, что случилось с этим субъектом. Вы хорошо помните место, где вы дрались? Я думаю, вам ведь нетрудно будет отыскать его?

— В случае надобности я мог бы найти его даже с закрытыми глазами.

Разговаривая таким образом, они быстро подвигались вперед и через полчаса достигли уже опушки леса.

— Мы должны повернуть сюда, — сказал граф, указывая пальцем на узкую тропинку, которая бежала, прихотливо извиваясь, вправо от них.

— Отлично, я вижу ее, остановимся и отдохнем здесь одну минуточку, а затем осторожно двинемся вперед. Зарядите ружья и наблюдайте за кустами, чтобы не дать негодьям подстрелить нас, как тетеревов. При малейшем подозрительном движении в чаще — стреляйте.

— Не беспокойтесь, на этот раз им уже не захватить меня врасплох.

Офицеры вошли в лес. В лесу было тихо и спокойно; не слышно было даже пения птиц, которые, забившись в густую листву, спали, подвернув голову под крыло. Так, впрочем, и всегда бывает в самую сильную жару. Сделав несколько поворотов, граф и его друг достигли довольно большой поляны, на которой не росло ни одного дерева.

— Здесь, — сказал граф.

— Никого нет, — отвечал барон, внимательно осматриваясь кругом, — ни живого, ни мертвого!

Поляна была пуста.

Тем не менее, здесь совершенно ясно были видны следы поединка, происшедшего всего какие-нибудь два часа тому назад, а большая лужа крови указывала и место, где лежал раненый или убитый идальго.

— Что это значит? — пробормотал граф.

— Не знаю, — отвечал его друг, пожимая плечами, это значит, что сообщники знаменитого идальго унесли его, вот и все. Теперь вот вопрос, умер он или жив? На это я пока не могу вам ответить.

— Начало нашей экспедиции ознаменовалось неудачей, и я вам могу сказать, наверное, только одно — сегодня мы ничего не узнаем.

Пока барон де Гриньи предавался этим размышлениям, граф вдруг нагнулся и с легким радостным криком сейчас же выпрямился.

— Наоборот, — вскричал он, показывая своему другу предмет, который держал в руке, — мы теперь все знаем. Посмотрите-ка на эту вещичку.

— Вензель графини де Малеваль! — проговорил с удивлением молодой человек, — я считал ее гораздо осторожнее.

— Вы мне сказали тогда правду, Арман, — все наши сомнения исчезли. Я теперь убежден, что моей смерти жаждала именно графиня.

— Очень рад слышать это! Теперь мы, по крайней мере, знаем, с кем имеем дело. Что же вы намерены делать?

— Ровно ничего. Разве можно мстить женщине, которую вы раньше любили... и которая, может быть, и теперь еще любит настолько, чтоб ненавидеть вас?

— Ба! — возразил барон, — все это одна пустая болтовня! В таких случаях рыцарские взгляды и понятия совершенно неуместны: графиня для вас больше уже не женщина, заметьте себе это раз навсегда. Это свирепый враг, который убьет вас без малейшего сожаления, если вы сами не сумеете отправить его раньше на тот свет.

— Пусть будет так, как Богу угодно, друг мой; но только у меня никогда не хватит мужества поднять руку на женщину, как бы она ни была виновна передо мной.

— Хорошо, я не буду настаивать, — отвечал хмуро молодой человек, — к тому же я уверен, что скоро вы заговорите совершенно иначе.

— Мое решение неизменно, — отвечал печально граф.

— Хорошо! Я вам уже сказал — не будем больше говорить об этом. Возьмите на всякий случай эту драгоценность, которая рано или поздно пригодится нам.

— Будем надеяться, что нет.

— А! Значит, вы думаете, что прекрасная дама ограничится этим? — Спросил с иронией барон.

— Да.

— Луи, дорогой мой Луи, вам, по моему мнению, никогда не следовало бы покидать будуаров и улиц Версаля.

— Почему?

— Там, если женщины и не очень добродетельны, то, по крайней мере, они не обращаются в гиен, жаждущих крови и мести.

— Графиня де Малеваль не станет возобновлять неудавшейся попытки, из-за которой уже была пролита кровь одного человека.

— Одного человека! Вы слишком добры, граф. Ноя говорил серьезно, и все сказанное мною я говорил как для себя, так и для вас. Кроме того, это послужит нам обоим хорошим уроком на будущее, если вздумаем заводить новые знакомства.

— Нечего сказать, хорошее будущее рисуете вы, Арман, — проговорил граф с принужденной улыбкой.

— Смерть вашего брата и устроенная вам сегодня западня — слишком

веские аргументы для того, чтобы я имел право не отказываться от своих слов. Однако нам нечего больше здесь делать, идем!

— Хорошо.

Они покинули поляну и направились к бухте Мариго. Не желая больше обсуждать происшедшие события, относительно которых у них были различные взгляды, офицеры весело стали болтать о всяком вздоре, который приходил им в голову. В назначенный час они достигли того места, где было условлено свидание с канадцем. Бержэ и Тонкий Слух ожидали их в пироге. Оба солдата, в одежде канадских колонистов и отлично вооруженные, курили трубки, любуясь заходящим солнцем.

Обменявшись несколькими словами, шесть человек сели в лодку. Наступила ночь.

В то время когда первая звездочка блеснула на небе, пирога отплыла уже от берега.

Глава XV. В ЗАМКЕ ДЕ МАЛЕВАЛЬ

Мы просим позволения у читателя вернуться назад, чтобы познакомить его с новой личностью, которой суждено играть очень видную роль в этом рассказе. То, что мы готовимся сообщить теперь, случилось за несколько дней до выхода из форта Дюкэна шести смельчаков, отправившихся в экспедицию по поручению командира форта. Мы приглашаем читателя оставить пока окрестности форта Дюкэна и последовать за нами на берега св. Лаврентия.

Река св. Лаврентия была названа так Жаком Картье, который первый поднялся вверх по ее течению в 1535 году. Река эта одна из самых величественных на свете, она пробегает расстояние в три тысячи километров. В том месте, где она впадает в залив того же названия, к западу от острова Антикости, между мысом Кошки и мысом горы Пелэ, ее средняя ширина равняется сорока километрам. У мыса Розье, где воды ее сливаются с водами Атлантического океана, оба ее берега находятся на расстоянии ста двадцати километров друг от друга. На две трети своего течения она судоходна даже для океанских пароходов. Никакое перо не в состоянии описать великолепия этой реки с живописнейшими берегами, очаровывающими глаз путешественника.

Некогда дикие и пустынные, берега реки св. Лаврентия в настоящее время резко изменили свой вид благодаря притоку колонистов, увеличивающемуся с каждым днем все более и более. Но в эпоху нашего рассказа по водам ее только изредка бесшумно скользили военные суда да индейские пироги. К числу многочисленных притоков реки св. Лаврентия принадлежит также и река Монморанси.

Река эта, весьма незначительная сама по себе, с извилистыми поворотами и с руслом, усеянным острыми скалами, пролагает себе путь в лесистой стране. В одном месте воды ее с шумом низвергаются вниз с высоты двухсот пятидесяти футов и образуют великолепный водопад Монморанси, с которым по красоте и величине не может сравниться даже знаменитый Ниагарский водопад. Выше водопада река имеет в ширину не более пятидесяти футов. Внизу вода скопляется в бассейне, образовавшемся в скале, — гигантском монолите, занимающем всю ширину водопада. По выходе из бассейна река катит свои волны по ровной поверхности и спокойно впадает в реку св. Лаврентия.

В эпоху нашего рассказа, прямо против водопада Монморанси, среди

зеленой равнины возвышался почти неприступный замок прекрасной архитектуры. Вокруг него шел глубокий ров.

Это почти феодальное жилище носило имя графа де Малеваль, построившего его двадцать лет тому назад. На основании жалованной грамоты короля граф де Малеваль получил его в потомственное владение.

В этом замке и поселилась графиня де Малеваль после того, как де Виллье покинул ее. Ничтожное расстояние между замком де Малеваль и Квебеком давало графине де Малеваль полную возможность бывать в городе так часто, как этого требовали ее дела и жажда развлечений. Но она, по-видимому, вовсе не интересовалась удобством сообщения с городом; ее единственным желанием было жить как можно уединеннее. Здесь, в этом неприступном замке, она могла считать себя в полной безопасности от любопытных взоров и назойливого шпионства досужих людей.

В этот именно замок мы и поведем читателя через неделю после поспешного отъезда графа Луи Кулон де Виллье в форт Дюкэн.

В одной из комнат, служившей будуаром, богато отделанной в стиле рококо, на кушетке сидела женщина. Напротив пылал огромный камин, и яркое пламя распространяло приятное тепло в очаровательном уголке.

Находившаяся в будуаре женщина была графиня де Малеваль. Она сидела, задумчиво опершись на руку, и на лице ее ясно выражалась скрытая и угрюмая печаль. Длинные, шелковистые, черные волосы, в беспорядке окружавшие ее лоб, еще резче оттеняли матовую белизну лица. Глаза молодой женщины, обведенные темными кругами, мрачно блестели из-под густых ресниц. Она поминутно с лихорадочным нетерпением взглядывала на циферблат часов, висевших над камином между двумя великолепными венецианскими зеркалами.

Часы пробили половину десятого. Графиня вздрогнула, затем она подошла к камину и стала заботливо поправлять свой туалет. В соседней комнате послышались легкие шаги, портьера приподнялась, и молоденькая горничная показалась на пороге.

— Ну? — спросила ее, не поворачиваясь, графиня, продолжая смотреться в зеркало.

— Он здесь, — отвечала служанка.

— Один?

— И да, и нет, сударыня.

— Как! Что это значит? — вскричала она, быстро поворачиваясь.

— Дело в том, сударыня, что он, действительно, пришел один; но, кажется, у дверей он встретился с другим господином и вошел вместе с ним.

— Вот как служат мне! — с гневом сказала графиня. — Несмотря на мое приказание, каждый может войти в мой дом! Объявите Жану, что я его увольняю от службы.

— Простите бедного Жана, сударыня, — осмелилась заступиться за виновного горничная, — если он и провинился в этом случае, то только от излишнего усердия.

— От излишнего усердия? Каким образом могло это случиться?

— Как я слышала, сударыня, другой человек настойчиво требовал, чтобы его впустили, и при этом сказал Жану, что всю ответственность за это он берет на себя и что как только его госпожа узнает, в чем дело и узнает его имя, то она не только не взыщет с Жана за послушание, но еще похвалит его и поблагодарит.

— Что это вы рассказываете мне, моя милая? Вы, конечно, шутите... Какой-нибудь волокита, или сумасшедший!

— О! Неужели, сударыня вы думаете, что я осмелюсь...

— Хорошо, довольно! перебила ее графиня сердито. — Скажите же мне лучше имя человека, которое должно произвести такое чудо.

— Я его не знаю, сударыня, но, кажется, он написал его вот в этой записной книжке.

— Давайте же мне ее поскорей вместо того, чтобы болтать попусту!

Молодая девушка дрожащими руками подала графине красивую записную книжку с золотым обрезом.

Графиня не взяла, а почти вырвала ее из рук горничной и с жестом нетерпения раскрыла ее.

Вдруг она громко вскрикнула от удивления и захлопнула книжку.

— Жюли, — сказала она, тщетно пытаясь скрыть свое волнение, — просите сюда этого господина.

— Слушаюсь. А как же насчет Жана?

— При чем же тут Жан?

— Значит, госпожа прощает его? Графиня улыбнулась, а затем, ответила:

— Жан — хороший слуга, умный и преданный; он поступил так, как и следовало поступить.

— О! Как вы добры, сударыня! — воскликнула Жюли с сияющим от радости лицом.

Жюли, видимо, очень интересовалась судьбой Жана.

Затем горничная повернулась и пошла к двери, но на пороге снова остановилась и вскричала:

— Ах!

— Что там еще такое случилось? — спросила графиня.

— А как же быть с тем господином, который пришел по приглашению госпожи? Что сказать ему?

— Пусть он подождет!

Горничная вышла, удивляясь про себя странным причудам своей барыни.

— Что заставило ее приехать сюда? — прошептала графиня, оставшись одна. — Кого это так неожиданно посылает мне судьба — друга или недруга? Через десять минут я все узнаю во что бы то ни стало!

Портьера снова приподнялась, и в будуар вошел человек, о котором докладывала горничная. Широкополая шляпа была надвинута по самые глаза, а широкий плащ совершенно скрывал его фигуру.

Незнакомец почтительно поклонился графине, но не тронулся с места пока по знаку своей барыни, горничная не вышла из комнаты, опустив портьеру и заперев за собой дверь.

Тогда незнакомец быстро сбросил плащ, далеко отшвырнул шляпу и кинулся к графине, протянувшей ему свои руки, и с минуту они крепко прижимали к груди друг друга. Когда шляпа упала на пол, под ней оказалась прелестная головка молодой женщины, лет двадцати двух, не больше; великолепные белокурые волосы шелковистыми волнами окаймляли ее красивое личико и в беспорядке рассыпались по плечам.

Высокая, тонкая, прекрасно сложенная, эта женщина, видимо, не чувствовала никакого стеснения в мужском костюме, которым ей заблагорассудилось заменить свойственную ее полу одежду; если бы не нежность и не правильность черт, тонкость кожи и совершенно женская грация, она смело могла бы сойти за восемнадцатилетнего юношу.

Молодые женщины долго и нежно обнимались и целовались, прежде чем начать разговор. Наконец, графиня освободилась от пылких объятий своей приятельницы и заставила ее сесть рядом с собой на кушетку.

— Прежде всего согрейся, — сказала она, — ты, наверное, очень озябла. Не позвать ли сначала горничную? Может быть, ты голодна или хочешь пить?

— И то, и другое, и третье: я озябла, вся разбита от усталости и умираю от голода... Но не обращай на меня внимания.

Графиня сделала движение подняться, но гостя остановила ее.

— Куда ты идешь? — спросила она графиню.

— Позвонить и приказать принести тебе чего-нибудь поесть. Мы вместе поужинаем. Спрашивая тебя, не голодна ли ты, я вспомнила, что сама тоже не обедала сегодня, и теперь мне страшно хочется есть.

— Одну минуту! Ты уверена в своих людях?

— К чему этот вопрос?

— Я спрашиваю это потому, что мое присутствие должно остаться тайной.

— Но ты требуешь от меня невозможного; многие из моих людей видели, как ты вошла в мой дом.

— Прости, мой друг, они видели какого-то неизвестного господина; но никто из них не знает, что этот господин — маркиза Леона де Буа-Траси.

— Правда. Ты хочешь, чтобы никто не знал о твоём присутствии здесь?

— Да. Для меня очень важно, чтобы никто даже и не подозревал, что я нахожусь в этой стране.

— Будь спокойна; мои люди преданы мне, хотя, может быть, и не из одной привязанности, а, главным образом, из-за того, что им хорошо живется у меня. Что же касается Жюли, она — дочь моей кормилицы: за нее я ручаюсь.

— Вот я и успокоилась, а теперь позвони.

— Что все это значит? — спросила с любопытством графиня.

— Ты это скоро узнаешь; я приехала с тем, чтобы все рассказать тебе.

— А давно ли ты приехала в Квебек?

— Я там сегодня с полудня. Как видишь, я не теряю даром времени. Высадившись на берег, я приказала отнести мой багаж чуть ли не в самую плохую гостиницу нижнего города, а сама принялась ловко расспрашивать про тебя; мне сказали, что ты живешь совершенно одиноко в этом замке. Тогда я взяла проводника и явилась сюда.

— Ну, а где же этот проводник? Каков он из себя?

— О! Это страшный самохвал, с пьяной рожей висельника;

он считает себя джентльменом, а на самом деле, он, должно быть, ужасный разбойник. Он одновременно со мной находился в гостинице и выразил намерение идти сюда. Я предложила ему проводить меня, разумеется, за плату; он принял мое предложение, и мы пришли вместе. Вот и все. Только я не уверена, что он не узнал меня, несмотря на переодевание. Он даже раза два или три позволил себе пошутить по этому поводу.

— Прекрасно! Теперь я знаю, кто это: это — капитан Паламед; он состоит у меня на службе... это субъект, бравшийся за все ремесла, кроме ремесла честного человека, как мне кажется. Он негодяй большой руки и давно заслуживает виселицы. Я приказала ему явиться сегодня вечером.

— Он здесь.

— Да. Но узнал он тебя или нет, это ровно ничего не значит. За деньги он будет нем, как рыба.

— В таком случае, все к лучшему, и ты можешь позвать свою камеристку.

Графиня позвонила.

Горничная явилась немедленно. Она не могла скрыть своего удивления, когда увидела, что незнакомец, которого она ввела к своей госпоже, оказался женщиной.

— Жюли, — обратилась к ней графиня де Малеваль, — я воспитала вас и всегда заботилась о вас: я думаю, вы мне преданы.

— О, барыня! Неужели вы еще сомневаетесь в этом? — отвечала глубоко взволнованная молодая девушка.

— Нет, дитя мое, поэтому я и хочу испытать тебя... Присутствие этой дамы должно быть скрыто от остальной прислуги, одним словом, это должно остаться тайной для всех. Запомните же хорошенько, что незнакомец, прибывший сегодня вечером, не кто иной, как виконт Леон де Ростэн, мой племянник. Это не может возбудить ни в ком подозрения, — прибавила графиня, обращаясь к приятельнице, — потому что я и в самом деле ждала племянника, но серьезная болезнь задержала его в Монреале, по крайней мере, еще на месяц. Я узнала об этом из полученного сегодня письма.

— Вот что хорошо, то хорошо! — сказала, улыбаясь, маркиза. — Через месяц он может выздороветь.

— Вы меня поняли, моя милая, не правда ли? — продолжала графиня. — Мы желаем сохранить все это в тайне.

— О! Не беспокойтесь, барыня, я скорее умру, чем скажу хоть одно слово.

— Теперь принесите сюда, как можно скорее, нам поужинать.

— Слушаюсь, сударыня, но... другой господин ожидает приказаний графини.

— Это правда, я и забыла о нем. Скажите ему, что я не могу принять его сегодня вечером. Пусть его накормят, если он голоден, и отведут ему комнату на ночь, а завтра утром я поговорю с ним.

— Слушаюсь, барыня.

— Кстати, вы приготовите для этой дамы постель в моей комнате. Теперь можете идти, Жюли.

Горничная торопливо отправилась исполнять приказания своей госпожи.

Глава XVI. РАССКАЗ ЛЕОНЫ

Через несколько минут, благодаря расторопной горничной графини де Малеваль, в будуаре, на маленьком столике перед камином, был уже сервирован импровизированный ужин.

Обе женщины весело сели за стол и, с аппетитом принялись ужинать. Жюли так ловко служила им, что ее присутствие не было почти заметно. Во время ужина гостя и владетельница замка де Малеваль вели оживленный разговор, причем они касались самых обыкновенных предметов. Они знали, что Жюли не предаст их, но, несмотря на это, не считали возможным посвящать ее в свои тайны.

Графиня де Малеваль с деланно равнодушным видом, не желая придавать своему вопросу особенного значения, спросила горничную, что сказал капитан, услышав переданный ему ответ.

— Да ничего особенного, барыня, он был даже очень рад, — отвечала камеристка. — Сеньора капитана отвели в комнату, где был приготовлен ужин и постель; он с гримасой удовольствия посмотрел на постель и почтительно поклонился столу.

— Хорошо, ну, а дальше?

— Затем его милость, поглощая вино, как губка, и уничтожая кушанья, как людоед, сказал, что он всегда к услугам госпожи графини.

— Это что-нибудь да значит.

— Затем он прибавил, — продолжала Жюли, — что, если его всегда будут принимать так, то графиня может несколько не стесняться с ним: он будет ждать ее приказаний так долго, как это она найдет нужным.

Молодые женщины немного посмеялись над такой покорностью авантюриста.

Ужин подходил к концу. Сгорая нетерпением поскорее остаться наедине, графиня приказала Жюли убрать со стола, и Жюли, несмотря на желание послушать рассказ подруги своей госпожи, скромно удалилась из комнаты, унося с собою и столик.

Графиня де Малеваль и ее приятельница остались одни. В это время было одиннадцать часов вечера. На дворе уже несколько минут бушевал сильный ветер, дождь хлестал в окна; рев урагана сливался с мрачным завыванием водопада Монморанси. Молодые женщины сели в бархатные кресла по бокам камина, куда подбросили дров; затем, убедившись, что им никто не может помешать, они сделались серьезными и, казалось, на

некоторое время погрузились в свои думы.

Графиня де Малеваль, наконец, подняла голову и, обращаясь к своей приятельнице, сказала:

— Мы теперь одни, Леона, и я готова выслушать обещанное тобой признание.

— Милая Камилла, — отвечала та, которую называли Леоной, печально глядя на графиню де Малеваль, — признание это будет длинное. Я должна рассказать тебе всю свою жизнь, чтобы тебе стали понятны причины странного, на первый взгляд, решения — бросить Францию, покинуть двор и переплыть через океан, чтобы попасть в эту страну; я не сомневаюсь в твоей дружбе, но я не уверена, что ты выслушаешь до конца мою длинную и печальную повесть.

— Как тебе не стыдно говорить это, Леона? ты — мой самый искренний друг, подруга детства, которую я люблю, как сестру, — отвечала графиня, тоном нежного упрека.

— Прости меня, дорогая Камилла, я вижу, что я была неправа; но, если бы ты знала, как я страдала и как я страдаю еще и теперь.

— Говори, я слушаю. Ночь еще только наступает, и нам никто не помешает говорить, а так как твое признание тяжелым камнем лежит у тебя на сердце, то лучше всего покончить с ним сейчас же. Тогда мы уже вдвоем понесем тяжелое бремя.

— Это мое самое сильное желание с момента моего приезда в Квебек, я потому и спешила так повидаться с тобою, что хотела на твоей груди выплакать свое горе и попросить у тебя совета, в чем, я убеждена, ты не откажешь мне.

— Я отдаю себя в твое полное распоряжение и исполню все, что ты потребуешь от меня, дорогая Леона; я также невыразимо страдаю и нуждаюсь в дружеском сердце, которое утешило бы меня и придало бы мне мужества, чего по временам, увы, совершенно недостает мне, — проговорила графиня, с подавленным вздохом.

Леона с удивлением взглянула на свою приятельницу.

— Ты несчастна, Камилла? — вскричала она. — О! это невозможно!

— А почему же нет? — спросила с печальной улыбкой Камилла.

— Как! Ты — молодая, красавица, свободная! Ты...

— Да, — прервала графиня взволнованным голосом, — я обладаю всем этим и, несмотря на это, я несчастна, повторяю тебе еще раз; но сначала мы поговорим о тебе. Моя исповедь может и подождать немного, хотя ты непременно должна узнать ее; тогда ты увидишь, имела ли я право считать себя несчастной, даже, может быть, еще более несчастной, чем ты,

бедная крошка... ты тоже красива, молода и... Но довольно толковать об этом, рассказывай, я слушаю тебя и постараюсь утешить, если только это возможно.

— Благодарю, выслушай же меня. Я не стану распространяться о древности и знатности моего рода, ты его знаешь так же хорошо, как и я, потому что мы с тобой родственницы. Достаточно будет упомянуть, что это самый могущественный и самый знатный род в Пуатье. Мой отец, герцог де Борегар, жил в последние годы царствования великого короля; он слыл самым элегантным джентльменом той эпохи. По смерти Людовика XIV он оставил двор и переехал в свои поместья, чтобы, насколько возможно, поправить свои дела, сильно пошатнувшиеся от широкой жизни, к которой его принуждало пребывание в Версале. В то время мой отец был еще довольно молод: ему только что исполнилось тридцать лет. В поместье Борегар он провел всего только несколько недель, а затем, собрав насколько возможно больше денег со своих вассалов и условившись с управляющим о дальнейшей высылке денег, он снова возвратился в Париж, куда его звал регент. Прошло несколько лет; герцог Орлеанский умер, и место его занял герцог Бурбонский. В один прекрасный день, вассалы де Борегара, которые уже давным-давно отказались от надежды увидеть своего владыку, были сильно удивлены, узнав, что он не только вернулся в замок предков, но и решил поселиться в нем навсегда; герцог объявил, что с этого времени он никогда уже больше не покинет своих поместий. Герцог привез с собой очаровательную молодую женщину, лет девятнадцати, не больше, дочь графа де Коммерси, на которой он женился год тому назад в Париже. Герцогиня была беременна; месяц спустя после приезда в замок она разрешилась сыном, которого назвали Филипп — Гастон.

— Твой старший брат, — заметила графиня.

— Да, — отвечала ее приятельница, — ты его помнишь?

— Бедняга Гастон! — сказала, вздохнув, графиня, — какая ужасная смерть.

— Еще более ужасная, чем ты предполагаешь. Обстоятельства, вызвавшие эту смерть, никогда не были достоверно известны; моя семья замяла это дело. Скоро ты узнаешь, как это произошло на самом деле, тем более, что никто никогда не знал правды.

— Что ты хочешь сказать?

— Прошу тебя, позволь мне продолжать. Если ты станешь прерывать меня, я не ручаюсь, что буду в силах довести до конца мой рассказ.

Графиня молча наклонила голову.

Несколько минут спустя рассказчица продолжала снова:

— Рождение моего брата привело в сильнейший восторг моего отца. Наконец-то у него был наследник. В 1727 году кардинал Флери был назначен первым министром вместо герцога Бурбонского. Кардинал от имени короля поздравил моего отца и прислал его сыну патент на чин полковника. Герцог был наверху блаженства — все ему улыбалось. Благодаря браку он привел в прежнее цветущее состояние свои дела, сильно расстроенные излишествами бурно проведенной молодости. Итак, мой отец, уверенный в милости короля и в поддержке всемогущего первого министра, считал свое будущее совершенно безоблачным. Сыну герцога минуло семь лет; из рук нянюшек он перешел в руки гувернера, чтобы серьезно заняться науками. В это время герцогиня, к величайшей досаде моего отца, забеременела во второй раз. Роды были трудные. Она произвела на свет такую хилую, слабенькую девочку, что врачи объявили ее не жилицей на белом свете.

— О! Эти доктора, — сказала с иронической улыбкой графиня де Малеваль. Леона продолжала:

— Девочку поспешили окрестить и назвали Леона-Адель-Люси.

— И ты служишь живым опровержением их мрачных предсказаний.

— Да, совершенно справедливо, милая Камилла. Через две недели после моего рождения мать моя умерла, вследствие простуды, от послеродовой горячки. Ее смерть была моим приговором, осуждавшим меня вести самое печальное существование. Герцог обожал свою жену. Горю его не было пределов, отчаяние его было велико. Целых два месяца он провел, запершись в своей комнате, печальный, угрюмый, в полном отчаянии, отказываясь видеть своих самых близких друзей.

— Я понимаю это, — заметила Камилла, — иногда горе бывает так велико, что только одно уединение может принести облегчение. Продолжай.

— Я же, невольная причина смерти моей матери, должна была перенести на себе все последствия этого невольного преступления. Я сделалась предметом ненависти для герцога. По его приказанию, меня не только удалили из замка Борегар, но дошли даже до того, что сослали меня бедную в хижину крестьянки, которая должна была стать моей кормилицей. Таким образом, я воспитывалась вдали от отца, причем он нисколько не заботился обо мне или, по-видимому, совершенно забыл о моем существовании. Я должна признаться, что изгнание из семьи не было нисколько неприятно для меня. Обожаемая воспитавшими меня бедными крестьянами, беспрекословно исполнявшими все мои желания, я, в действительности, была очень счастлива, а благодаря постоянному беганью

по горам и долинам я сделалась сильной и смелой. Одним словом, я жила как птица, не заботясь о будущем и наслаждаясь настоящим, казавшимся мне таким прекрасным и восхитительным. Таким образом, я достигла восьми лет и благодаря той жизни, какую я вела, я ни разу не была больна ни одной детской болезнью; словом, выражаясь несколько тривиальным языком моей кормилицы, «я росла, как настоящий шампиньон», я целые дни распевала, как жаворонок, и дралась, как настоящий мальчишка. Однажды в нашу хижину вошел старый аббат, которого я никогда не видела, и спросил меня; в это время я играла со своими однолетками, которых я очень любила. Кормилица позвала меня и, обмыв, подвела к аббату. Кольман, так звали этого господина, сказал мне, что мой отец поручил ему научить меня читать и писать и т. д. Несколько месяцев спустя к нему присоединился новый учитель: это была женщина средних лет с кротким и интеллигентным лицом, к которой я с первой же минуты знакомства почувствовала сильное влечение. Ей было поручено научить меня шить, вязать, рисовать и вышивать.

Воспитавшие меня крестьяне благодаря деньгам, которые присылал им мой отец, перестроили свою хижину, прикупили земли, скота, и из бедняков, какими они были раньше, обратились незаметно в зажиточных фермеров; их дети пользовались даваемыми мне уроками, на которых, конечно, они присутствовали бесплатно. В эту семью, члены которой готовы были убить себя по одному моему жесту, вместе со мной вошло счастье.

Они и любили и уважали меня и я могу прибавить — смотрели на меня, как на своего доброго гения. В настоящее время Пьер, старший сын, — богатый землевладелец; Жанна, моя молочная сестра, — замужем за богатым фермером, а Андрэ, самый младший, ни за что не хотел оставить меня. Когда я объявила ему о своем желании отправиться в Новую Францию, он все бросил, чтобы последовать за мной, несмотря на все мои усилия отговорить его от этого намерения. Я рассказываю тебе все это только потому, что я не знаю сама, отчего испытываю тихую и чистую радость при воспоминании счастливого времени моего детства, когда все окружающие, за исключением моих родных, обожали меня; прошу извинения за эти подробности, которые должны казаться тебе слишком пустыми, но...

— Напротив, дорогая моя, это приятные и сладкие воспоминания; я понимаю, как они должны быть дороги твоему сердцу, особенно же теперь, когда на тебя обрушилось несчастье.

— Какая ты добрая, моя дорогая Камилла, благодарю тебя, — отвечала

Леона, крепко обнимая ее.

Графиня, в свою очередь, крепко поцеловала Леону. Затем маркиза де Буа-Траси продолжала свой рассказ:

— Как видишь, моя дорогая, мой отец дал мне все, что я могла от него требовать, но он не любил меня, как я уже тебе говорила. Он заботился о моем воспитании, заботился о том, чтобы мне хорошо жилось у крестьян, но, тем не менее, он упорно держал меня вдали от себя. Я с самого появления своего на свет ни разу не видела ни его, ни моего старшего брата, — словом, никого из моей семьи.

Наконец, мне исполнилось тринадцать лет. Я была высока ростом, стройна, имела прекрасное здоровье. Я жила так же, как и мои молочные братья: бегала по полям, то одна, то вместе с ними; я стерегла стадо и принимала участие в полевых работах.

Однажды, около трех часов после полудня, я возвращалась домой; утром я ходила навещать бедную больную женщину, жившую почти в двух милях от фермы и, возвращаясь от нее домой, шла по узенькой тропинке между высокими изгородями, какие часто попадаются в нашей стране. Я была уже не больше, как в нескольких сотнях шагов от дома, как вдруг услышала позади себя стук копыт. Я машинально обернулась, надеясь увидеть арендатора моего молочного отца. Но я ошиблась; быстро приближавшийся всадник был красивый молодой человек лет восемнадцати-девятнадцати, он был одет в охотничий костюм и ехал на великолепной рыжей лошади, которой он управлял с неподражаемой грацией

По пути он сбивал листья с деревьев своим хлыстиком с серебряной ручкой и с видом некоторого замешательства оглядывался кругом. Увидев меня, он радостно вскрикнул и, прищпорив лошадь, направился ко мне. Я поняла, что он хочет заговорить со мною, и приостановилась. Всадник через минуту подъехал ко мне и натянул поводья своего скакуна.

— Прелестное дитя, — сказал он с прояснившимся лицом, слегка дотрагиваясь рукой до шляпы, — вы, конечно, здешняя?

Я почувствовала, что краснею при этом вопросе, а, между тем, в нем не было ничего необыкновенного.

— Да, сударь, — отвечала я, опуская глаза.

Взгляд молодого человека не отрывался от меня и наполнял меня смущением.

— Великий Боже! — вскричал он весело, — очаровательное создание! Я могу поздравить моего друга маркиза де Борегар. Если все его подданные походят на эту девушку, то, клянусь честным словом дворянина, он должен

быть самым счастливым человеком!

Хотя эти слова были произнесены не особенно громко, я не могла не слышать их. Они оскорбили меня. Незнакомец, введенный в заблуждение моим скромным платьем, принимал меня за крестьянку. Я тихонько улыбнулась и решила отомстить ему за это и немного потешиться над ним.

— Что вам угодно, сударь? — отвечала я ему, принимая смиренный вид, который вполне поддерживал его заблуждение.

— Просто-напросто узнать кое-что, моя очаровательная девочка, — отвечал он весело.

— Что же вам нужно знать?

— Я не знаю этой местности. Маркиз де Борегар пригласил меня на большую охоту с борзыми, которая должна быть завтра, но я имел неосторожность позабыть данные мне указания насчет дороги в замок Борегар и, благодаря этому, заблудился. Выехав сегодня утром из моего замка, находящегося в пяти или шести милях от поместья моего друга, я очень скоро сбился с дороги и, не встретив вас, я, пожалуй, должен был бы отказаться от мысли попасть сегодня в замок.

Эти признания были произнесены таким трагикомическим тоном, что мне самой захотелось ответить ему в том же духе и, честное слово, я вдруг разразилась веселым хохотом прямо в лицо молодому человеку.

Последний стал весело вторить мне. Я должна отдать ему справедливость, — он ни одной минуты не имел вида рассердившегося человека.

— Честное слово! Красавица моя, — сказал он мне, перестав наконец смеяться, — вы очень жестокая особа и в вас нет ни капли сострадания! Я рассказываю вам печальную историю, а вы, вместо того, чтобы пожалеть меня как следует, насмехаетесь надо мною!

— Я виновата, сударь, — отвечала я, делая реверанс, — но дело уже не так плохо, как вы думаете, и, если вы последуете за мной, надеюсь, что не больше как через пять минут я вас избавлю от опасности и вы будете на верной дороге.

— Насмешница, — отвечал он улыбаясь, — час от часу не легче. Ну, да мне не из чего выбирать! Идем, маленькая шалунья.. Честное слово дворянина! Я готов следовать за вами даже в ад.

— Я не поведу вас так далеко, — отвечала я в том же тоне. И, повернувшись к нему спиной, пошла впереди, а он ехал за мной.

Дорогой мы продолжали разговаривать, причем он все еще принимал меня за крестьянку, а я старалась поддержать в нем это заблуждение.

Узкая дорога, по которой мы отправились, выходила как раз против

фермы. Я остановилась перед дверью.

— Неужели мы уже на месте? — спросил он меня. — Было бы очень жаль.

— Я пришла домой, — отвечала я ему, показывая на постройки фермы моей кормилицы, находившейся всего в нескольких шагах от меня. — А вы, сударь, поезжайте все прямо;

когда вы будете на вершине этого холма, вы увидите не более как в полутора милях от вас замок Борегар.

— Благодарю, дитя мое! — сказал он, наклонившись на седле, чтобы обнять меня. — Один только поцелуй этих коралловых губок, и до свиданья!

Я испуганно отскочила в сторону, и ею попытка не увенчалась успехом.

— А! Маленькая дикарка! — воскликнул он с недовольным видом, — по крайней мере, скажите мне хоть свое имя.

— Зачем?

— Чтобы сохранить о нем драгоценное воспоминание в моем сердце.

Я покачала головою.

— Вы, конечно, блестящий придворный кавалер, — отвечала я ему, — и поэтому вам незачем интересоваться моим именем.

— Может быть, — возразил он, видимо, раздраженный моим упрямством. — Впрочем, я, пожалуй, первый подам пример и скажу вам свое имя; когда вы его узнаете, надеюсь, вы не откажетесь сказать мне ваше. Я — барон Арман де Гриньи.

И он грациозно поклонился мне.

— Друг маркиза де Борегар?

— Да.

— Хорошо, господин барон, — сказала я ему совершенно серьезно, — когда вы увидите вашего друга, вы можете сказать ему, что вам помогла выйти из беды его сестра Леона де Борегар.

И, воспользовавшись замешательством молодого человека, я одним прыжком вскочила в дом и заперла за собой дверь.

Затем я побежала в свою комнату и заперлась там на тройной замок, после чего уже подошла к окошку и слегка приподняла занавеску. Всадник все еще не трогался с места; он, по-видимому, никак не мог прийти в себя от всего случившегося. Мои слова буквально ошеломили его. Наконец, он быстро поднял голову и повернулся лицом к ферме. Лицо его было бледно и взволновано. Подумав несколько минут, он, казалось, принял какое-то решение, и, пришпорив лошадь, как вихрь понесся вперед. Я долго следила

глазами за этой бешеной скачкой. Затем занавеска моею окна опустилась.

Я принялась плакать, сама не зная почему, и в то же время мне было так хорошо одной в комнате, где я, замечу кстати, просидела взаперти весь этот день. Я мечтала

О чем?

Тогда я не сумела бы ответить, а теперь я жалею, что слишком хорошо знаю, о чем я мечтала тогда.

Леона замолчала.

Ее приятельница предоставила ей полную свободу погрузиться на некоторое время в прошлое, воспоминание о котором так глубоко запечатлелось у нее в сердце.

Пробило два часа. Снаружи ураган свирепствовал, казалось, еще с большей силой. Графиня де Малеваль, до сих пор с величайшим вниманием слушавшая рассказ подруги своего детства, держала ее руки в своих и когда почувствовала, что та ослабла, стала нежно целовать их и тихим и сочувствующим голосом прошептала:

— Мужайся!

На этот раз Леона, казалось, была близка к обмороку.

С полузакрытыми глазами, с беспомощно запрокинутой назад головой, с побледневшим осунувшимся лицом, она не шевелилась и сидела, как мраморная статуя.

Графиня, сильно напуганная состоянием своей приятельницы, решила, что ей необходимо дать чего-нибудь возбуждающего; она поднялась с места и выпустила ее руки.

— Куда ты идешь? — спросила Леона тихим и едва внятным голосом.

— Взять флакон с эфиром, — отвечала Камилла.

— Нет, это бесполезно, я чувствую себя лучше, благодарю.

— Может быть, тебе было бы лучше прилечь отдохнуть немножко? Ты, должно быть, страшно измучена.

— Нет, я должна сегодня же ночью окончить мой рассказ, друг мой; если я не сделаю этого сегодня, я уже не в силах буду продолжать его потом.

— Да, ты права, мой друг, лучше покончить с этим раз и навсегда, — сказала графиня, обнимая ее.

Прошло еще несколько минут. Молодая женщина превозмогла свою временную слабость. Лихорадочная краска залила ее лицо, и кровообращение восстановилось. Затем она продолжала свой рассказ слабым, дрожащим голосом, который, впрочем, постепенно становился все тверже.

— Я остановилась, дорогая, потому, что дошла до конца счастливого периода моей жизни. Я без содрогания не могу приступить к описанию обрушившихся на меня несчастий. Ты должна понять, Камилла, что чистые и тихие воспоминания детства еще сильнее заставили меня почувствовать всю горечь моего настоящего положения.

Прошло две недели с того утра, как я так случайно повстречала г. де Гриньи. Я не видела его больше.

Никто не говорил мне о нем, а я не смела расспрашивать окружающих меня крестьян.

Необъяснимое чувство стыдливости сковывало мне уста каждый раз, когда я хотела произнести его имя.

Встреча с ним много способствовала моему преждевременному развитию, я из ребенка как-то незаметно превратилась в женщину.

Однажды утром, блестящая позолотой карета, запряженная четверкой гнедых коней, остановилась перед дверью фермы.

Один из лакеев, стоявших на запятках, спрыгнул на землю и отворил дверцу кареты.

При виде кареты мой молочный отец, его жена и дети бросились вон из комнаты и почтительно выстроились все перед фермой. А я спряталась в своей комнате и смотрела из-за занавески. Я чувствовала какую-то тоску и беспокойство; мрачные предчувствия волновали меня, и я была убеждена, что в моей жизни должна произойти большая перемена.

Из кареты вышел господин средних лет с величественными чертами лица, с благородной и элегантной осанкой, обнаруживавшей высокопоставленное лицо. Господин этот ласково ответил на почтительные поклоны семьи моего молочного отца и вошел в дом.

Сердце хотело выпрыгнуть у меня из груди, я была бледна и дрожала; я никогда не видела отца, а между тем, при виде этого богатого джентльмена с широкими орденскими лентами, перед которым все так низко кланялись, я узнала в нем своего отца.

Я слышала, что кто-то быстро поднимался по лестнице, которая вела ко мне в комнату, и затем тихонько постучался в дверь.

— Кто там? — спросила я, опираясь на стул: я почувствовала вдруг такую сильную слабость, что едва держалась на ногах.

— Отворите барышня, — отвечал голос моей кормилицы, — отворяйте поскорей.

Я отворила. Моя кормилица почтительно отступила в сторону, давая дорогу следовавшему за ней незнакомцу. И вот неизвестный мне господин, который минуто тому назад вышел из кареты, вступил в мою комнату. При

виде его какое-то необъяснимое чувство бросило меня к нему, я упала к нему в ноги, схватила его руки, покрывала их поцелуями и, захлебываясь от слез повторяла:

— Отец! Отец!

Герцог де Борегар — это действительно был он — ласково поднял меня с колен, с глазами полными слез одну минуту смотрел он на меня, а затем крепко прижал меня к груди.

— Наконец-то! Дочь моя! — вскричал он с нежностью и с такой радостью, что я разразилась еще большими рыданиями, хотя в то же время я никогда не чувствовала себя счастливее.

Герцог преодолел свое волнение и подвел меня к креслу.

— Сядьте, мадемуазель, — сказал он кротко, — вы должны оправиться от этого, действительно, неожиданного сюрприза, который я сделал вам.

Он приказал удалиться моей кормилице и сел рядом. Несколько минут отец молча смотрел на меня. Лицо его было бледно; слезы медленно текли по его щекам, а он и не думал их скрывать.

— Как похожа она на мать! — прошептал он с глубоким вздохом.

Я с улыбкой смотрела на него; лицо его сделалось бледно и строго.

Увы! Это размышление, вместо того, чтобы послужить в мою пользу, только повредило мне: оно вновь пробудило в нем сожаление о понесенной им утрате и вновь возбудило в нем антипатию ко мне.

— Вы видите меня в первый раз, — начал он ледяным тоном. — Кто вам сказал, что я ваш отец?

— Мое сердце, — взволнованно отвечала я.

С минуту длилось молчание. Я дрожала как в лихорадке.

— Дочь моя, — продолжал он, подавляя вздох, — по причинам, которые вы узнаете позже, мне нужно было удалить вас от себя. В настоящее время, — прибавил он печально, — этих причин не существует уже больше. Я решил сам приехать за вами, чтобы вернуть вас в то общество и дать вам то положение, на которое вы имеете право благодаря вашему имени и рождению. Приготовьтесь следовать за мною, но не в замок, а в монастырь, где вы должны закончить свое образование, на которое, к сожалению, до сих пор не было обращено должного внимания. Мы скоро отправимся.

— Сейчас, милостивый государь? — прошептала я. Мой отец кротко улыбнулся.

— Нет, дочь моя, — отвечал он, — я не хочу увозить вас так... Я вам даю два часа времени, чтобы вы могли проститься с теми, которых вы любите и которые заботились о вас в детстве; я не хотел бы, чтобы вы

показали себя неблагодарной по отношению к ним. Они были добры к вам, любили вас, как свое дитя, и вы должны поблагодарить их. Идите, я вам даю на это целых два часа, а сам пока побеседую с вашими воспитателями и постараюсь отблагодарить их по заслугам.

Я хотела снова поцеловать руку отца, но он привлек меня к себе и крепко обнял, а затем отворил дверь. Я убежала так быстро и так легко, точно у меня за спиной были крылья.

Куда я шла? Этого я и сама не знала. Я повиновалась непреодолимому чувству увидеть еще раз все места, где протекло мое безмятежное и счастливое детство; я шла сказать последнее прости птицам, которых я так любила, ручейку, где я часто утоляла жажду, деревьям, под тенью которых я часто сиживала, — одним словом, всему, что я так любила. Буду ли я в новом, неизвестном мне мире, куда я готовилась вступить, так же счастлива и свободна, как в деревне, в этом забытом уголке, где безмятежно до тех пор текла моя жизнь? Я шла куда глаза глядят, рвала попадавшиеся на дороге цветы, разговаривала с деревьями, с птицами, как вдруг на повороте одной тропинки я столкнулась лицом к лицу с молодым человеком. Я вскрикнула от удивления, — это был барон де Гриньи.

Он почтительно поклонился мне.

— Простите ли вы меня когда-нибудь, мадемуазель! — проговорил он, видимо, сильно взволнованный, — я знаю, что я жестоко провинился перед вами моей грубой и неуместной выходкой, но, тем не менее, я надеюсь на вашу доброту.

— Милостивый государь, — отвечала я, покраснев, как и в первый раз, когда я встретила с ним.

— Скажите мне всего одно только слово, скажите мне:

«Прощаю!» — продолжал он пылко, — если вы не хотите сделать из меня самого несчастнейшего из людей. Если вы не простите меня теперь, вы этим навсегда лишите меня возможности видеть вас. Не будьте же так жестоки и смилуйтесь надо мной.

— Вы желаете, чтобы я вам простила? — отвечала я, опуская глаза и краснея, как вишня, — хорошо, я согласна простить вас, милостивый государь, и это тем охотнее, что мы видимся с вами в последний раз. По крайней мере, я так думаю!

— Что хотите вы сказать этими словами, мадемуазель? — вскричал он с волнением.

— Я уезжаю, милостивый государь, — отвечала я просто. — Мой отец берет меня к себе.

— А! — проговорил он с видимым удовольствием, — наконец то, вы

возвратитесь в свою семью!

— Увы! Нет! — прошептала я. — Отец решил, что я должна сегодня же поступить в монастырь.

Молодой человек побледнел, зашатался и готов был упасть.

— Боже мой! — воскликнул он с тоской. — Неужели я нашел вас для того, чтобы потерять снова!

Я была беззаботным, веселым ребенком, не имевшим никакого понятия о том, что так печалило моего собеседника, однако, печаль красивого юноши показалась мне такой искренней, его горе таким глубоким, что я невольно почувствовала себя растроганной, и мне захотелось утешить его.

— Зачем говорить так! — заметила я ему с притворной веселостью, — ведь, если я не ошибаюсь, вы, кажется, друг моего брата?

— Правда, — сказал он, поднимая голову, — значит, вы мне позволите видеться иногда с вами, мадемуазель?

— Я не имею никакого права ни позволять, ни запрещать вам что-нибудь, милостивый государь, и, кроме того, — прибавила я с легкой иронией, — я еду в монастырь, а не в замок. Я ведь уже говорила вам это.

— В монастырь! Правда! — сказал он в отчаянии, ударяя себя по лбу. — В какой?

— Не знаю.

— О! Я узнаю! — проговорил он с жаром, — узнаю во что бы то ни стало! Вы простили меня, благодарю вас, мадемуазель. Я уношу с собой счастье всей моей жизни. Вы добры, вы сжалились надо мной! Ничто не может мне помешать увидеть вас вновь! До свидания, мадемуазель, до свиданья!

Произнеся эти слова с такой экзальтацией, которая почти испугала меня, молодой человек бросился бежать от меня и скоро скрылся из виду.

Я ничего не понимала и была почти уверена, что он сошел с ума. Эта неожиданная встреча вызвала во мне странное, непостижимое волнение, и я в глубоком раздумье повернула на зад на ферму.

Два часа прошли очень быстро. Я простилась с семьей моей кормилицы; сердце мое сильно ныло при расставании с этими честными людьми, любившими меня так искренно и плакавшими при прощании со мною Андрэ, о котором я уже тебе говорила, захотел непременно ехать со мной. По моей просьбе отец согласился взять его, и — чего я, признаюсь, даже не ожидала — назначил его состоять исключительно в моем распоряжении. Бедный мальчуган не помнил себя от радости; меньше чем в десять минут он собрал в узелок свои скромные пожитки и весело уселся

на козлы рядом с кучером.

Отец пригласил в замок всех родственников, и я была официально представлена всей семье. Тут же я увидела в первый раз моего брата Филиппа, тогда он был красивым молодым человеком, с надменным лицом, едва пробивающимися усиками и с орлиным взором. Он с жаром поцеловал меня и, по видимому, был очень рад увидеть меня. Через два дня после этого я была уже в монастыре.

Этот монастырь, моя дорогая, ты знаешь так же хорошо, как и я. С этого времени началась наша неизменная дружба, в которой мы поклялись...

— И которая, — перебила ее графиня, — и в настоящее время так же сильна, как и в первые годы, неправда ли, моя Леона?

— Разве мое присутствие в этой комнате не доказывает этого, дорогая Камилла?

— Да, совершенно верно... но продолжай дальше, моя прелесть, только пропусти наше пребывание в монастыре, потому что тут ты не будешь в состоянии рассказать мне что-нибудь новое, — отвечала графиня.

— Злая!

— О! Не станем поднимать свои старые споры.

— Ты помнишь?

— Все.

— И твою ревность?

— По поводу твоей близкой дружбы с Герминой де Гриньи, сестрой барона.

— Дружба, которая подчас была тяжела для меня благодаря ни на чем не основанной ревности некой Камиллы, которая так же страстно отдавалась своим привязанностям, как и ненависти.

— И которая осталась такой же и в настоящее время! — отвечала графиня де Малеваль, улыбаясь как-то загадочно.

— Ты помнишь, что для того, чтобы разогнать облако, омрачившее нашу дружбу, я должна была рассказать тебе историю любви ко мне барона де Гриньи, объяснявшую мои отношения к его сестре.

— Которую ты сделала также и своей наперсницей.

— Да, — отвечала Леона со вздохом. — Арман сдержал свое слово. Под предлогом свиданий с сестрой он получил доступ в нашу приемную. Благодаря Гермине никто, за исключением тебя, даже и не подозревал истины. К тому же, в нашей любви не было ничего предосудительного, кроме таинственности. Имя Армана было достойно моего. Ничто в будущем не могло помешать нашему союзу; мы любили друг друга,

уверенные, что в недалеком будущем наши отцы дадут согласие на наш брак. Но, увы! Вышло совсем иначе. Мечты, которыми мы так убаюкивали себя, грубо разбились о печальную действительность.

Глубокий вздох вырвался из груди Леоны, она опустила голову и задумалась.

— Ну, полно! — проговорила тихо Камилла, целуя ее. Леона выпрямилась, огонь сверкал в ее глазах.

— Ты права, — отвечала она твердым голосом, — выслушай же мою исповедь до конца. Мне было семнадцать лет, когда мой отец внезапно взял меня из монастыря под предлогом, что мое образование закончено и для меня настало время вступить в свет.

Через два дня после моего приезда в замок отец дал бал, куда была приглашена вся знать провинции. Барон де Гриньи тоже был на этом балу. Сестра сказала ему о моем выходе из монастыря, и он поспешил ответить согласием на присланное ему приглашение, как и всем вообще местным дворянам, принадлежавшим к обычным посетителям замка.

Танцуя со мною, барон объявил мне о своем намерении немедленно просить у моего отца моей руки. Я стала отговаривать его от такой поспешности, ничем в сущности не мотивированной, но барон печально покачал головой и отвечал мне:

— Дорогая Леона, я понимаю, насколько эта поспешность кажется вам несвоевременной, потому что вы только что вернулись в свою семью, но, сам не знаю почему, у меня являются мрачные предчувствия и я просто дрожу от страха за наше счастье. В обществе ходят слухи... впрочем, вам совершенно бесполезно их знать. Словом я думаю, что мне даже необходимо предупредить события и поторопиться с предложением.

— Что хотите вы этим сказать? — воскликнула я с беспокойством, вызванным странным тоном его слов. — Я не понимаю вас, объясните мне Бога ради!

— Не настаивайте, умоляю вас. Вам лучше всего ничего не знать, — сказал он печально.

— Заклинаю вас, — отвечала я с мольбой, — скажите мне!

— Вы требуете этого?

— Умоляю вас!

— Хорошо. Пусть будет по-вашему, — прошептал он с горечью. — Говорят, что ваш отец хочет выдать вас замуж за маркиза де Буа-Траси!

— О! — проговорила я с презрением, — не может быть, вы просто бредите! Каким образом мой отец, помешанный на благородстве, может согласиться на такой неравный брак!

— Он маркиз! — сказал Арман со злой иронией.

— Но это ровно ничего не значит. Он — сын откупщика, разбогатевшего благодаря рискованным спекуляциям... его презирают все.

— Очень возможно, — заметил он с грустной настойчивостью, — но этот человек обладает восемью или десятью миллионами.

— Так что же из этого! Мой отец, я уверена, никогда не согласится породниться с денежным мешком, как бы толст он не был!

— Вы молоды, вы почти дитя, дорогая моя Леона, и не знаете самых первых условий жизни.

— Какое мне дело до жизни? Я люблю вас, Арман, одного вас, и...

— Бедная Леона! — сказал он, вздохнув, — как вы мало знаете жизнь! Так узнайте же всю правду! Лучше вы будете знать всю жестокую истину, чем оставаться дольше в заблуждении; мне тяжело обвинять вашего отца перед вами, но так как вы сами вызвали меня на это объяснение, то в ваших же интересах вы должны узнать все подробно и должны теперь же решить, как вам следует поступить. Говорят, заметьте, что я сообщаю вам одни только слухи, говорят, что герцог де Борегар разорен!

— Разорен! — вскричала я. — Он? Мой отец?

— Да. Я даже и сам знаю, что несколько времени тому назад он понес очень большие потери; другие причины, о которых я должен умолчать и которых вы не поймете и не в силах оценить благодаря вашему полному неведению жизни, ускорили или, лучше сказать, dokonчили разорение вашего отца, который находится теперь в страшно стесненных обстоятельствах!

— О! Это невозможно!

— Увы! — продолжал он, — положение графа де Борегар еще более ужасно, чем я вам говорю, и чего вы даже и подозревать не можете.

— Но, — спросила я его с тоской, — что же общего имеет маркиз де Буа-Траси с разорением моего отца?

— Маркиз де Буа-Траси, моя бедная и милая Леона, — прошептал он раздирающим сердце голосом, — в настоящее время состоит единственным кредитором герцога — он тайно, через посредство одного человека, скупил все его векселя.

— А велик долг?

— В общей сложности долгов больше двух миллионов ливров, — отвечал барон, опуская глаза, и так тихо, что я едва могла расслышать его слова.

Несмотря на мое полное невежество в денежных делах, я почувствовала, что силы покидают меня и, если бы Арман не поддержал

меня, я упала бы на паркет.

Но сильное горе сейчас же вызвало и реакцию.

Послышались шаги.

— Вот мой отец, — сказала я барону довольно твердым голосом, хотя уверена, что не была бы в состоянии выговорить хоть одно слово за минуту перед тем, — ни слова более.

— А мое предложение? — прошептал он мне на ухо. — Согласитесь на него, умоляю вас; нам во что бы то ни стало нужно узнать решение вашего отца.

— Завтра, непременно.

В эту минуту в комнату к нам вошел герцог. Слегка поклонившись барону, он взял меня за руку и заставил следовать за собой в другой салон и здесь, без всяких предисловий, не дав мне опомниться, подвел меня к человеку лет пятидесяти, превосходно одетому, довольно обыкновенные черты которого отличались, впрочем, некоторой правильностью.

— Милое дитя, — сказал он, — позволь мне представить тебе маркиза де Буа-Траси, моего лучшего друга.

Когда я услышала эти слова, меня охватило такое невыразимое горе, что я пошатнулась и побледнела, как мертвец.

— Боже мой! — вскричал маркиз, бросаясь ко мне, мадемуазель дурно.

Звук этого голоса окончательно добил меня, и, как бы подтверждая его слова, я упала в обморок.

Отец велел отнести меня в мою комнату и отдать на попечение моей горничной. Бал расстроился, все разъехались. Было два часа ночи, когда отец явился ко мне и вошел в мою спальню.

Я лежала на кушетке; я пришла в себя только полчаса тому назад и плакала.

Отец с минуту молча смотрел на меня, затем сел возле меня и взял мою руку.

— Вы страдаете, моя дочь, — сказал он мне, — что с вами? Я не отвечала: что могла я сказать ему? Он нахмурил лоб.

— Нам нужно объясниться, — проговорил он, как бы разговаривая сам с собой, — и лучше теперь, чем потом. Выслушайте меня, дитя мое, вы узнаете мою волю, мое желание!

Слова эти были произнесены таким суровым тоном, что я задрожала от страха.

Отец продолжал:

— Дитя мое, — говорил он, — я взял вас из монастыря потому, что

хочу выдать вас замуж.

— Выдать меня замуж! — вскричала я вне себя от горя.

— Да. Один из моих близких друзей, чрезвычайно богатый и уважаемый человек, сделал мне честь и просил у меня вашей руки; я дал ему слово. Союз этот желателен во всех отношениях. Приготовьтесь к свадьбе. Через два дня вы выйдете замуж за маркиза де Буа-Траси.

— О! — вскричала я с отчаянием, — этого не может быть! — А почему бы, скажите пожалуйста? — спросил отец холодно. — Неужели правда то, что я слышал? Вы любите другого и хотите сделаться его женой?

— А если бы и так? — сказала я таким твердым голосом, что это удивило его.

— Я был бы в отчаянии, — отвечал он мне сухо, — но я дал слово, и ничто и никто не может заставить меня взять его назад.

— Отец! — воскликнула я, бросаясь перед ним на колени, — заклинаю вас всем святым, не обрекайте меня на вечное несчастье. Я не знаю этого человека. Он втрое старше меня. Наконец, я не могу любить его!

— Вы сумасшедшая! — сказал он резко. — Встаньте!.. Встаньте! Какой же вы, однако, ребенок!

— Умоляю вас именем моей матери.

Отец побледнел и, видимо, стал колебаться. У меня блеснула надежда.

Я схватила его руки, целовала их и обливала слезами.

— Нет! — вскричал он вдруг, сурово отталкивая меня, — так надо! Через два дня вы сделаетесь женой маркиза.

С этими словами герцог вышел из комнаты, а я лежала на полу совершенно разбитая так неожиданно свалившимся на меня горем.

Горничные подняли меня и положили на постель. У меня началась нервная горячка с бредом.

Целый месяц была я между жизнью и смертью, но молодость взяла свое, и я стала выздоравливать.

С того дня как отец объявил мне свою волю, он не входил больше в мою комнату. Брат заходил несколько раз, но вместо того, чтобы, как я надеялась, найти в нем поддержку, я встретила в нем сильного союзника отца, так же, как и он, желавшего возможно скорейшего брака моего с маркизом. Для меня не было никакого выхода. И отец, и брат преследовали оба одну и ту же цель.

Свадьба, отложенная благодаря моей болезни, была окончательно назначена в ближайшее воскресенье. День моего выздоровления приходился в четверг — оставалось всего два дня.

От Армана не было никаких известий; я даже не знала, делал ли он

моему отцу предложение или нет и каковы были последствия этого смелого шага.

Однажды вечером, когда я уже хотела ложиться спать, одна из моих горничных, помогая мне надевать пеньюар, вложила мне в руку записку, приложив палец к губам, как бы призывая меня этим к молчанию.

— От него! — прошептала она мне на ухо.

Оставшись одна, я развернула записку: она была, действительно, от Армана. Он умолял меня прийти на свиданье вечером в одиннадцать часов; он хотел проститься со мной. Он будет ждать меня в парке, подле голубятен.

Его просьба была так трогательна, письмо было так почтительно, моя любовь к нему так чиста и глубока, наконец, я чувствовала себя такой несчастной и покинутой всеми, что я, не колеблясь, решила сейчас же идти.

Было половина одиннадцатого; я быстро оделась вновь, накинула тальму и, не раздумывая долго, вышла из комнаты и прокралась в парк. Ночь была теплая, небо блистало звездами, замок был погружен в темноту; обитатели его спали или притворялись спящими. Ночь благоприятствовала нам.

Когда я пришла на место свиданья, пробило одиннадцать часов. В ту же минуту послышался легкий шум, и дверь, пробитая в стене парка, полуоткрылась.

Показался какой-то человек. Это был Арман. Он бросился передо мной на колени.

— Наконец-то, я вижу вас, Леона! — прерывающимся от волнения голосом сказал он. — Благодарю вас за то, что пришли и спасли меня от отчаяния!

— Увы! — отвечала я, — я поступила нехорошо, согласившись на это свиданье, которое только усилит наши страдания. Или вы не знаете, что через два дня я буду женой ненавистного мне человека?

— Да, это правда! — проговорил он мрачным голосом, вставая с колен. — О! Да будет проклят отец, решившийся отдать вас этому человеку!

— Арман, — сказала ему я, — нам суждено страдать.

— А между тем, — прошептал он через минуту, — если бы вы любили меня так, как я вас люблю, Леона, может быть, для нас еще не все было бы потеряно?

— О! Неужели вы сомневаетесь в моей любви?

— Нет, Леона, я не сомневаюсь в вашей любви; я боюсь, что у вас не хватит мужества, не хватит энергии.

— Говорите, что нужно сделать?

— Время дорого, Леона, выслушайте меня, мы должны спешить... Я просил вашей руки у отца, отдавал ему все свое состояние, он довольно грубо отказал мне. Я ушел с разбитым сердцем.

— Дальше? — сказала я едва внятным голосом.

— Остается только одна надежда на вас, — продолжал он, — все зависит от вас.

— О! Тогда все спасено!

— Не говорите, не выслушав меня до конца, Леона.

— Говорите, ради самого Неба! И если только это зависит от меня, я все сделаю.

— Нам остается всего только два дня. Этого времени для нас с избытком достаточно. Завтра в это же время вы придете сюда, нас будет ждать карета. Я повезу вас к себе. Священник обвенчает нас. Клянусь вам честным словом дворянина, что я сам отвезу вас к отцу, который тогда уже не в состоянии будет противиться нашему счастью и простит нас.

Я в полном отчаянии опустила голову.

— Леона, — продолжал он настойчиво, — дело идет о нашей любви! о нашем счастье!

— Увы! Я знаю, друг мой, — отвечала я с грустью, — но что же делать?

— Бежать!

— О, нет, никогда, мой друг! — вскричала я, внезапно выпрямляясь, — бежать мне? Невозможно! Я не хочу, чтобы вы после краснели за меня.

— Вы произнесли мой смертный приговор, Леона, вы никогда не любили меня! — воскликнул он вне себя от отчаяния. — Прощайте, вы свободны, — добавил он затем, низко кланяясь.

— Да! — проговорил чей-то насмешливый голос, от которого кровь застыла у меня в жилах, — да, мадемуазель де Борегар свободна! Но вы, барон де Гриньи, вы не свободны!

Кругом нас появились лакеи с зажженными факелами. Мой отец и брат выступили вперед. Первый был мрачен и молчалив. Второй — это он обратился с такими словами к Арману — второй насмешливо улыбался.

Мне казалось, что земля разверзлась предо мною. Я слушала и смотрела как во сне. Арман, наоборот, не казался ни взволнованным, ни изумленным.

— Ловушка! — проговорил он презрительно. — Признаюсь вам, — сказал он, оборачиваясь ко мне, — не знаю, кого мне обвинять в этом

подлом предательстве!

— Это вы подлец и негодяй, барон де Гриньи! — крикнул мой брат.

Арман улыбнулся, вынул свою шпагу, переломил ее о колено и бросил к ногам герцога и маркиза де Борегар.

— Хорошо! Да, впрочем, не стоит ломать себе голову над выяснением этого обстоятельства. Может быть, это ловушка? Тогда убейте меня, господа! Или вы желаете драться со мной на дуэли? Согласен, но только не при ней! Теперь же позвольте мне пройти, а завтра я весь к вашим услугам.

И он холодно отстранил их.

Затем он обернулся ко мне.

— Леона, — сказал он мне, — вы не ответили еще мне.

— О! — вскричала я с тоской, — о, Арман! Зачем вы просите у меня согласия на то, на что я не могу согласиться? Бежать с вами — погибнуть в глазах света! Ах! Нет!.. Это невозможно! После такого скандала вы сами откажетесь назвать меня своею женой!

— Леона! Во имя Неба! От вас отнимают счастье всей вашей жизни... и осуждают на несчастную жизнь и меня!

Глава XVII. ДВЕ ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЕ ЕХИДНЫ

После недолгого молчания Леона снова продолжала свой рассказ.

— Ты не можешь себе представить, дорогая Камилла, безумный ужас, охвативший меня при виде этих людей, вынырнувших из темноты, как ужасные призраки. Красноватый свет факелов придавал им кровавый оттенок. Свирепое выражение лиц, сверкающие лезвия шпаг, мрачное молчание, следовавшее вслед за высокомерным ответом барона де Гриньи, — все это пронеслось вихрем в моем мозгу, и я в невыразимом ужасе, полумертвая, опустилась на траву под деревом. Рыдания душили меня. Господь сжалился надо мной. Он послал мне слезы. Я плакала. Я чувствовала себя спасенной. Мое положение было ужасно. Посреди смертельной опасности, носившейся над головами этих гордых, надменных людей, я чувствовала, как всеобщее презрение тяготело надо мною. У меня хватило мужества и силы отказаться от предложения Армана; но разве я поступила хорошо, согласившись на свидание и явившись на него? Они не считали это жертвой с моей стороны.

Ни отец, ни брат не удостоились бросить мне ни одного сострадательного взгляда. Поступок барона де Гриньи поразил их. Но удивление их продолжалось недолго. Взглянув друг на друга, отец и сын медленно подошли к противнику. Л тот, высоко подняв голову, с блестящими глазами, с презрительной улыбкой и скрестив руки на груди, с невыразимым презрением смотрел на них. Подойдя к нему на расстояние шпаги, герцог де Борегар и его сын остановились. Наступила страшная минута. Мой отец первый нарушил молчание.

— Милостивый государь, — сказал он холодно, — вы проникли сюда, как вор. На своей земле я полноправный судья, и никто не может помешать мне наказать вас так, как вы этого заслуживаете.

Вместо всякого ответа барон де Гриньи пожал плечами.

— Но, — продолжал в том же тоне герцог, — добродетель и высокая нравственность мадемуазель де Борегар защитили ее от ваших постыдных посягательств и гнусных преследований настолько, что моя помощь была ей не нужна.

Арман молча посмотрел на меня. Я никогда не забуду этого взгляда.

Затем мой отец прибавил:

— Ни ее, ни вашей чести не нанесено никакого оскорбления. Мне не за что мстить вам, милостивый государь.

Мой брат сделал движение, которое отец остановил, окончив свою речь так:

— Тем не менее, вы не выйдете от меня, не выслушав моего мнения относительно вашего поведения. Вы вели себя не так, как подобает джентльмену, вы покрыли позором имя, завещанное вам предками. Мой сын назвал вас трусом и подлецом, а я прибавлю от себя, что вы поступили, как лакей. Теперь, — сказал герцог, поворачиваясь к своей свите, — нам тут нечего делать, а этот господин пусть уходит отсюда!

При таком кровном оскорблении барон с поднятыми кулаками бросился на моего отца, стоявшего неподвижно и с презрительной улыбкой на устах.

Но мой брат, как молния, бросился между ними и оттолкнул Армана.

— Назад, милостивый государь! — крикнул он, — вы ошиблись, вы должны броситься на меня!

И он перчаткой ударил барона по лицу.

Крик отчаяния вырвался у меня из груди. Арман остановился.

Это последнее оскорбление вместо того, чтобы окончательно взбесить барона, как того ожидали все свидетели этой ужасной сцены, напротив, вернуло ему обычное хладнокровие. Он отступил назад и поклонился герцогу:

— Я удаляюсь, милостивый государь, — сказал он со спокойствием, в тысячу раз более ужасным, чем его прежний гнев.

— Благодарите моего отца, — крикнул ему иронически маркиз, — без его приказа вы не вышли бы живым отсюда.

— Вы... до свидания, не так ли? — сказал безразличным тоном Арман.

— Когда вам будет угодно... конечно, как можно скорее.

Барон де Гриньи сделал несколько шагов к выходу, но потом, опомнившись, он вдруг прямо направился ко мне.

Его благородное, прекрасное лицо поразило меня мертвенной бледностью, выражение странного презрения и сострадания лежало на его чертах, искаженных от страшных усилий сохранить внешнее спокойствие.

— Прощайте, Леона! — проговорил он с невыразимой печалью.

Это прощание было так торжественно, что никто не осмелился прервать его.

— Прощайте, Леона! — продолжал он, — я не стану добиваться, какое участие принимали вы в этом ужасном происшествии.

Я в полном отчаянии подняла руки к небу. Он считал меня соучастницей отца и брата!

Арман продолжал:

— Меня прогоняют оскорбленного и обесчещенного в ваших глазах! Я уйду. Забудьте меня, вам нетрудно будет сделать это, — прибавил он с горечью.

Я упала на колени и с мольбой сложила руки... Я хотела говорить, но силы покинули меня.

— Прощайте! — сказал в последний раз Арман. Затем он удалился медленными шагами, с высоко поднятой головой и ни герцог, ни маркиз ни одним жестом не остановили его. Ворота парка затворились за ним. Все было кончено.

На другой день венчальное платье, венок и букет из флер д'оранжа на столике подле богатой свадебной корзинки напомнили мне безотрадную действительность. Я вышла из своего бесчувственного состояния для того, чтобы только сильнее почувствовать свое глубокое горе.

День прошел. Я видела только своих горничных и не обращала внимания на их притворную лесть, на их банальные утешения. Ввиду такого одиночества я одну минуту надеялась, что мне дадут более продолжительную отсрочку. Сильная лихорадка трясла меня. Мне казалось даже, что эта лихорадка — предвестница новой болезни, а с ней и близкой смерти. Я призывала, ее всеми силами моей души. Увы! Я ошибалась.

Или, лучше сказать, я была далека от того, чтобы подозревать, что события примут такой оборот, что я сама первая попрошу как можно скорее заключить этот ненавистный брак. Под вечер мне доложили, что меня желает видеть мой отец. Он вошел.

Он, казалось, сгибался под тяжестью горя. Я сделала движение встать. Он жестом остановил меня и сел подле.

— Леона, — обратился он ко мне, — вы страдаете и вы обвиняете меня в тиранстве, не так ли?

Я смотрела на него, пораженная, не зная, что отвечать. Он продолжал тихо:

— Да, вас удивляет, что я говорю с вами так после вчерашнего происшествия. Увы! Мое бедное дитя, — на меня нельзя сердиться за это. Я не палач ваш, но такая же, как и вы, жертва ужасных стечений обстоятельств.

— Герцог! — прошептала я слабо.

— Бог свидетель, что я люблю вас, — продолжал он грустно.

— Вы любите меня, и вы хотите несчастья всей моей жизни! — не

могла я удержаться, чтобы не сказать ему, с трудом, сдерживая рыдания.

— Да, я люблю вас, и вот неопровержимое доказательство этого. Этот брак, Леона, который приводит вас в такое отчаяние, был выгоден для нас. Я решил устроить его, а чтобы заставить вас согласиться на него, я надел на себя маску суровости и строгости, которая тяготит и жжет мне лицо. Я чувствую, что не в силах выдержать этой роли до завтра, т. е. до вашей свадьбы.

Я упала с облаков.

Отец продолжал с прежнею кротостью:

— Вы молоды, счастливое будущее открыто перед вами: я — старик, который скоро сойдет в могилу, я не признаю за собою права осуждать вас на тоскливую, горькую жизнь. Вы свободны, дочь моя!

— Свободна!

— Да, этот брак, который вам так ненавистен, никогда не совершится; сегодня же вечером я откажу маркизу от своего и вашего имени.

— Возможно ли это? — спросила я, замирая от восторга.

— Осушите ваши слезы, Леона, вы не выйдете замуж за маркиза де Буа-Траси.

— О, отец! отец! — могла только проговорить я, пряча голову у него на груди, — вы вторично даете мне жизнь.

На одну минуту герцог прижал меня к своей груди, затем, грустно улыбаясь, поцеловал меня в лоб и снова посадил на кушетку, с которой я встала.

— А теперь, после того как вы успокоились, дочь моя.

— О, мой добрый отец!

— Я хочу оправдать себя в ваших глазах и доказать вам, что как бы жестоко и сурово ни было мое поведение относительно вас, оно, во всяком случае, вызвано было только исключительными обстоятельствами.

— Верю, отец, вам не нужно защищаться.

— Нет, — продолжал он настойчиво, — я хочу, чтобы вы выслушали меня, Леона, я заставил вас страдать.

— Вы добры и великодушны, отец.

— Выслушайте же меня, дорогая Леона; повторяю вам еще раз, вы должны знать все, но я буду краток и не стану утомлять вас своим рассказом.

— Отец, я не могу согласиться, чтобы вы... Но он перебил меня повелительным тоном. Я молча наклонила голову.

— Я не только питал глубокую, сильную привязанность к вашей матери, но я безгранично любил ее. Когда она умерла, мне казалось, что у

меня вырвали сердце. Я чуть не умер с горя. Но у меня был сын, и я решил жить для него. Что же касается вас, мое бедное дитя, невинной причины смерти вашей матери, то у меня не хватило мужества оставить вас у себя:

ваш вид напоминал бы мне о моей утрате и растревлял бы незажившую рану.

— Я знала это, — прошептала я.

Мой отец вздохнул, вытер слезы и затем снова продолжал:

«К несчастью, сын был очень молод для того, чтобы заполнить пустоту, образовавшуюся в моем сердце и, чтобы забыться, я стал на стороне искать развлечений. Увы! Что могу я сказать вам, бедное дитя? Рок тяготел надо мной; после смерти вашей матери несчастье навсегда поселилось в моем доме. Три месяца тому назад я окончательно убедился, что открывшаяся под моими ногами пропасть готова поглотить меня.

Одним словом, я узнал, что я совершенно разорен и вместе с тем лишился даже и своего влияния. Будущее сына, честь имени — все погибло в этом ударе судьбы! В это самое время маркиз де Буа-Траси приехал ко мне. Я не хотел принимать его, но он почти силой проник ко мне. Маркиз де Буа-Траси — человек денег, финансист; он на все смотрит с коммерческой точки зрения, и его правило идти прямо к цели. Свиданье наше продолжалось очень недолго, и вот что он мне сказал:

« — Господин герцог, я — единственный ваш кредитор: я скупил все ваши векселя. Ваш долг равняется трем миллионам девятистам семидесяти семи тысячам ливров, то есть почти на миллион двести тысяч больше, чем стоят все ваши земли. Вы разорены».

Я молча опустил голову. К несчастью, все это было совершенно верно.

» — Поэтому, — продолжал он бесстрастно, — я пришел заключить с вами сделку, которая заключается в следующем, господин герцог. Я отдам вам все векселя и, кроме того, прибавлю еще два миллиона, чтобы вы могли как следует устроить свои дела, а взамен этого вы отдадите мне руку вашей дочери;

она слывет очаровательной красавицей. Я слишком недавно получил дворянство, и для меня необходимо породниться с такою семьей, как ваша, которая ведет свое начало со времени крестовых походов. Я даю вам три месяца сроку, чтобы обсудить предложение, которое я имел честь вам сделать. А затем, господин герцог, примите мои самые искренние пожелания. Через три месяца я явлюсь за ответом.»

С этими словами он поклонился мне и вышел, оставив меня в полнейшем оцепенении от удивления и бешенства.

Сначала я негодовал. Ужасные требования этого господина задели мое

достоинство, мою честь; моя гордость была возмущена при мысли о твоём браке с таким субъектом. А между тем, я отлично понимал весь ужас моего положения: я всецело нахожусь в руках этого человека, который будет тем более неумолим, что он вел рискованную игру, рассчитывая одним ударом приобрести то положение, достижение которого он поставил целью всей своей жизни. Я стал высчитывать все шансы за и против. Увы! Вывод получился слишком печальный. Мое разорение влекло за собой разорение моего сына, наследника моего имени; благодаря мне нищета и забвение ждет того, кто после меня должен будет поддерживать незапятнанное славное имя нашего рода.

Если бы я был один, Леона, я не задумался бы и самым решительным образом отверг бы это бесчестное предложение. Я долго боролся сам с собой и, наконец, был побежден.

Я понял, что славное имя, завещанное мне предками, это — залог, который я должен передать моему сыну, и я согласился. Мое оправдание, если только меня можно извинить, состоит только в том, что я не знал тебя, Леона. Я не хотел видеть тебя, Леона, ты была для меня чужая, даже больше, почти враг, потому что я не мог простить тебе смерти твоей матери.

— А теперь? — спросила я, дрожа от боязни и волнения.

— Теперь, ты, дочь моя, Леона, дорогая моя дочь! Я снова стал таким, как и в то время, когда сердце мое билось для твоей матери. Что значит для тебя разорение? Ты будешь счастлива: Господь вознаградит меня за эту жертву; твоя мать благословит меня за мой поступок!

— О, отец! Ваша доброта приводит меня в отчаяние.

— И кроме того, — прибавил он с поддельной веселостью, — что может произойти особенного, если даже мы и разоримся? Филипп сумеет добыть себе состояние и, может быть, даже на более прочных основаниях. Разве он не потомок Ранульфа — Кровавой Руки, которого так любил Хлодвиг? Не будем говорить больше об этом. Что сделано, то сделано; будь счастлива, Леона, вот в чем заключается в настоящую минуту все мое желание. Поцелуй меня, и спокойной ночи, милая девочка. Я утомил тебя своим разговором. Засни с мыслью о любящем тебя отце!

Он встал, поцеловал меня и сделал несколько шагов к двери.

Я не могу сказать тебе, дорогая Камилла, до какой степени я была взволнована. Простой и правдивый рассказ моего отца о своем ужасном положении — рассказ, тем более дорого стоивший ему, что он должен был разбить все свои надежды; безропотность, с какой он принял не только упадок рода, но и разорение своего возлюбленного сына, — все это глубоко

тронуло меня. Мне стыдно стало за мой эгоизм, я не считала себя вправе брать на себя ответственность за такое несчастье; я не знаю, что руководило мной, но только я встала и, обняв отца за шею, сказала ему шепотом, едва удерживая слезы:

— Отец! Завтра я выйду замуж за маркиза де Буа-Траси.

— Нет! — вскричал отец, быстро оборачиваясь, — к чему ты это говоришь, Леона?

— Я говорю, отец, — продолжала я более твердым голосом, и моя энергия возрастала по мере того, как крепло мое решение, — я говорю, что я готова выйти замуж за маркиза де Буа-Траси!

— Дочь моя, берегись, — проговорил отец, видимо, с трудом держась на ногах, — не забывай, что я вернул тебе свободу.

— Да, отец! И я теперь совершенно свободно заявляю вам, что желаю сама совершения этого брака!

Отец с минуту смотрел на меня нежным взглядом.

— О! — проговорил он, задыхаясь от волнения, — зачем я узнал тебя так поздно? Благодарю, благодарю тебя, дитя мое!

Он повернулся и вышел.

Я упала на кушетку, в полном отчаянии, гордясь, в то же время, принесенной жертвой.

На другой день в капелле замка Борегар произошло венчание. Я хотела, чтобы свадьба была пышно отпразднована. В глазах посторонних я была счастливой невестой, а в сердце у меня была смерть. Под конец церемонии на дворе произошло какое-то движение, смятение. Сначала я не обратила на это внимания. Мой брат должен был присутствовать на свадьбе; между тем, его не было видно, и отсутствие моего брата в такой важный час было крайне удивительно.

Я думала, что это пришел он, и повернулась, чтобы увидеть его и поздороваться с ним. Я не ошиблась, мой брат, действительно, явился в часовню, но раненый, умирающий и на носилках. В этот день рано утром между ним и господином де Гриньи произошла дуэль. Барон двумя ударами шпаги смертельно ранил своего противника в грудь.

Мой брат, не придя в сознание, умер через два часа. Моя жертва была бесполезна! Я была замужем за ненавистным мне человеком, и род Борегаров не мог уже больше восстановиться. В тот же вечер я уехала из замка со своим мужем;

почтовые лошади ожидали нас, мы поехали в Париж.

Я была представлена ко двору. Во время представления случай столкнул меня с бароном; он бросил на меня взгляд холодного презрения и

отвернулся. Не прошло и месяца со времени моего пребывания в Версале, как я получила известие о смерти моего отца; отчаяние, а может быть, и угрызения совести убили его.

Итак, я осталась одна на белом свете. Я не могла жаловаться на маркиза де Буа-Траси; он был добр ко мне и исполнял все малейшие мои желания, обходившиеся ему иногда даже очень дорого.

Передо мной заискивали, мне льстили, давали в честь меня празднества; при дворе у меня было много завистников. Всякая другая женщина на моем месте считала бы себя счастливой, я же ходила точно приговоренная к смертной казни.

Я пыталась было объяснить мое положение барону, но он с презрением отказался от всякого объяснения. Я плакала от стыда и гнева.

Наконец, через год мой муж присоединился к моему отцу и брату. Я хотела попытать еще новое и последнее средство. Я написала барону — правда, всего только два слова «Я свободна!» и поручила доставить эту записку одному надежному человеку.

Барон не замедлил ответом; вот он, читай сама.

Маркиза де Буа-Траси достала из-за корсажа смятую и пожелтевшую записку и передала ее своей приятельнице.

«Я слишком презираю вас, чтобы сделать вас своей женой, — читала графиня, — воспоминание о моей чистой любви к вам, которую вы убили, запрещает мне сделать вас своей любовницей. Я сумею воздвигнуть непреодолимое препятствие между нами и уйти от тяжелого для меня преследования».

— О! — проговорила графиня, возвращая записку своей приятельнице, — ты все-таки любишь этого человека еще и до сих пор.

— Нет! — вскричала Леона глухим голосом, — я ненавижу его! Но слушай дальше, я еще не кончила.

Он сдержал свое обещание. На другой день после того как я получила это надменное письмо, он подал в отставку, покончил со всеми своими делами, а неделю спустя покинул Францию и отправился в Канаду.

Ровно через месяц после его отъезда, я поехала вслед за ним и явилась сюда, моя дорогая. Когда я приехала сегодня в Квебек, первой моей мыслью было, конечно, отправиться к тебе, к моему единственному другу.

— Чего же ты хочешь от меня, Леона?

— Я хочу, чтобы ты помогла мне отыскать этого человека и отомстить ему.

— Хорошо, — отвечала графиня, — но сначала ответь мне на один вопрос.

— Спрашивай.

— Ты твердо решилась отомстить этому человеку и наказать его, как он этого заслуживает, без всякого милосердия?

Жесткая улыбка искривила коралловые губки маркизы де Буа-Траси.

— Он нанес мне самое тяжкое оскорбление, какое только можно нанести женщине, — отвечала она сквозь стиснутые зубы. — Я была слаба, поступила гадко, я созналась в этом и смиренно преклонилась перед этим человеком, которого я любила до обожания. Я умоляла его о прощении, но на мои мольбы он ответил мне не только оскорблением, но и презрением. Я дала клятву отомстить за себя и во что бы то ни стало сдержу эту клятву. Я готова всем пожертвовать для исполнения этой цели: моим состоянием, положением при дворе и даже моей репутацией. Ничто не остановит меня. Я покинула Францию, чтобы отправиться вслед за этим человеком, и последую за ним хоть на край света. Я хочу поразить его в самое сердце, лишить его состояния, чести, видеть его униженным у моих ног и со смехом бить его по лицу этим наглым письмом, которое он осмелился написать мне! Вот, что я задумала, дорогая моя. Одобряешь ты меня?

— Но... — заметила графиня, смотря на нее подозрительным взглядом, — почему ты, высадившись в Квебеке, поспешила прямо сюда? Оставим на время нашу дружбу в стороне.

— Почему?.. — отвечала маркиза с выражением неопределенной насмешки, — ты хочешь это знать, Камилла?

— Да!

— Ну! Я буду откровенна с тобой. Я приехала в Канаду, совершенно не зная, к кому обратиться; я думала, что здесь у меня нет ни одной знакомой души — я не знала о твоём пребывании в этой стране. Со времени нашего плаванья по реке каждый раз, когда к нам приставала барка, я принималась усердно наводить справки. Вчера твоё имя было при мне произнесено одним офицером, случайно явившимся на борт. Я искусно расспросила его. От него я узнала о твоей истории с молодым джентльменом, прибывшим из Франции.

Я тоже раз или два видела этого господина в Версале и даже немного знакома с ним. Мне помнится, его зовут граф Кулон де Виллье. Это очаровательный молодой человек, он пользовался во Франции большим успехом у женщин, которых он любил компрометировать. Тот ли это самый? Он ли это?

— Ты получила верные сведения, — проговорила графиня с искривленным от ярости ртом.

— Мне известна братская дружба, связывающая графа и барона, и у

меня тотчас же созрело решение увидеться с тобой и сказать тебе: мы обе получили одинаковое оскорбление, соединим же нашу ненависть; я помогу тебе, а ты мне, и мы отомстим оскорбившим нас негодьям.

— Итак, ты мне предлагаешь оборонительный и наступательный союз! Ты ни перед чем не отступишь?

— Да! Принимаешь ты меня в союзники?

— Принимаю от всего сердца! — вскричала графиня де Малеваль свирепо. — А! Наконец-то будет в моих руках этот человек, которого я найду среди тысячи других, ради которого я не задумалась скомпрометировать себя и который не только позорно бросил меня, но еще и осмелился хвастаться своей победой и отдать меня на всеобщее посмеяние! А я все еще колебалась! Мне казалось, что его поступок нельзя назвать бесчестным! Да, Леона, я твоя союзница!.. Ты хорошо сделала, что явилась ко мне, я не обману твоей надежды! Мы покажем этим двум ловеласам, что значит ненависть женщин, которые раньше любили их!

После этого обе приятельницы бросились в объятия друг друга и принесли свою богохульную клятву в непримиримой мести.

Когда они расстались, чтобы отдохнуть несколько часов, на лице у графини де Малеваль было еще выражение оскорбленной гордости и страшной ярости, а по губам маркизы де Буа-Траси скользила торжествующая улыбка, которая могла быть истолкована совершенно иначе.

Будущее объяснит нам эту улыбку, которой не видела ее приятельница

На другой день дон Паламед имел длинное совещание с обеими дамами. Затем он сел на коня и уехал. По его веселому лицу, по звону монет в его широких карманах нетрудно было отгадать, что авантюрист покидал дам, вполне удовлетворенный способом ведения ими дел.

В одной из предшествовавших глав мы сообщили, каким образом он пытался исполнить возложенное на него поручение. Но эта первая и, надо заметить, очень смелая попытка потерпела полнейшее фиаско.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://Royallib.ru)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)